

Чужой.

Часть вторая.

Республика.

2.1 Перемена курса.

Не хочется начинать с неприятных новостей, но что поделаешь... Впрочем, это не новость, в конце первой части я уже анонсировал, что до Москвы добирался почти пять лет. Остается рассказать, как это произошло.

Я гордо уволился из СКБ «Проектор», выдержал объяснения со всеми заинтересованными лицами, что было очень непросто и стоило немало сил и нервов. Собрал чемодан - это было как раз самое легкое и много времени не потребовало. Осталось взять билет на поезд и сообщить своим друзьям в Москве дату моего прибытия. Примерно за два месяца до описываемого времени у нас был с ними серьезный разговор, и поддержка мне была обещана.

В начале августа 1966 года я взял билет на скорый поезд Одесса-Москва, который традиционно отходил в семь сорок вечера, и за день до отъезда с утра пораньше - чтобы застать всех дома – пошел на переговорный пункт звонить в Москву. Мои друзья были настолько влиятельны, что у одного из них даже был домашний телефон.

Мой товарищ оказался дома.

Я ему сообщил о том, что завтра вечером выезжаю к ним на постоянное место жительства. Что с работы уволился, со всеми расстался и отовсюду выписался. Говорил бодро и даже пытался оптимистично шутить. Но на той стороне моего веселья не поддержали, возникла напряженная пауза. После паузы мне сообщили, что я, судя по всему, никогда не поумнею. Что нужно было до увольнения и расставания поинтересоваться, как дела в Москве. Если бы я поинтересовался, то узнал, что у них произошел разрыв отношений с боссом. Разрыв настолько серьезный, что они выезжают назад, на родину, и мы сможем поприветствовать друг друга где-нибудь на встречных маршрутах. Помахать друг другу из окошка проходящего мимо поезда.

Мой друг тоже умел пошутить, но у меня чувство юмора исчезло без следа. Я рухнул на табуретку – благо в переговорных кабинках тогда они были. Очень кстати, я бы мог рухнуть и на пол. Пытался сказать: «А что же мне делать?», но хватило ума не задавать дурацких вопросов. Вместо этого я пробормотал нечто вроде:

- Мы же недавно говорили, и вы...

- Недавно! Несколько месяцев тому назад, - он преувеличил. - И ты ничего конкретно не говорил. Так, в общем. Типа - хотелось бы...

- Но кто мог знать, что так быстро все обвалится?

- Вот и мы не знали. Поэтому нужно было сначала позвонить, а уже потом все рушить.

Мы еще недолго поговорили, в основном друг другу сочувствовали. Попрошались. Я какое-то время посидел на табуретке, потом собрался с силами и вышел. И направился

искать скамейку для обдумывания – моя привычная реакция на участвовавшие последнее время критические ситуации. На этот раз ближайшая скамейка была в городском саду.

Я уселся и попытался сориентироваться во времени и пространстве. Конечно, я был огорошен, и это еще мягко сказано. Все планы полетели в тартарары, все нужно обдумывать заново. Ясно было только одно - назад дороги нет. На работу я не вернусь, это понятно. К Мусе тоже не стоит соваться, только в варианте, что я стану папой для малышки и зятем для еврея Зюсса. Исключено. Укладываться за шкаф к маме я даже на короткое время – пока не найду квартиру - не намерен, а время это может быть достаточно длинным.

И еще один немаловажный момент - я очень остро почувствовал, что волею обстоятельств стал в Одессе... отрезанным ломтем. Это не метафизика, это вполне реальное и болезненное ощущение. Я думаю, некоторым из вас знакомо состояние, когда внезапно с необыкновенной ясностью понимаешь, что ты отрезанный ломоть – возможны варианты - в семье, в городе, в стране. Уже не склеишь... Очень болезненное ощущение и оно, несмотря на определение «отрезанный», все-таки требует операционного вмешательства. И, как правило, без обезболивания.

Примерно таким был ход моих мыслей, который приводил к очевидному результату – ехать надо. Но помню, что я не очень обвинял себя в безответственности, не каялся в том, что не позвонил заранее. Пришлось признаться самому себе в том, что я тщательно от себя же скрывал (говорят чужая душа потемки, а уж своя – тем более) – я не звонил заранее в Москву, потому что подсознательно боялся отказа. По любой причине. А тогда я, скорей всего, не решился бы на все эти подвиги. То есть это было не легкомыслие, а очередная уступка моей порочной слабости, я об этом уже упоминал. Когда у меня не хватало смелости на решительный поступок, я сознательно загонял себя в угол, в безвыходную ситуацию. Когда можно с легкой душой признать – теперь я просто вынужден поступить так, а не иначе.

Начало новых планов тоже было принято автоматически, без особых сомнений и колебаний. Легенда остается прежней – я еду в Москву. Завтра вечером, как и собирался. Лишние нервы никому не нужны. Тем более у поезда должны состояться теплые проводы, будут, кроме мамы, друзья и... Муся. С ней я повел себя как Макиавелли – сказал, что расстояние между нами только должно выяснить серьезность наших отношений. Это не разрыв, а проверка. В Мусе тоже было что-то от Макиавелли, и она сделала вид, что думает точно так же – в таком виде мой отъезд меньше смахивал на побег.

А сообщить, что в Москве все сорвалось, я всегда успею, тем более, такое развитие событий никого не удивит. Москва... это Москва.

А вот что дальше делать? Куда деваться? Не буду загружать вас вариантами, которые я предлагал себе на скамейке, скажу только, что их было немного. Главное – в городе, в котором я попытаюсь обосноваться, должен быть достаточно близкий приятель, который может позволить мне пожить у него какое-то время, пока я буду искать работу, жилье и оформлять прописку(!!!). То есть у него должна быть комната для меня – напоминаю, Советский Союз, 1966 год! Эта задачка посложнее бинома Ньютона! И товарищ должен ко мне достаточно хорошо относиться.

В результате всем условиям отвечал только один человек – мой бывший сокурсник Илья. Только у него имелись – с натяжкой – перечисленные выше условия. Но был и

серьезный – с нормальной точки зрения – недостаток. Он жил у черта на куличках, в Столице большой Союзной Республики на юге России. Туда лёта было из Одессы одиннадцать часов! С тремя посадками! А поездом, если не ошибаюсь, от Москвы четверо суток, а то и все пять. Там все должно было быть другим – и быт, и нравы, и вообще все. Это по советским временам вполне могло считаться экзотикой!

Но что удивительно, прекрасно помню – расстояния меня совсем не пугали, скорее наоборот. Уезжать – так уезжать! Тогда – помню - я впервые подумал, что на генетическом уровне мне досталось одно беспокойное качество:

«Охота к перемене мест,
Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест».

Правда, такая национальная особенность скорее относится к серии исторических анекдотов, изгнание и желание менять место жительства не одно и то же. Тут путают причину и следствие. Но... все-таки что-то в этом есть. Во всяком случае, я заподозрил, что у меня такие наклонности проявились. А можно ли считать совпадением, что мои единокровные одесские друзья сейчас, разбросаны не только по всему бывшему Советскому Союзу, но и по всему миру? Нет, определенно в этом что-то есть...

Но вернусь на скамейку в городском саду. Я подумал, что неплохо бы узнать, как к этой идее относится сам Илья.

Он с институтской скамьи любил науку. В Одессе с такой фамилией как у него – Раухвергер – делать было нечего, во всяком случае, в науке. Эту фамилию даже преподаватели выговаривали только с пятой попытки. Тогда он добровольно подался в указанную Столицу большой южной союзной Республики, в Академгородок, где был принят, наверно, из уважения к его европейскому (Одесскому) образованию. У него даже было полкоттеджа с небольшим садовым участком и домашний телефон – отличная компенсация за отдаленность.

Мы с ним изредка переписывались. Я знал, что он оформляет уже готовую диссертацию и делает это, естественно, дома.

Короче говоря, просидев часа два на скамейке, я принял решение, вернулся на переговорный пункт, позвонил Илье, застал его дома, получил искреннее (чувствовалось даже на расстоянии) согласие-приглашение и, наконец, вздохнул с облегчением.

Все остальное происходило, как и намечалось, без сучка и задоринки. Еще в Одессе я с доплатой поменял свой билет на прямой до новой станции назначения (так было дешевле, чем брать еще один билет из Москвы). Теплые проводы на одесском вокзале состоялись, из Москвы я отправил маме телеграмму с объяснениями, Мусю не беспокоил, и в тот же день с Павелецкого – если не запамятовал - вокзала отправился в новую жизнь.

2.2 Рассказ о другом человеке.

Дорога показалась мне бесконечной. Пока ехали по южно русским городам, было довольно интересно и живописно. Но когда мы пересекли границу Республики, то

начались бесконечные однообразные степи, с высохшей травой и большими песчаными проплешинами. Смотреть в окно было бессмысленно, пейзаж оптимизма не вызывал. Тогда я погрузился в себя и занялся разработкой новой стратегии. Так продолжалось до въезда в Столицу. В этот момент мое настроение изменилось. Появился серьезный повод для оптимизма.

Белый город в обрамлении зелени выглядел эффектно. Он прижимался к высоким горам и даже частично взбирался на них. Заснеженные вершины отливали чуть голубоватым серебром. Основная часть города, его центр располагался на пологом плато, наклоненном к равнине, как будто специально, чтобы обзор при въезде был лучше. Я воспрянул духом. Тем более, что на вокзале меня встречал Илья и на стареньком, но еще бодром москвиче увез в пригород Столицы, там посреди коттеджей с плодовыми деревьями где-то размещалась наука большой Республики.

Сохраняя традицию, я не даю название Республики, а город, в который приехал, именую просто Столицей. Причина все та же – не хочу загружать себя лишними документальностями, напрягаться, вспоминать названия улиц, районов, предприятий, точные даты и прочее, и прочее, и прочее. Я сознательно облегчаю себе жизнь, сохраняя силы для основного. Считаю, что главное донести суть происходящего. Словом повторение условного Саратова.

Но в данном случае, есть и дополнительный мотив – сейчас бывшая Республика превратилась в сильное самостоятельное тоталитарное государство. Сильное и обидчивое. Так что если я о нем и его жителях скажу что-то неприятное – а это очень возможно – то мне могут объявить священную войну газават. А так есть отмазка – я не вас имел в виду. Конечно это шуточки, а впрочем...

Хотя отмазка тоже ненадежная, шита белыми нитками. И в довершение всего я не знаю, как назвать местных жителей, и не просто жителей, а представителей титульной нации. Если я назову их аборигенами, меня точно разорвут на части, и правильно сделают – звучит обидно. В конце концов, это не какие-то там Соломоновы острова. Но каждый раз писать, к примеру: «Открылась дверь, и вошел представитель титульной нации» - еще длинней и назойливей чем условный Саратов, который в первой части всем надоел. Поэтому я после обдумывания вынужден пойти на компромисс - представителей титульной нации условно назвать казахами. Итак, анонимная Республика, анонимная Столица и живущие в ней в качестве представителей титульной нации казахи - как и любой компромисс все это выглядит достаточно нелепо. Зато в духе современных тенденций. Сейчас появилось столько всяких наказывающих законов, что осторожность не помешает.

Но на этом, к сожалению, сложности не заканчиваются. Только начинаются. Во всяком случае, для меня. Дело в том, что я очень не люблю вспоминать этот период. Больше того, я, образно говоря, все годы, проведенные в Столице, вырезал из памяти и образовавшуюся дыру зашил суровыми – очень суровыми! – нитками.

Я часто, особенно в последнее время – что вполне естественно – мысленно возвращаюсь в прошлое. Но никогда даже случайно не забредаю в Столицу. И не потому, что там было что-то очень плохое, из ряда вон выходящее. Нет, были сложности, были и успехи, все в обычном для тех лет соотношении. Может даже успехов в житейском, практическом смысле было больше, хотя финал, выглядел неожиданным и не очень логичным. А впрочем, с другой стороны... Ладно, не будем забегать вперед. Во всяком случае, скучать

не приходилось. Кстати и экзотики оказалось намного меньше, чем я предполагал, большинство в Столице составляло русское население, примерно с таким же уровнем образования, и такой же ментальностью, как в европейской части страны. Конечно, были в Республике свои особенности, но, во-первых, не очень контрастные, а во-вторых, о них позже.

Главная причина моей неприязни к этому периоду – в Столичном варианте я очень не нравился самому себе. Так получилось, что из Одессы уехал один человек, а в Столицу приехал другой. Поэтому глава и называется – «рассказ о другом человеке».

Наверно бесперспективная неустроенность в быту, пошатнувшееся здоровье, количество неприятностей на личном фронте и в работе переросло в новое качество. Причем резко, сразу и вдруг. Не эволюционным, а поистине революционным путем.

Скорей всего внутренняя эмиграция и новые условия жизни, требовавшие максимального напряжения, дали толчок всем этим изменениям.

У «другого человека» неожиданно для меня обнаружилась другая ментальность, другие цели и задачи, и – немаловажно - новое отношение к методам их достижения. Даже появилась новая философия, не только оправдывающая все эти изменения, но даже обосновывающая их необходимость.

Только не нужно пугаться, я никого не собирался грабить и убивать. То есть несмотря на то, что «другой человек» был тоже мной, аналогии с мистером Джекилом и мистером Хайтом Стивенсона проводить не стоит. Я и до отъезда не тянул на роль положительно героя, поэтому на благонаправленного душку мистера Джекила был не очень похож. А «другой человек» в Столице в свою очередь не напоминал ужасного мистера Хайта. Этот «другой человек» был довольно-таки нормальным, просто он (то есть я) и его (то есть моя) новая жизненная философия мне не нравятся. Именно потому я и пытался – до написания мемуаров - вычеркнуть его из своей жизни. Но из песни слов не выкинешь, все-таки это был я, но в другой ипостаси. Кстати сказать, несмотря на антипатию, я иногда думаю, что мировоззрение «другого человека» было более практичным и разумным, чем мое. Видите, как все сложно и безнадежно запутано? Я и сам мало что могу понять. Давайте распутывать вместе.

Начать следовало бы с моей новой философии. Я её разрабатывал длинной дорогой в поезде и оттачивал в долгих дискуссиях с Ильей, которому мои новые взгляды на жизнь нравились еще меньше, чем мне.

В основе новой философии был один базовый принцип – гомо сапиенс, то есть человек разумный, если у него есть голова на плечах, должен – обязан! – уметь приспособливаться к окружающей среде и окружающим его обстоятельствам. К окружающему его обществу. Даже Дарвин утверждал, что мы появились как результат переживания приспособленных. Приспособленных! То есть толковый человек должен быть жизнеспособным. Это требование природы, которая нас произвела на свет божий. Если ты не можешь ужиться, добиться благополучия и уважения, значит, толковым тебя не назовешь. Способным, даже талантливым – вполне возможно. Но толковым – категорически нет! А если ты действительно умен, то добьешься своего - в общем случае - не подличая, не предавая и даже не воруя. Если умен. Просто нужно правильно поставить главную задачу, наметить методы её достижения, проявить настойчивость пополам с гибкостью и при этом не строить из себя ангела.

Это не означает, что ты приспособленец. Ну, в крайнем случае, как сейчас говорят, конформист. И ничего страшного. Неуживчивость не признак ума и даже не признак порядочности. Отрицательный результат только в науке тоже результат, а в жизни это полный... - вместо точек можете добавить подходящее, по вашему мнению, слово.

Я сейчас понимаю, впрочем, как догадывался и тогда, что это было нечто вроде индульгенции, позволяющей применять более широкий диапазон средств для достижения цели. Но может реальный мир действительно требовал реального подхода? Впрочем, я повторяюсь.

В этой философии было не много оригинального. В то время уже многие соображали, что на личном уровне не нужно строить социализм, тем более коммунизм, не надо ездить на целину, если тебя не заставляют партия или личные тяжелые обстоятельства. И вообще, поменьше идеалов и побольше реализма и... эгоизма. Хотя жертв советской демагогии и тогда хватало. Но тех, которые понимали, что лучше заняться собой и своими близкими, становилось с каждым днем все больше.

А вот вам и практические выводы из этой философии. Я их наметил еще в поезде и с легкостью необыкновенной. Главная цель – квартира, желательно с машиной, а соответственно хорошая должность и работа, на которой эту квартиру можно получить. И зарплата. Качество работы «другого человека» вообще не интересовало (!). Дальше, квартиру одиночка получить никогда не сможет. А значит, следовало как можно быстрее жениться на ком-нибудь, кто покажется достаточно симпатичным. Не нужно перегибать палку слишком высокими требованиями. Дальше разберемся. В конце концов, если что не так - существует развод. Да и готовить, а особенно стирать (тогда стиральных машин практически не было) осточертело. Удивительно, но человека, который только за несколько дней до этого мучился проблемами брака по расчету, все эти мысли – он их теперь называл романтическими бреднями - не волновали. И еще очень важный пункт - заикливаться на морали, национальности и поощрять свою генетическую еврейскую мнительность категорически противопоказано.

Видите, насколько кардинальны изменения в мировоззрении?

Весь этот набор я демонстрировал Илье. Споры наши были регулярными весь месяц, который я жил у него. И были достаточно жаркими. Даже его жена была недовольна, и говорила, что я Илью отвлекаю от диссертации. Он действительно болезненно относился к еврейской тематике, несмотря на то – как я убедился впоследствии – что национальный вопрос если и был в Республике, то в другом формате и евреев практически не касался. Об этом я вам еще расскажу.

Но если постулат, что толковый человек должен добиваться успеха Ильей поддерживался, то намерение мое не быть мнительным и не выпадать из окружения при любых обстоятельствах его напрягало. Дело в том, что у самого Ильи были подобные проблемы. Он нес свою национальность, как знамя и был куда более обидчив и мнителен, чем я. Я по сравнению с ним выглядел чурбаном бесчувственным.

Но Илья так гордился своим еврейством, что я – вначале из чувства противоречия – стал его оппонентом и в этом вопросе. Уж слишком часто он пользовался постулатом «мы, евреи, умный народ».

- Еврейский народ в течение многих веков доказал свою жизнестойкость, таланты и прочее, и прочее, и прочее. В этом мало кто сомневается. Как ученый тебе говорю – тысячи лет это такая проверка, которая исключает возможность ошибки.

- И что же такое «и прочее, и прочее» народ доказал? – начинал я раздражаться, меня всегда шокировало заявление «мы, евреи умный народ». Получалось, что мы в умные попадаем вне конкурса. Но потом задумался всерьез. Мне показалось, что такое восторженное отношение к еврейской истории тоже из серии «все так думают», а значит, в свою очередь может быть сомнительным. Я себя – вы не забыли – относил к критическому меньшинству, и поэтому, хоть и не очень уверенно, стал рассуждать так, как еврею было не положено. Замахнулся на святое. Старался делать это по порядку и научнообразно, только такую форму спора воспринимал Илья.

- Давай сначала разберемся с народом. Какой народ доказывал это «прочее» тысячи лет? Что считать еврейским народом? Во всяком случае, до прошлого века? - я явно демонстрировал научный подход. – Ты не станешь отрицать, что это были ортодоксальные общины? Они и были еврейский народ. Ведь так?

Научный Илья с этим согласился. А я пошел дальше.

- Хорошо, это и есть народ, точнее, был им те тысячи лет, о которых ты говоришь. Так?

Мой оппонент согласился. Я решился на ужесточение темы.

- А вот насчет умный ли - не знаю...

У Ильи отпала челюсть.

- По моей новой теории умный народ за две, а то и три тысячи лет мог бы что-то сделать, что-то придумать, чтобы заслужить уважение. Не был бы вечно гонимым, унижаемым и даже презираемым. Хотя бы потому, что потомков жалко. Умный народ как-то повернул бы ситуацию, нашел бы выход и уж, во всяком случае, не стал бы таким положением гордиться. Чем тут гордиться?

- Ты что? Чем гордиться? Мы дали миру базис, основу на которой стоит цивилизация. Десять заповедей...

Я махнул рукой.

- Когда это было? Больше трех тысяч лет тому назад. Отличная база. А почему народ на этой своей прекрасной базе так ничего и не родил за эти тысячи лет? Ничего, совершенно ничего не внес в цивилизацию. Все народы, даже исчезнувшие, что-то внесли в копилку. Персы, греки, римляне, египтяне. Итальянцы, пришедшие на смену римлянам со своим возрождением. И только еврейские общины – ничего. Ни крошечки. Как это понимать прикажешь? Какое это доказательство? Чего? Ума? Ни листочка, ни буквы. Ни в литературу, ни в искусство, ни в науку, ни в медицину, ни в архитектуру. Даже свой язык потеряли по дороге, и потом бедный Бен Иегуда должен был его выдумывать заново.

- А... А... Соломон? Экклезиаст, Песнь песней.

- Во-первых, это легенды, что Соломон. Но дело не в этом. Я и говорю, когда это было? Три тысячи лет прошло, было время придумать что-то поновее.

- Погоди, погоди. В медицине Рамбам...

Я бесцеремонно его перебил, в этом я разбирался.

– Оставь. Он известен как талмудист, а врач был так себе. Обычный. Зато внес вклад в религию.

- А...А... - Илья искал аргументы, - А Спиноза, Гейне?

- Это не был еврейский народ. Это были отщепенцы. Евреи их не признают до сих пор. Заклятые враги народа и ренегаты. Хотя что-то толковое в мир приносили только те, кто ушел из общин. И так было до середины девятнадцатого века, когда евреи массово ушли из религиозного образа жизни. Тогда и проявили себя. Как люди, а не как народ.

- Ну, ты даешь! Все не в ногу, один ты в ногу. С антисемитами.

Я решил на «антисемитов» не реагировать.

- И я даже могу назвать причину этого бесплодия.

Илья всем телом изобразил знак вопроса и скепсис одновременно.

- Не только общество отделялось от евреев, но и еврейские общины сознательно жили в изоляции. Варились в собственном соку. Какой тут может быть уровень?

- А вывод? По твоей новой теории?

Илья мог быть ехидным.

- Для меня и для еврейского народа вывод одинаковый. Я вместе с еврейским народом и с Израилем должен не заноситься, не гордиться сверх меры собой и своим великим прошлым, а стараться сделать анализ ошибок нашей истории, чтобы их не повторять. Не быть в окружающей нас действительности чужими. Учиться быть своим.

- Во всяком случае, Израиль так себя и ведет. Уверенно и достойно. А пропаганда наша просто врет.

В этом я с Ильей с удовольствием согласился.

- Да. Это точно. Надеюсь, так будет и дальше.

Был 1966 год. Оставалось меньше года до шестидневной войны.

2.3 Знакомство со Столицей.

Теперь, когда вы догадываетесь, чего от меня можно ожидать, я продолжу рассказ.

На следующий же после прибытия день я отправился в город и активно занялся вращением в местную жизнь, что соответствовало моей новой идеологии. Впрочем, в смысле трудоустройства и старой. Я выезжал рано утром и возвращался поздно вечером. Тогда интернета не было, информация добывалась только на своих двоих. Я покупал газеты, там иногда печатались объявления, но только о наборе рабочих. Инженерно-технические кадры были невостребованными, как и в Одессе. Спасибо, хоть были наименования предприятий. Их адреса я узнавал методом опроса у встречных и поперечных, затем, где автобусом, а где пешком добирался до них, стучался в двери отделов кадров. Потом – как правило - лично убеждался, что их профиль не подходит мне или я не подхожу их профилю. А если подхожу, то мест нет. Если еще учесть, что моим обязательным условием была прописка, а большинство предприятий принимало на работу только местных, то круг замыкался. Насколько я помню, у некоторых организаций был ограниченный лимит на прописку, а у большинства и этого не было. О квартире в такой ситуации и заикаться не было смысла, это я осознал довольно быстро. Словом дело непростое и трудоемкое.

Зато за время этих поисков неплохо ознакомился со Столицей. Я уже точно не помню, что я понял тогда, какие мнения у меня сложились позже, со временем. Поэтому все сразу, без разбора вываливаю на вас.

Город при ближайшем рассмотрении оказался таким же красивым, как на виде с автовокзала, во всяком случае, центр и районы, поднимавшиеся в горы. Чем выше, тем ухоженнее и добротнее. И вообще, даже несмотря на одесский патриотизм, я признал, что денег в Столице больше. Это было очень заметно, особенно по верхней части города.

Что заставляло жителей взбираться как можно выше, несмотря на неудобство подъемов и спусков, я понял сравнительно быстро. Причина, естественно в экологии.

Я сам видел выкопировку из какого-то дореволюционного журнала, она ходила по рукам. Оказывается, на месте Столицы в царское время было военное поселение, основанное для борьбы с басмачами. И вот бесчеловечный царский режим принял решение, цитирую по памяти: «Учитывая губительный (!) климат этого района, полную замену контингента производить не реже одного раза в год».

И это решение было принято тогда, когда загазованность местности могли производить только лошади табунов, пасшихся по соседству.

Говорили, что вредными были и климатические особенности, и радиационный фон. Я не специалист в экологии, поэтому под этими слухами не подпишусь.

Но за одно ручаюсь! Основная причина «губительности» была очевидной - Столица размещается за пазухой у гор. Местные жители говорили: «Мы живем в котловане». Вплотную сзади горы, с двух сторон, как клешни рака, город и пригороды охватывают предгорья, оставляя не слишком широкий выход на равнину. А в результате в столице не было ветра. То есть не было вообще.

Может он иногда бывал зимой, может осенью, как праздник, но в памяти эти события не отложились. А вот что я отлично помню, так это страдания моего парнишки (дойдем и до него, наберитесь терпения). Как-то на его день рождения – шел третий год моей жизни в Столице - я купил большой очень красивый бумажный змей. Но чтобы его запустить должен был подуть хоть умеренный ветерок. Хоть какой-то. Он так и не подул. Бедный змей остался не востребуемым и спустя несколько месяцев моя жена (дойдем и до неё) тихонько выбросила его на свалку – он занимал много места и, когда попадался на глаза, расстраивал парня.

Однажды вскоре после приезда Илья вызвался повезти меня в горы на экскурсию. Горы были отличные, но я о другом. Там была прекрасно оборудованная смотровая площадка, откуда полагалось любоваться видом Столицы и её окрестностей с высоты птичьего полета. С утра возможно вид был красивый, но мы на эту площадку попали после обеда и даже ближе к вечеру. Перед нами открылась лужа, грязно серого цвета, сквозь которую с трудом просматривались силуэты домов и улицы. Нижняя часть города не просматривалась вообще. По поверхности лужи лениво перемещались, как волны, клочья смога. Все это напоминало океан из романа Станислава Лема «Солярис».

Какой экологии можно было ожидать? Правда официально считалось, что вечером с гор спускается прохладный ветерок. Мне он не попадался. Там даже, говорят, были горные арыки, но не слишком обдуманное строительство зарыло многие из них, осталось парочку небольших горных речушек, которые погоды не делали. Ещё говорили, что здания нужно было построить вдоль этих мифических воздушных потоков, а часть из них построили

поперек... Все эти рассуждения приносили примерно столько же пользы, сколько знаменитое: «Больной перед смертью потел?»).

Кроме этого, большую часть года, я бы сказал львиную часть, не было и осадков. Что помню отлично – часто повторяющееся загадочное природное явление под названием «Столичный дождь». Уникальное явление. Небо покрывалось угрожающими тучами, сверкали молнии, гремел гром – но это было только эффектное театральное зрелище, не больше. На земле – во всяком случае, у нас в Столице – по-прежнему не было ни дождя, ни ветра.

Впрочем, иной раз прорывалось очень небольшое количество ядовитых капель, которые набирались всякой гадости, приближаясь к земле и проходя через смог. Ровно столько капель, чтобы хватило покрыть машины ржаво-желтыми, плохо смываемыми пятнами. Смотришь на эти ужасные разводы и думаешь: «Боже, и этим я дышу!»).

Но урбанизацию и индустриализацию никто отменить был не в силах. Да и мыслей таких не было. Столица большой богатой Республики! Поэтому в котловане росли не по дням, а по часам предприятия, причем - у меня создалось впечатление – желательно с максимальными выбросами в атмосферу. Рядом с центром города, к примеру, располагался большой завод тяжелого (!) машиностроения, гордость Республики, с литейкой и кучей труб. Было много подобных предприятий, не зря же я мотался по ним полмесяца не покладая ног. И все они чадили и дымили, не говоря уже о транспорте.

Правда высшая власть и тогда это понимала. Первый Секретарь жил высоко в горах, туда вела специальная дорога, позже прозванная в народе БАМом – байская автомагистраль. Тот же народ шушукался, что Секретарь вниз спускается только с утра и ненадолго. А последующая власть вообще столицу перенесла в другое место, думаю тоже не случайно. Здоровье дороже.

Но тогда от этих мелочей я не то что в отчаяние, даже в расстройство не впал. До таких буржуазных предрассудков как экология или пестициды в мясе и овощах мы не опускались. Не говоря уже о диетах. Не до жиру. Живут же люди, значит, и мы будем. Главным было то, что пока ни работы, ни прописки я не добыл.

2.4 ЗКС.

Довольно долго, примерно полмесяца я добросовестно прочесывал предприятия и различные проектные организации, постепенно удаляясь от города в предместья. Результатов все еще не было. Но я не отчаивался. У меня оставалась надежда в крайнем случае пристроиться вместе с пропиской на одном более-менее приличном предприятии. Правда, оно располагалось довольно далеко от центра города, в пригороде, ближе к аэродрому. Но шансы определенно были. А интуиция моя на этот раз была основана на конкретной информации.

Источником информации была соседка Ильи, которая раньше жила в городе и работала в бухгалтерии завода комбинированных станков, аббревиатура ЗКС – именно об этом предприятии и идет речь. Потом она вышла замуж за соседа Ильи и переехала в Академгородок. Добираться до завода стало очень неудобно, и года два тому назад она уволилась. Потеря – по её словам - небольшая.

Все самое необходимое она мне рассказала. Я думаю, объективно. Завод был не большой и не маленький. Средний. Старый, небогатый и довольно запущенный. Дело в том, что он был всесоюзного подчинения, Министерство станкостроения и Головной

институт располагались в Москве. А значит – и это плюс - была возможность начальству ездить в столицу. Но зато – минус - в богатой Республике он был пасынком, а в Москве тоже не родным. Кадров на заводе хороших не было, он выпускал - по словам соседки – много лет одну и ту же допотопную продукцию. Планы по новой технике не выполнял, и вообще тащился с трудом, поэтому отродясь никаких премий не получал. Уж кто-кто, а бухгалтерия бы об этом знала.

Вполне естественно, в Министерстве он числился заводом четвертой, самой последней категории с соответствующими этой категории зарплатами. Ниже их не было. О строительстве и речи быть не могло, горсовет посылал завод к московскому начальству, иногда просто посылал куда подальше. Раз в два-три года они получали квартиру по общему распределению. Но зато из-за нехватки кадров у завода был лимит на прописку. Вывод понятен – на этом предприятии я не смогу добиться целей, соответствующих моим новым амбициозным взглядам на жизнь. Но как начальный этап, позволяющий прописаться, присмотреться не торопясь к жизни Столицы, поискать воистину теплое местечко – не худший вариант.

Я почему-то был уверен, что на завод меня примут. Ведущий конструктор – правда, по другим изделиям, но в те времена инженеры были широкого профиля и меняли профессии, как перчатки, это было делом привычным. Запись в дипломе «инженер-механик» означала неограниченные возможности. Потом у меня был неплохой послужной список, всесоюзные благодарности (две) за Останкино – все записано в трудовой книжке. И основное – в дипломе черным по белому написано – «станки и инструменты». Должны принять!

И меня приняли. Начальник отдела кадров (казах и отставник одновременно) сразу же предложил заполнить анкету. Потом лично повел меня по инстанциям. Главный инженер должен был появиться после обеда, поэтому мы пошли к начальнику конструкторского отдела.

Конструкторский отдел располагался в большом, но малонаселенном помещении. В зале стояло несколько кульманов, а за ними виднелось несколько пар женских ног. Время от времени хозяйки ног с любопытством выглядывали из-за досок. Я тоже в их сторону посматривал с интересом – на это полугодие у меня было запланировано на ком-нибудь жениться. Но вскоре я понял, что конструкторский отдел в этом вопросе мне не помощник. Все женщины, человек десять - двенадцать, были в диапазоне от сорока до пятидесяти - с лишним - лет. Мужчин было двое – начальник и конструктор Саша Мекк, примерно моего возраста. Он занимался ведением производства и безвылазно сидел в цехах.

Начальник своего кабинета не имел, его стол стоял рядом с входной дверью, наверно, подумал я, чтобы видеть, кто сбегает с работы. И точно, всех выходящих он скрипуче спрашивал, куда они идут, а входящих – где они так долго были. То, что за время нашего разговора ни один пантограф не шелохнулся, его не волновало.

Ему было лет под пятьдесят. Невысокий, сухощавый, выражение лица безразличное и какое-то усталое. С чего бы это, еще не было и двенадцати часов? Я подумал, что ему скучно и неинтересно. И не ошибся. Словом, он мне сразу не понравился и к тому же сбил меня с толку своей фамилией - Гольдштейн. Я долго считал его евреем, не меньше, чем полгода. А когда мне из интриганских соображений (которые вошли в обиход моего поведения в связи с новым мировоззрением) нужно было с ним поругаться, я громогласно

заявил, что из-за таких, как он, не любят всех евреев. Он не обиделся и сказал: «А я немец». Я выглядел идиотом. Потом долго и неубедительно выпутывался.

Так о Гольдштейне. Я довольно быстро выяснил, что технику он не любит и мало в ней разбирается. Он и сам мне об этом сказал. Раньше он был членом парткома и председателем завкома. Но в завком недавно поставили какого-то родственника директора Сакиева, а его бросили на конструкторский отдел. Правда помогает ему опытный конструктор Мария Ефимовна, но у неё все время дома проблемы, а сейчас и внуки пошли... Тут он сообразил, что жалуется, и поменял тему.

Мы беседовали больше часа, потом пошли на обед. Положение хозяина обязывало Гольдштейна поддерживать разговор. И постепенно я узнал не только о прошлом завода, но о его нелегком настоящем и невеселом – судя по всему – будущем.

Завод в начале войны эвакуировали в Столицу из Украины, скорей всего из какого-то приморского города, потому что он изготавливал комбинированные станки для судов. И сразу же после войны завод вернулся к отработанной продукции, хотя до моря теперь были тысячи километров. Так заводу было проще. Единственно кто работал с тех пор над конструкцией, это рационализаторы. Они ободрали и упростили все, что возможно. На судах места мало, поэтому к токарному станку раньше крепилась фрезерная приставка, откуда название комбинированный. Но для завода фрезерная часть оказалась слишком сложной, и вместо нее над торцом станка теперь возвышалась простая сверлильная головка как... как бы наглядней объяснить? Помню свое первое впечатление - как деревенский умывальник, с этой штучкой внизу, с клапаном. Очень похоже. К серому станку прикреплен умывальник красного цвета – так вроде бы положено по технике безопасности. А скорей всего они покупали сверлильную головку и перекрашивать ее не хотели. Выглядело эффектно, но нелепо. И завод продолжал эту комбинацию выпускать вот уже двадцать лет с завидным упорством и в больших количествах. Пароходов для них, естественно, не хватало. И какому пароходу нужен плохой токарный станок со сверлилкой, даже красного цвета? Тогда главк приспособился отправлять их в колхозы. Там не сопротивлялись, дареному коню в зубы не смотрят, социализм это прежде всего распределение.

И все-таки терпение Министерства лопнуло. Они несколько лет уговаривали главного инженера хоть что-нибудь сделать, и, наконец, разразился скандал. Открытая конфронтация, в которой преимущество было не на стороне завода. В конце концов министерство дало ясно понять, что если не появится новый станок, то появится новый главный инженер. Гольдштейн об этом сказал с изрядной долей злорадства, наверно он был обижен тем, что заслуженного профсоюзного работника бросили на конструкторский отдел. А я понял, что попал в нужное место и, самое главное, в нужное время. Интуиция не подвела.

Пора рассказать о своем первом впечатлении от завода, говорят же, что первое впечатление самое верное. Мне тогда пришло сравнение с гордой бедностью. На территории было чисто, даже на заднем дворе. Везде по возможности подмазано, побелено, асфальтовые дорожки с аккуратными заплатами. В цехах пытались - насколько хватало сил и денег - снаружи и внутри поддерживать порядок. Но строили завод двадцать пять лет тому назад, да еще во время войны. Денег на капитальный ремонт никогда не было. Короче говоря, сквозь макияж и старание прилично выглядела старость и обветшание. Особенно печально выглядел литейный цех – он был какой-то насквозь прокопченный. Гольдштейн сказал, что цех регулярно пытается загореться, и иногда ему

это удается. Каждый раз пожарная инспекция его закрывает, потом открывает, скрепя сердце и скрипя зубами.

А вот столовая мне понравилась, там было все достаточно съедобно по сравнению с саратовскими мослами в жаренном пережаренном масле. В первом и втором блюдах было вполне приличное куриное мясо в заметных количествах. Я тогда еще не знал, что кроме кур в Столице никаких мясных изделий не было, во всяком случае, для обычного широкого потребителя. За колбасой нужно было летать в Москву за три тысячи километров. И новый роскошный лайнер ИЛ-62 тоже вскоре стал пахнуть колбасой, как московские поезда. Мои сверстники должны помнить модную в то время загадку – что такое длинное, зеленое и пахнет колбасой? Ответ – поезд из Москвы. У нас в Столице был свой вариант этой загадки - блестит, гудит, летит и пахнет колбасой.

Я после Столицы еще несколько лет на куриное мясо в любом исполнении даже смотреть не мог, как таможенник Верещагин в фильме «Белое солнце пустыни» на черную икру. Правда на эту антипатию были и личные причины, о которых я еще расскажу.

2.5 Иванченко.

Мы с Гольдштейном обо всем переговорили и уже стали надоедать друг другу. Погуляли по заводу, потом вернулись в отдел. Там меня ждала приятная неожиданность – в задних рядах кульманов, оказывается, скрывалась довольно миловидная конструкторша, лет на мой взгляд двадцати - двадцати двух. Я еще не знал её статуса, просто подумал, что глазу будет приятно, если по соседству есть молодая светленькая и симпатичная подчиненная. Своего рода Фэн-шуй, сказали бы сейчас.

Наконец зазвонил телефон, и секретарь пригласила нас на долгожданную аудиенцию.

Фамилия главного инженера была Иванченко, а поэтому по заведенному в Респубиках правилу дружбы народов директором был Сакиев. Это соблюдалось строго – если начальник казах, то второе лицо в организации должен быть русский, точнее, как я уже говорил, не казах. И наоборот.

Звали Иванченка Дмитрий, а отчество не помню. Собственно я помню, что близкие люди его звали Дима, это мне однажды врезалось в память, был такой случай в моей Столичной эпопее. Значит Дмитрий.

Он был оригинальным человеком. Во всяком случае внешне. Прежде всего, почти альбинос – светлые волосы, светлые ресницы и какие-то прозрачные, не подберу другого определения, глаза. Почему «почти»? Потому что лицо его было загорелым, а не белесым, как бывает обычно у альбиносов. На вид ему тогда было примерно лет сорок пять, может в действительности немного больше. Среднего роста, поджарый, немного сутулился, не очень заметно - сидячий образ жизни и работы все-таки сказывался. Черты лица простоватые, но правильные, приятные, славянского типа. Поведение сдержанное, человека, знающего себе цену. Говорил негромко, никогда не срывался на крик, что было совсем нетипично для главного инженера. Кстати и голос был приятный, баритон.

Он определенно был оригиналом. Например, такая манера. Если подчиненные устраивали базар, говорили хором, не слушали его и друг друга – а это бывало довольно

часто – он так же спокойно, я бы сказал интеллигентно, не повышая голоса покрывал присутствующих виртуозным трехэтажным матом. Это всегда ошарашивало и наводило порядок. Если при этом были женщины, то мат был без ключевых слов, как у Жванецкого в «Рассказе минера», хотя смысл был так же понятен.

Когда мы вошли, Иванченко кивнул - нечто среднее между «здравствуйте» и «садитесь». Молча взял мою анкету, почитал. Потом стал листать трудовую книжку. Потом молча посмотрел на меня. Пауза. Задал своим приятным баритоном несколько незначащих вопросов. Снова пауза. Наверно обдумывал, стоит ли затевать со мной серьезный разговор. Я решил ему помочь, и довольно удачно вставил, что моим дипломом был инструментальный фрезерный станок примерно такого типоразмера, какой нужен для их комбинированного.

Иванченко решил, положение обязывало, у него ситуация была посложней моей. Он был довольно откровенен, хотя напрямую не сказал, что речь идет о его увольнении. Впрочем, дал это понять.

- Это война. Даже в Москву командировку не разрешают!

Есть только два выхода, объяснил он. Либо заказать проект модернизации на стороне, скажем в Голодном институте, тогда надо платить, и деньги министерства тоже пойдут туда. Кстати, деньги на модернизацию запланированы немалые. А потом то, что сделает дядя, переварить будет невозможно. Я согласно кивнул, это мне было понятно. Иванченко поддержка обрадовала, значит, я соображаю, что к чему.

Если завод сам будет проектировать, то выделенные министерством деньги пойдут сюда и тогда, наконец, можно будет хоть как-то привести завод в порядок. И освоить свои чертежи легче.

Тут опять наступила пауза. Он снова посмотрел на меня испытующе.

- Но делать это некому. Не Гольдштейну же...

Между ними определенно пробежала кошка. Давно, и не одна.

- А вы смогли бы?

Я собирался уверенно сказать да, хотя никакого желания ввязываться в такую тяжелую историю у меня не было. И вкус к проектированию отбили надолго, и на теплое место этот завод с его проблемами похож не был. Светлое будущее, как при коммунизме. Ни денег, ни квартиры, только тяжелая, хоть и творческая работа, которую мое новое мировоззрение отвергало напрочь.

- Подумайте хорошо. Если я возьму проект, это может стоить мне головы.

Он так и сказал, прямо и откровенно.

- Но решать что-то нужно. Даже в Москву не пускают. Подумайте до понедельника. Я возьму вас конструктором первой категории, дам личную добавку к зарплате, - он назвал сумму оклада намного меньше, чем я получал на «Проекторе». – И конечно прописка.

- А насчет квартиры?

Я видел, что ему очень хотелось соврать. Но он себя пересилил:

- Честно сказать не скоро. После победы. Если станок сдадим. Фонды на жилье это второй этап модернизации. Тогда поговорим и о квартире, и о должности, - и он выразительно посмотрел на Гольдштейна. Тот не реагировал.

Я постарался, чтобы на моем лице не отразились мысли: «Вы меня пропишите, а там или шах умрет, или осел... сбежит». Должен признать честно – то, что при этом может пострадать сам Иванченко, меня не озаботило.

Я бы сразу сказал, что за все берусь, что все сделаю, совесть мне тогда многое позволяла. Но это выглядело бы несерьезно. Я взял предложенную мне паузу на обдумывание, твердо решив смыться после прописки при первой же возможности...

Иванченко на прощанье пожал мне руку – прогресс:

- Подумайте хорошенько. Дело непростое.

Потом неожиданно вздохнул и добавил:

- Даже в Москву не пускают.

Далась ему эта Москва!

Илья, которому я все рассказал, посмотрел на меня удивленно и сказал:

- Да, ты далеко пойдешь...

Одобрения в его фразе я не услышал.

Чтобы разрядить серьезные, а может и скучные для вас разговоры, я посплетничаю. Позже я узнал, что Иванченко не случайно так поминал со вздохом Москву – у него там кто-то был. Дело в том, что он любил женщин, и многие из них (это не преувеличение) отвечали ему взаимностью. Хотя он не был таким красавцем, каким по легенде слыл известный вам Йоська-бабник, но мы знаем, что для женщин это не обязательное условие. Я уже вам сообщал все это раньше, описывая своих двух друзей, тоже из разряда бабников – помните? Может женщин покоряли его прозрачные глаза в сопровождении красивого баритона, который мог быть бархатным – я сам слышал его воркование. Так или иначе, он не знал поражений. Моя старшая будущая наставница и друг Анна Ванна называла его вездеходом и добавляла, что жена Иванченко давно с этим смирилась и безропотно воспитывала трех его детей.

Я бы не стал сплетничать, если бы это качество Иванченко не сыграло серьезную, хоть и неожиданную роль в моей дальнейшей судьбе.

2.6 В трудах праведных.

Итак, с понедельника я начал изображать кипучую деятельность. Ходил с задумчивым видом, что-то писал в блокноте, собрал все проспекты, которые были в отделе и в заводском архиве. Унес все, что было в шкафу у Иванченко, разумеется, с его разрешения. Перелистывал их что-то мурлыча – так, по моему мнению, должен был вести себя солидный разработчик проекта. Нельзя сказать, что я совсем ни о чем не думал, все-таки конструкторская жилка не давала мне полностью отключаться, но как говорят в Одессе, «понтов» было больше. Я не мог относиться к делу слишком серьезно, потому был уверен

– при первых же благоприятных условиях переметнусь на более «доходное место». И не такое ответственное.

Сейчас формально у меня был очень важный этап проектирования – я должен был разработать техническое задание, настолько хорошее, чтобы Головной институт с ним согласился и направил его мне же, но от своего имени – такая хитрая игра была повсеместно распространена. Все якобы спускалось сверху вниз. А в этом задании должны быть описаны основные принципы и основные идеи, заложенные в проекте. Все остальные этапы будут только техническим воплощением этих идей.

За месяц демонстративных творческих потуг я успел перезнакомиться с моими сотрудницами и наладил с ними хорошие отношения. Это было не трудно – я сказал, что на первом этапе мне никто не нужен, работать буду один. В их дела не вмешивался, а значит, не было поводов для недовольства.

Между прочим, довольно быстро я снял у одинокой бабки – опять у бабки - две комнаты. Две, потому что в глубине души надеялся привести туда какую-нибудь спутницу жизни, очень уж одиноко было на чужбине. К Илье было тяжело добираться, я туда ездил в воскресенье, и то не каждое. А вечера были долгие, ни телевизора, ни интернета, до центра города час на автобусе. Правда, у бабки был свой домик, возле него довольно запущенный участок – сил у старушки не было. Я было пытался завести грядку, даже кое-то посадил... Но вскоре понял, что сельское хозяйство не мой профиль.

Потом подумал, подумал...и попросил Гольдштейна дать мне в помощь кого-нибудь, кто ему не нужен. Для «черной работы» – переписать, принести, сброшюровать... Того, кто не обидится быть на побегушках. И «к моему удивлению» он предложил мне в помощницы ту самую молоденькую Людочку, которая скрывалась в задних рядах. Я так и не понял, то ли он все-таки был наивен, то ли не так прост, как казалось. Но с его предложением согласился. Наши конструкторши понимающе поулыбались, Людочка немного – самую малость - покраснела, а у меня забот добавилось. Теперь мне нужно было придумывать, что поручать помощнице, еще зеленому конструктору – она только в прошлом году окончила какой-то машиностроительный факультет. Мои задания начинались с того, что мы говорили о том - о сем, я острил, она кокетливо улыбалась, и довольно часто этим же заканчивались. Впрочем, Людочка от меня много не требовала, могла и сама себя занять. В этом она и её сотрудницы были натренированы. Они могли разговаривать до бесконечности. Было о чем поговорить. Тем более, сейчас. Напомню, все это происходило в начале сентября, тема поступления детей в институт, учитывая возраст наших конструкторш, была очень актуальна.

В это же время я параллельно занимался пропиской. Это было не очень просто. Приходилось заранее записываться на прием, который был всего пару раз в неделю, потом добывать справки из самых неожиданных организаций, включая вен и псих диспансеры. Потом опять записываться. У меня на это ушел без малого месяц. Короче говоря, в конце концов, какое-то начальствующее лицо мне поставило штамп временной прописки на шесть месяцев, пообещав через полгода заменить этот штамп постоянной пропиской. Не помню уже по каким признакам, но я догадался, что эта оттяжка времени дело рук Иванченко, своего рода испытательный срок. Я мысленно нарисовал на него зуб – есть такое выражение у преферансистов.

Хуже или лучше, но первый этап – временная работа и временная прописка – был позади, хоть дался он мне нелегко. Но что вы хотите – осесть в новом городе при

советской власти и должно было быть не просто. Это вполне можно было считать своего рода подвигом.

Правда, с самого начала меня озадачил некоторый бросающийся в глаза диссонанс. В Столице не скрывали – даже официально приветствовали – большой приток представителей титульной нации, т.е. казахов. Они массово переселялись в город со всех ближних и дальних аулов. Когда я приехал в Столицу, русских - а русскими называли всех не казахов - было раза в два больше. Но национальный состав определенно менялся на глазах. Как они оседали в городе, если проблема моей прописки решалась с таким трудом?

Но я на этом диссонансе не заикливался. Воспитанный советской властью, я считал неизбежными и даже справедливыми льготы и преимущества по самым различным признакам – национальности, происхождению, партийности и так далее. Ведь если в Республике – считал я – не будет преимущества для казахов, то зачем им такая республика нужна? Вздорные идеи реального всеобщего равенства любых граждан государства – беленьких, желтеньких и даже в крапинку – тогда в голову не могли прийти. Сейчас времена изменились – они в голову приходят. Ну и что из этого? В тех странах, где я жил и живу до сих пор неравноправие официально узаконено, наряду с красивыми декларациями о всеобщем равенстве. Но может мне просто не везло? В Европе и Штатах, говорят...

К сожалению, я там не жил. И вряд ли буду.

Но – возвращаюсь в шестидесятые годы – меня такая ситуация даже радовала, потому что никого при приеме на работу моя национальность не интересовала. Главным было казах – не казах, остальные подробности мало кого трогали. Наконец-то я попал из изгоев в большую семью неказахских народов.

И когда наши конструкторши, очень даже русской национальности, как какие-нибудь евреи, с обидой рассказывали друг другу, что их детей без зазрения совести режут на экзаменах при приеме в институт, что приходится бедных мальчиков и девочек отправлять учиться на Урал или в Тюмень, я ехидно подсмеивался. А может даже злорадно.

Хотя они были правы. Я как-то бродил в конце августа, когда искал работу, по городу, был возле институтов. Там действительно, как говорила Анна Ванна, было черным-черно. Все студенты в черных костюмах и платьях – так для торжественности было принято – черные волосы, черные раскосые глаза. Впечатляло, особенно на фоне в основном светлых прохожих. Но Республика должна была готовить национальные кадры? А как иначе? - думал я

Так и доказывал Илье. Тот в свойственной ему ехидной манере спрашивал:

- Почему же ты возмущался, когда нас резали?

- Сравнил. Там была дискриминация, без всякого смысла и оправдания. «Мы вас не любим» – и все. Просто антисемитизм. А здесь не дискриминация, а преимущество. Понял – преимущество! Для того, чтобы воспитать национальную интеллигенцию.

- Когда режут из благих побуждений, думаешь не так больно?

Я не знал, что ответить. В теории и практике дружбы народов на территории этих самых народов я только пытался разобраться.

2.7 Хорошее время.

Теперь, когда первый, а может и самый трудный перевал был преодолен, можно ускорить рассказ.

Я недавно жаловался на одиночество и тоску после работы. Было и это, что вы хотите, вокруг все новое и чужое. Но первые полгода оказались самым лучшим периодом в моей Столичной жизни. Конечно, я оценил это позже, человек существо неблагодарное, все время хочется чего-то еще. Прежде всего, нужно отметить спокойствие, уверенность, отсутствие нервного напряжения. Я не боялся допустить ошибку хотя бы потому, что не собирался нести за неё ответственность. Нервное напряжение и боязнь ошибки, между прочим, это типичный недостаток творческой самостоятельной работы. Только тогда я понял, что простой исполнитель меньше волнуется, ему, как правило, все пофигу. Зато и интерес ограничен, и ограничена свобода. Как начальство скажет! У меня была отличная комбинация - я был в значительной степени сам себе хозяин, меня практически не ограничивали ни в мыслях, ни в действиях, и я не волновался от предчувствия неизбежной расплаты - сбегу!

Когда кончился месяц показательной деятельности на заводе, я понял, что нужно продемонстрировать хоть какие-то результаты, чтобы не возникло подозрение, что я обыкновенный бездельник. Но информации у меня для серьезной работы определенно не хватало. И тогда начался выездной период. Сначала я посещал техническую библиотеку Столицы, где нашел мой любимый учебник с отличной методикой расчетов при проектировании фрезерных станков. Я с этим учебником не расставался весь диплом. Книга в библиотеке была одна, на руки её не выдавали. Появилась реальная необходимость несколько раз съездить туда, делать выписки, ксерокопии. И попутно не необходимость, а предлог, чтобы взять с собой Людочку.

- Носить портфель? – скрипуче спросил Гольдштейн.

Он её со мной отпустил только один раз. Но мне и одного было достаточно, чтобы назначить ей свидание.

В перерывах между поездками в библиотеку я уже мог что-то прикидывать, на доске появилось два-три варианта, правда непродуманных и мало реальных. О том, что они сырые, знал только я один. Может поняла бы что-то опытный конструктор Мария Ефимовна, о которой говорил Гольдштейн, но она так пока и не появилась на работе – то сама болела, то внуки.

Вскоре я был готов к тому, чтобы расширить ареал своих перемещений. Пора было ехать в Москву и попробовать выяснить, чего хотят от нас Головной институт вместе с Главком. Иванченко очень легко со мной согласился и решил сам возглавить экспедицию. Запрет на его поездки отменили, так как он официально объявил в Министерстве, что берется проводить модернизацию на нашем заводе. По-моему поторопился.

С этого момента я начал «вожировать» то в Москву, то в Куйбышев, где изготавливались токарные станки нашего типоразмера, то в Вильнюс на завод фрезерных станков. Раза два в месяц я отправлялся в полет. Иванченко не протестовал, может потому, что в Москву почти всегда летал со мной. Это было удобно. У него был блат в гостинице Урал, не очень роскошной, зато в центре. Начальник снимал полулюкс, а я обычный номер. После этого я отмечал ему путевку в Главке, и мы встречались уже при отъезде, в аэропорту. Он с Министерством не слишком церемонился, а иногда вел себя просто вызывающе. Почему? Наверно такой характер.

Кстати, у него действительно был кто-то в Москве. Я этого «кого-то» видел один раз в гостинице. Женщина была... великолепна, иначе не скажешь.

Несмотря на поездки, мы с моим начальником не сблизились. Он держал меня на расстоянии, и я тоже в друзья не набивался. Начал понимать, что на рыцаря без страха и упрека он не тянет. Вспомните мою временную прописку. И более существенный пример – он назначил меня конструктором первой категории, как обещал, а дополнительный оклад из своего фонда давать не торопился. Может ждал, когда я попрошу. Но я не просил. И дело не только в гоноре, который по моим новым взглядам мне был не положен. Исходя из тех же самых взглядов, мне было выгодно про запас иметь причину для обиды, хотя бы для самооправдания.

В перерывах между поездками я садился за доску и, несмотря на мое вроде бы легкомысленное отношение, – себя и свою конструкторскую натуру не обманешь – на ватмане стали появляться контуры довольно интересного станка. Мне даже иной раз приходилось охлаждать свой пыл, чтобы всерьез не увлечься этой работой. Приходилось напоминать себе, что с двуликим Иванченко и нищим заводом у меня не может быть будущего.

Постепенно и дома становилось не так пусто и одиноко. Вы уже наверно догадались, что в гостях у меня стала появляться Людочка. Иногда я ездил к ней в город – она жила в центре вместе с родителями. Был у неё старший брат, но уже женился и жил отдельно. Мы в городе ходили в кино, театры, реже в кафе, еще реже в рестораны. Гулять там было негде, в этом смысле условный Саратов и красивые берега Волги давали Столице сто очков форы. И в дом Людочки я вхож не был – считалось, что она ждет жениха из армии.

Это была любопытная история. Её жених окончил институт, который – так было тогда принято – давал военную специальность и освобождал от службы в армии. Летом после окончания института нужно было пройти месячные сборы. Жених, судя по всему еще тот шалопай, умудрился за этот месяц съездить по физиономии офицеру, да с такой силой, что его прямо из лагерей мобилизовали в армию на полный срок – три года – и заслали на дальний восток. Попал он в стройбат – мирная разновидность советского штрафного батальона. Осталось еще больше года службы.

Я понял, что Людочка не очень нетерпеливо его ждет и в душе готова к перемене статуса. Но пока мы находились в подполье – она почему-то ужасно боялась слухов на заводе, а я не очень хотел знакомиться с родителями. Рано было. Я, конечно, планировал женитьбу, но не так скоропалительно и не был уверен, что на Людочке. Да, если хотите, это повторение истории с Мусей, но я уже был другим человеком, да и Людочка была веселее и беззаботнее, так что не все выглядело так уж безнадежно.

Дополнительно к этому у меня появилась старшая подруга, в смысле друг. Это была бессменный заместитель всех председателей нашего завкома Анна Ивановна, Анна Ванна, как её все называли – в те годы еще помнили теперь уже забытый детский стишок, который начинался так:

Анна Ванна наш отряд,
Хочет видеть поросят.

Я её уже упоминал. Даже при Гольдштейне, тем более при новом ставленнике, а по совместительству родственнике Сакиева, еще одном человеке-невидимке, она единолично распоряжалась всем, начиная от распределения путевок и кончая социальной помощью.

Это была – вы уже и сами догадались – крупная женщина, с размахистыми движениями и громким голосом. Она и должна была быть такой. Примерно лет сорока с большим хвостиком. Мужа не было, дочь вышла замуж и уехала в Россию, зато была мама, тоже крупная и громкая, но до дочери ей было далеко. Жила Анна Ванна через дом от моей бабки. В автобусе мы здоровались.

Анна Ванна несмотря на свои «народные» вид и манеру поведения, была толковой и даже образованной женщиной. Когда-то, вскоре после войны, она окончила ветеринарный институт, но животноводство её не прельщало. И перевоплотилась в профсоюзного работника.

А подружиться мы очень просто. Анна Ванна знала – она вообще на заводе все и про всех знала – что я еду в Москву. Накануне вылета она зашла к нам в отдел и громогласно заявила, что хочет со мной по-соседски пошутиться. Мы вышли в коридор и там, не сбавляя громкости, стали шутиться. Анна Ванна попросила меня привести ей из Москвы колбасу, ветчину – короче вручила заготовленный список. Сказала, что в городе (было крепкое определение в каком городе) ничего (было другое слово) нет, а у неё день рождения. Вы извините, это не я злоупотребляю неформальной лексикой, это мои герои. Уверяю вас, в жизни это происходит намного чаще, чем в книгах, тут уж ничего не поделаешь, если хочешь, чтобы было хотя бы похоже на правду.

Она дала денег, сказала, что встретит меня на аэродроме – у неё был «Москвич» - и тут же пригласила на именины. С тех пор мы подружиться несмотря на разницу в возрасте, а может именно благодаря ей. Так я стал четвертым в их компании, нужно сказать очень контрастной и разномастной. Правда, все мы были близкими соседями, хотя объединяло наверно не только это. В первую очередь темперамент и жизнелюбие Анны Ванны.

Такой был состав:

Подруга Анны Ванны Лариса Михайловна, секретарь директора. На работе изнывала от безделья, потому что директор нас посещениями не баловал. Общесоюзные привычки директоров выглядели еще колоритней на национальном фоне. Подруга была рафинированная, сухая, уж простите, как вобла, лет сорока, дочь – подросток.

Начальник планового отдела Нина Семеновна Чижевская – красивая - даже очень - женщина, блондинка, 28 лет, сыну шесть. Приехала по назначению из Ленинграда. Среднего роста, хорошая фигура, да, отличная фигура, но... может чуть-чуть О-образные ноги, и то если присмотреться. Нина Семеновна знала за собой этот недостаток и носила длинные платья и юбки, которые ей очень шли. На редкость аккуратная, все глаженное, все на месте. Улыбка приятная. Ямочка на щеке – я не ошибся, действительно была только одна ямочка на одной щеке. Поведение достойное, солидное.

Я её даже побаивался и долго называл по имени отчеству, несмотря на то, что был старше. Она в ответ тоже долго величала меня Борисом Моисеевичем (патриоты могут успокоиться, в Столице я Михайловичем не был).

Анна Ванна её любила и опекала.

Все безмужние по разным причинам.

И я – четвертый, пришей кобыле хвост – приезжий холостяк в возрасте Иисуса Христа. Анна Ванна меня, одинокого, тоже, наверно, жалела.

Она никогда нас компанией не называла. Говорила - «наш сброд». Умная была женщина и остра на язык.

Мы раз в неделю – в субботу во второй половине дня, на заводе уже ввели пятидневку – собирались у Анны Ванны, потом повадились у меня в огороде жарить шашлык, естественно куриный, другого мяса не было. Я купил шашлычницу,

заготавливал дрова. Повесил над колченогим столиком фонарик. Авторитет мой в «сброде» поднялся. Мы собирались даже зимой, если не было ветра или осадков – а их и не было. Просто одевались потеплее. Такая традиция придавала нам определенный шик. У меня даже встречали Новый год. Анна Ванна привела маму, Нина Семеновна сына, толстого мальчика – нехорошо, когда дети толстые. Я привел свою бабу-хозяйку, Лариса Михайловна пришла сама. Отлично посидели, и погода была отменная – небольшой плюс.

Все женщины «потребляли» водочку в количествах немного больше умеренного. Я старался не отставать. Заводилой была, естественно Анна Ванна, я ей усердно помогал и, пытаясь поддержать легенду об одесситах, острил напропалую. Народ меня вполне понимал и поддерживал. Неглупый был народ.

Пару раз в неделю я тайно уделял внимание Людочке.

В воскресенье, как правило, ездил к Илье в гости. Иногда все с той же Людочкой.

Скучать было некогда.

Может поэтому и желудок меня пока, тьфу, тьфу не беспокоил. А я в свою очередь старался, как мог – утром зарядка, скакалка всегда со мной, два раза в неделю небольшие кроссы. Пока форму держал.

2.8. О работе и не только.

Так прошло-пролетело месяцев пять. За это время я получил утвержденное по всем правилам головным институтом и министерством техническое задание, как я уже говорил разработанное нами. Практически без замечаний и изменений. Это был отличный и очень важный для завода результат, для многих – в том числе для главка – неожиданный. Завод перестали терзать. К моему удивлению техзадание оказалось серьезным и основательно подготовленным. Прежде всего, я собрал довольно солидную информацию, включая чертежи аналогичных изделий, а иногда даже договорился о возможности поставки целых узлов. Это было выгодно и поставщикам и нам.

. Главным было в нем все-таки то, что мне путем проб и ошибок удалось набрести на хорошую и довольно оригинальную схему. Прежде всего, комбинированный станок это не два привинченных друг к другу станка, один токарный, другой фрезерный. Это гибрид. Он должен занимать меньше места, должен быть дешевле, но основное отличие – универсальность, то есть возможность обрабатывать самые различные детали. Скажем, судно в море, а вам нужно обработать такую-этакую хитрую штуковину. В этом суть.

В чем была идея - фрезерную головку, содранную с инструментального станка, я устанавливал (пока на чертежах) прямо на суппорт, на место сменного резцедержателя, используя таким образом два уже готовых перемещения токарного станка. Это было совсем не просто, пришлось как следует поломать голову. А на правом торце станины перемещался вверх-вниз поворотный стандартный покупной стол - третья координата. То есть станок позволял обработку любой детали практически со всех сторон.

Это объяснение для тех, кто немного понимает в станках, но больше для себя, уж очень хочется похвастаться тем, что давно кануло в лету. А впрочем, к чему извинения, воспоминания конструктора просто не могут обходиться без технических подробностей, конечно в умеренных дозах. Я изо всех сил стараюсь вас щадить...

Кроме того много пришлось работать для предварительных экономических расчетов – обязательное приложение. Стоимость проектирования, сроки, стоимость изделия, какие суммы потребует модернизация производства. Эту часть задания мы делали вместе с Ниной Семеновной Чижевской. В результате я пришел в еще больший восторг от её способностей в дополнение к восхищению уже описанными внешними данными. Увы, не

могу сказать, что она ответила мне взаимностью. Как говорится, отнюдь. Её отношение было ровным, доброжелательным, но не больше. Правда, однажды она сказала, что отдает должное моим способностям, и это максимум, чего мне удалось добиться. А я...я по-прежнему её побаивался, а может и пуще прежнего. Но стал понимать, почему за ней так активно ухаживали два претендента – начальник транспортного цеха и начальник производства, симпатичные разведенные мужики немногим постарше меня. Но у начальника транспортного цеха надежд не было. Однажды, когда он пытался с Ниной Семеновной заигрывать – я был этому свидетель - она его отбрила. Сказала: «Не люблю амикошонства!». Тот бедняга остолбенел, что бы это значило? Она повернулась ко мне и незаметно подмигнула – специально его огорошила, знай, мол, меру. «Амикошонство» я еще потянул, но с тех пор стал очень осторожен, может и для меня найдется словцо, которое я не знаю?

Но зато второй поклонник – начальник производства – был официально признанным кандидатом на её руку, а может быть и сердце. Нина Семеновна не отвергала его ухаживаний, но и... как бы точнее объяснить – не поощряла их. Начальник производства был без ума от неё и не скрывал, что мечтает об одном - всю жизнь носить её на руках. Они иногда куда-то уезжали вечером, думаю в кино или театр, может в ресторан. Говорили, что так продолжается уже года два.

Я пришел к окончательному выводу – наша Нина Семеновна симпатичная, умная молодая женщина, но уж очень уравновешенная и самостоятельная. Застегнута на все пуговицы. Нехорошо, когда у человека совсем нет слабых мест. Но за время совместной работы мы сдружились, насколько вообще это слово применимо по отношению Нине Семеновне Чижевской. Работа сближает не меньше, чем застолье. У неё был ровный – слишком ровный – характер, ясная – даже слишком ясная - голова. О внешности я уже говорил. Может я бы даже увлекся ею, если бы видел хоть самый мизерный шанс на успех. Увы, зеро.

Чуть позже я стал понимать, почему она стала такой. Рассказала мне вкратце её историю Анна Ванна. Нина Чижевская после института поехала вслед за мужем – однокурсником - из Ленинграда в дальнюю даль, хотя её предлагали место получше и поближе. И даже предлагали аспирантуру. Муж её был красивый мужик, но не столь удачливый и, наверно, не столь способный. Ребенку было года два.

В Столице они сняли квартиру, работали по назначению – Нина на ЗКС, муж где-то в городе. Было все не так уж плохо. И вдруг он сломался. Началось с депрессии, потом серьезные психические отклонения. Потом год лежал в диспансере. Чижевская год ездила к нему каждый день, или почти каждый день. От неё – сказала Анна Ванна – осталось меньше половины. Состояние мужа все ухудшалось. Наконец приехали его родители из Ленинграда и его забрали. Они обвинили Нину Семеновну в том, что не уберегла мужа, обвинили громко и истерично. Словом расстались не лучшим образом. Она в Ленинграде жила в их квартире, сама была из пригорода, так что возвращаться было некуда. Других подробностей я не знаю. Но понимаю, что женщине досталось. С тех пор прошло почти три года, физические кондиции Нина Семеновна вернула, а вот с душевным равновесием были сложности.

Но я отвлекся. Возвращаюсь к техническому заданию

Удачное завершение технического задания было серьезным испытанием. Меня стали одолевать соблазны. Временами очень хотелось довести дело до конца, посмотреть, как будет оживать мое детище – словом старые романтические бредни. Может действительно плюнуть на тщеславные мечты, не кидаться очертя голову в очередные авантюры, которые неизвестно, чем кончатся. Да и куда кидаться? Занятый проектом, я

ничего себе не присмотрел. И почему опять скакать с места на место? Это уже происходит подозрительно часто. Снова нежелание и неумение перетерпеть?

Был еще один повод для сомнений. До сих пор большинство заводчан ко мне относилось скептически. Приехал бог знает откуда и ведет себя, как гастролер. На рабочем месте его не увидишь, слишком много ему позволено, а сам себе он позволяет еще больше. Но теперь техническое задание было подписано, скандал с Главком кажется закончился, Иванченко спокойно работает. Появились серьезные результаты. И некоторые влиятельные заводчане стали постепенно признавать, что я оказывается, все-таки умею то, что другим на заводе не под силу, в первую очередь Гольдштейну с присными. И потихоньку ситуация стала меняться. Если раньше на меня смотрели просто с любопытством, то сейчас стали посматривать с интересом, а это принципиальная разница. Конечно, до уважения было еще очень далеко, для этого нужно время, результаты и еще раз время. Но что для меня важнее, этот сугубо моральный или вполне материальный аспект - уровень жизни, квартира, зарплата?

С позиции «другого человека» эти колебания были рецидивом старой болезни, слюнтяйством, с которым нужно было решительно бороться. Облегчило внутреннюю борьбу странное, на мой взгляд совершенно нелогичное в этой ситуации отношение ко мне двух первых (естественно, кроме почти мифического Сакиева) лиц на заводе.

2.8 Интрига.

Но начну я все-таки с первого лица – с Иванченко. О втором - немного позже. Главный инженер, конечно, должен был видеть и ценить результаты моей работой. С его богатым, хоть и односторонним практическим опытом понять, что такое хорошо, а что такое плохо было не трудно. И он – не сомневаюсь – отдавал себе отчет в том, что помочь мне в проектировании не может. Конструктор это все-таки профессия. Я помню, они вместе с начальником производства долго чесали затылки, решая детскую задачу – как сделать, чтобы две втулки вращались вместе. Правда, гордиться мне тоже не стоило, каждому свое, у меня - в отличие от Иванченко - абсолютно отсутствовали способности менеджера, что я вам еще докажу.

Но к чему это я? А вот к чему. В Головном институте с похвалой отозвались о моем проекте, что с ними редко бывает. При этом присутствовал, естественно, Иванченко – дело-то было в Москве. Он с достойной скромностью принял похвалы, и даже сказал, что я ему кое в чем помог. И похлопал меня по плечу. В этот момент я твердо осознал, что надеяться на благородство шефа не стоит. И не только это. И вообще...

А «вообще» было очень даже занимательное. Я попросил Анну Ванну вставить меня в очередь на жилье. Она сказала, что при временной прописке этого делать нельзя. Тогда я не стал – из принципа – обращаться к Иванченко, а записался на прием к начальнику милиции и попросил его оформить постоянную прописку, благо полгода уже прошли. Начальник выслушал меня и простодушно сказал:

- Иванченко разве не говорил, что мы с ним решили продлить вам временную прописку еще на полгода?

Они с ним решили! Ну Иванченко, ну и жук! Хочет держать меня в черном теле! В общем-то в этом никакого смысла не было. Это характер, черт бы его побрал!

Моей спокойной жизни наступал конец. Снова нужно было поворачивать и плыть против течения. Ситуация резко менялась.

Дело в том, что в техническом задании чертежи не предусматривались, только схема. Пока все остальное было в эскизах и в моей голове. Если я сделаю подробный

технический проект – а до него очередь уже дошла, – то с трудом, но можно будет обойтись без меня. Тогда я из Иванченко ничего не выжму. А он между прочим, даже денег мне обещанных не добавлял, и не добавит, пока не прижму.

И снова – как и в Одессе – пришлось искать скамейку для обдумывания. Благо милиция была в центре города, а там скамейка нашлась. Было прохладно – февраль месяц, пришлось думать энергично, в темпе.

Прежде всего я, попытался разобраться в себе, что было не лишним. Что я хочу выжать из Иванченко, и хочу ли чего-то вообще? Я признался, что меня очень манит возможность доделать станок, хотя может быть это действительно слабость... Нравится мне и то, что я на заводе самый умный конструктор, а значит мое положение прочно. Я могу вести себя достаточно независимо, а для меня это очень важно, так – мне тогда казалось – я устроен. Даже Иванченко вряд ли может мне что-то сделать, разве что мелкие пакости. Хотя... и я вспомнил директора завода «Проектор» – арсенал у них большой. Жил же Иванченко припеваючи вообще без конструкторов много лет? Так и будет жить дальше, когда модернизация кончится. Если я пропущу момент.

Что еще? Квартиры мне в ближайшие годы здесь не видать. Денег тоже. Хотя насчет денег не все ясно...

Что же я все-таки хотел из него выжать? Максимум, чего я могу здесь добиться – занять место Гольдштейна. Хоть шерсти клок. Дальше будет видно. Это просто бред, что начальником отдела является человек, который просто не понимает, что его работники делают. И меня он все время спрашивает – как и всех – куда я иду и где так долго был. Черт те что! А зарплата его – я посмотрел в бухгалтерии – с добавкой главного инженера больше моей. Какие ни есть, а все-таки деньги.

Дальше. В Министерстве запланировали наш перевод на более высокую категорию, разумеется, если хорошо пройдет модернизация станка и завода. Тогда появится должность главного конструктора, это уже номенклатура. Правда, могут назначить казаха, потому что главный инженер русский, по «лесенке» главный конструктор должен быть казах. Тут я запутался в предположениях и вернулся в настоящее. Там видно будет. Но основное все-таки в себе понял – пока от меня Иванченко лично зависит, я должен прижать его и выжить Гольдштейна. Действительно хоть шерсти клок...

Прижать и выжить... Красиво звучит? А я вас предупреждал...

Но чтобы напугать Иванченко, нужно иметь в запасе место, куда я смогу уйти, если придется. Или – что еще лучше – место, куда захочется уйти. А его не было. Времени на размышления тоже.

Нужно было что-то делать. Я вернулся домой, на работу уже не пошел. И в тот же вечер взял бутылку и нанес внеочередной визит Анне Ванне.

В те времена нравы были проще, можно было прийти без предупреждения. И встретили меня хорошо, обе – мать и дочь – заулыбались. Наверно им было скучно, что вы хотите, стародавние времена, никаких тебе сериалов. Что делать женщинам под пятьдесят и далее долгими вечерами? Правда Анна Ванна готовилась купить новый цветной телевизор, который пока появился только на страницах газет и – говорят – у высокого начальства. В магазинах его пока не было. Поэтому я со своей бутылкой вполне мог считаться развлечением.

В ответ на мое подношение Анна Ванна выставила мои любимые голубцы. Это было её фирменное блюдо, удивительно вкусные, нежные голубцы, с желто-коричневой чуть кисловатой подливкой. С тех пор это одно из моих самых любимых лакомств. Жаль, что судьба сложилась так, что для меня их много лет никто не готовил. То наши вкусы не

совпадали, то плохо получалось, то процесс казался слишком трудоемким. Нет, я не очень избалован, да и вкус у меня остался советский, так за много лет и не переучился. Борщ, голубцы, селедка с картошкой, если под рюмочку – совсем хорошо. Полюбил было блины с красной икрой, но очень ненадолго – снова оказалось не по карману...

Анна Ванна поняла - что-то произошло. Я уже говорил, что информация у неё была обо всех самая свежая. Поэтому она многое на заводе знала, а если чего-то не знала, то догадывалась. Её работа, в основном, и состояла из бесед с труженицами, которые заходили поговорить о своих проблемах, но не забывали обсудить и чужие.

Поэтому она предложила сначала по чуть-чуть, для разгона. Идея хорошая, мы так и поступили. Чуть-чуть - это граненая стопка, сто грамм. Я закурил голубцом и стал рассказывать. Анна Ванна слушала в извечной русской женской позе, подперев подбородок рукой. Иногда подкладывала голубцы, поднимала стопку - мы стали наливать по половинке – и опять была вся внимание.

А мой монолог звучал гладко и долго. Я ей рассказал абсолютно все, разумеется, умолчав о Людочке, которая к делу отношения не имела. Даже то, что с самого начала намерен был сбежать туда, где денег больше и есть шанс на квартиру. Она и глазом не моргнула – наверно предполагала. Потом не скрыл, что постепенно увлекся работой, хотя считаю это идиотизмом. Даже пытался рассказать о схеме станка, и тогда она недоуменно вытаращила на меня глаза, как это (извините) наверно сделали вы, читая чуть выше мои технические описания. Я от всего сердца, и не без влияния горячительного, добавил, что жаль расставаться с нашим «сбродом» и лично с его командующим – Анна Ванна заметно потеплела. Мы чокнулись за её здоровье.

О моих отношениях с Иванченко она знала наверно больше меня. Но новость о продлении временной прописки даже её впечатлила.

- Дима нарывается.

- Вот именно.

В этот момент я заметил, что опустели бутылка и кастрюля голубцов, поэтому конец пришлось скомкать.

Я сказал, что если сделаю техпроект, то мне ничего на заводе не светит. Что надо сейчас подать заявление об уходе и поставить условие. Или – или. Я собирался рассказать об условии, но Анна Ванна сказала:

- Гольдштейн?

Я только развел руками.

- У тебя место есть?

Я чуть не ляпнул: «А для чего я здесь с бутылкой». Но вовремя спохватился и только снова развел руками.

Анна Ванна пошла к холодильнику, вынула чекушку и банку огурцов, закуска нбаверно кончилась.

- Тут без бутылки не разберешься.

Я отказался, сказал что на работе не пью, наверно пошутил.

- Ладно, пусть постоит. Так чем я могу помочь?

И я открыл свои планы. И надежды. В первую очередь на неё. Сказал, что не хочу попусту начинать обход. Что мне нужно знать, где строят жилье, туда я и сунусь. Ради квартиры стоит рискнуть заводом вместе с этим двуличным Иванченко. А Анна Ванна участвует в распределении квартир, и вообще все обо всех знает – я польстил – может она скажет мне, где эти злачные места.

Мы долго обсуждали варианты, до полуночи. Банка огурцов пошла вслед за чекушкой. Мне было не под силу тягаться с возможностями Анны Ванны в этом направлении, поэтому я не очень хорошо помню вторую, хотя и самую главную половину беседы. Но основное помню.

Анна Ванна сказала, что есть человек, который в этих делах разбирается, распоряжается всем, как у себя дома. Это начальник отдела распределения жилья при горсовете, некто Жанат, хотя они между собой для простоты зовут её Жанной. Известная личность. .

- Близкий друг замминистра строительства, ближе не бывает.

И непосредственная Анна Ванна жестом объяснила, какая близость имеется в виду. Я воздержусь от описания...

Она продолжала. Если я скажу, что работаю у Иванченко, то мне вообще придет конец (опять другое слово, выпитое снимало тормоза).

Оказалось, «вездеход» добрался и до Жанат. Это было не очень давно, примерно год тому назад. Так что раны свежие. Наш дон Жуан не удержался и попутно трахнул её молоденькую секретаршу. Как-то это открылось, был тихий, подковерный скандал, а главное – чуть не дошло до друга-замминистра. Жанат, истинная женщина востока, а они обид не прощают. Кровная месть. Так что если я ...

Я почему так подробно рассказываю – этот разговор все повернул в моей судьбе.

И вот тут меня осенила идея. Большой соблазн написать, что она принадлежит Анне Ванне. Но нет, до этого она бы не додумалась. Утешает меня, что это предложил «другой человек». Слабое утешение...

А Анна Ванна выслушав идею, так посмотрела на меня, что в ушах зазвучала фраза, недавно произнесенная Ильей:

- Ты далеко пойдешь!..

Она этого не сказала. Но может подумала?..

Я записался на прием к Жанат. Насколько помню, ждать пришлось недели две.

2.9 Размышления и сомнения.

Две недели я изо всех сил отбивался от сомнений, которые не давали покоя ни днем, ни ночью. Нахлынули. Навались. Я уговаривал себя, что неприятности нужно переживать по мере их поступления, а сомнения должны появиться только тогда, когда есть различные варианты решений. Вот тогда есть смысл спрашивать себя, как лучше поступить. Но пока вариантов нет никаких, какой смысл себя терзать? Если что-то засветится после разговора с Жанат, тогда...

Нет, ничего не помогало. Это был безусловный рецидив моего интеллигентского прошлого, с которым категорически был не согласен «другой человек». Был не согласен, а справиться не мог.

Первым и основным было генеральное сомнение – а хочу ли я оставаться на всю жизнь здесь, на краю Ойкумены? Казалось бы, вопрос глупый, иначе зачем было приезжать? Но нет, при ближайшем рассмотрении оказалось, что не такой уж и глупый. Хотел-то я в Москву, Республика даже не была запасным аэродромом, она возникла неожиданно и в какой-то степени как приключение – я вынужден был в этом признаться. Но теперь самое время сказать себе, что это всерьез и надолго. Скорей всего навсегда. Я уже не мальчишка, и даже не очень молод, нельзя же всю жизнь тратить на попытки жизни.

Так навсегда? По спине пробежал холодок, но я попытался себе ответить твердым «да». Если «нет», то шевелиться вообще бессмысленно, пусть будет, как будет. А вот если «да» - совсем другое дело. Тогда появляется целая цепочка.

Можно ли несколько лет жить так, как я живу сейчас? В квартире с чужими старыми вещами, в чужом старом и бедном доме, у очередной бабки за пазухой? Полунищее существование. Моя зарплата минус оплата жилья позволила мне за полгода с трудом купить «Спидолу», и то в долг. Питался в столовой, дома – что бог пошлет, с учетом жесткой экономии дважды в месяц при приближении полочки и аванса.

А условия? Умывальник летом за крыльцом, зимой переносим его в холодный коридор. Воду нужно заливать в него из ведра. Правда там не клацающий клапан и он не красный, как сверлилка на станке. У нас поворотный краник, но от этого не намного легче. Раз в неделю я с ужасом иду в общую баню, которая находится в трех автобусных остановках от меня. С ужасом, потому что в этой бане грязновато и противновато, а я после приключений в условном «Саратове» - не к ночи будь помянуто – стал брезглив.

Стирка вообще вынимала душу.

А вывод – если «да», то должна быть приличная квартира, приличная зарплата и жена – ну, тут уж какая достанется. Исходя из этого и нужно решать.

Кстати о жене. Людочке оказалось не двадцать два года, а двадцать четыре, просто она молодо выглядела. И это хорошо, чем старше, тем лучше, большая разница в возрасте на пользу не идет. Она была симпатичной, веселой, контактной. Легкий человек. И вроде бы ко мне относилась хорошо. Правда, это не было похоже на страсть, но чувства определенно были. А время страстей для меня давно миновало.

Но была - возможно только в моих глазах – проблема. Людочка была младшей в семье, душечка-красавица. Когда она была у меня в гостях, то даже попыток позаботиться обо мне не делала, я уж не говорю о том, чтобы похозяйничать в доме. У неё и в мыслях такого не было. Нет, это я крутился вокруг неё, как кавалер и джентльмен. Я вспоминал Алю, Мусю – у меня накопился опыт, было с кем сравнивать. Нет, определенно органика не та. Мне предстояло в случае чего – вы понимаете, в каком случае - либо перевоспитывать её, либо вертеться за двоих. И то и другое вряд ли доведет до добра. Особенно, если речь пойдет о стирке, моей ахиллесовой пяте.

Да, опять я о стирке! Как люди жили?! Впрочем, ручная стирка как-то сочеталась с походом в баню один раз в неделю...

Впрочем, у нас с Людочкой и сейчас были противоречия. Правда не большие, и не непреодолимые. Она не хотела ехать по вечерам ко мне. То есть, конечно, с одной стороны хотела, ну это понятно, а с другой... Она выросла в нормальной – по тем временам - квартире, и бабкина рухлядь, а особенно бабкина сантехника её не очень устраивала. Кроме того она почему-то панически боялась, что о нас узнают на заводе. Уже был случай: я провожал её на автобус – естественно, она каждый вечер отправлялась домой, мамина и папина дочка – Людочка, как положено, вошла в заднюю дверь, к кондуктору, а из передней вышла Нина Чижевская. Нина интеллигентно сделала вид, что нас не заметила, но бедная Людочка страшно перепугалась. Я ей потом сказал, что девичья скромность не должна переходить в девичью глупость. Мы люди взрослые и свободные, к чему такая конспирация? Но с тех пор она каждый раз просила, чтобы я на автобус её не провожал. Правда, безуспешно.

А в город я не очень хотел ездить. Там нужно было то идти в кино, то в театр. Известно, что билеты тогда были очень дешевые, но и зарплата была не дорогая. Когда похолодало, приходилось заходить в кафе. Но учтите, в те времена о «немецком счете» и речи быть не могло. Это был признак мелочности и жадности мужчины. Мне ничего

другого не оставалось, как стараться – соблюдая приличия – быть не мелочным и не жадным как можно реже.

Но в эти тяжелые две недели Людочка мне очень помогла, была спасательным кругом в море сомнений и колебаний. Я – помню – в эти дни испытывал к ней особую нежность и даже как-то поймал себя на мысли, что если я с завода уйду, то нужно будет с ней что-то решать. И даже ей что-то подобное в неявном виде сказал, чем вызвал большое волнение, смешанное с удивлением...

Две недели неопределенности подходили к концу. В четверг - запомнилось навсегда - у Жанат был приемный день. А во вторник у меня был последний относительно спокойный день. Дальше события наступали одно на другое. Впрочем, у нас с Людочкой и во вторник было небольшое приключение, но я ему значения не придал. Мы пошли на какой-то симфонический концерт – я приучал свою подружку к классике, тем более билеты на классику были совсем дешевые. Людочка сидела с видом жертвы – ради любимого на что не пойдешь? И вдруг глаза остекленели, она вздрогнула и залилась краской.

«Так, - подумал я, - кто-то с завода».

И точно, в предыдущем ряду сидел сам Иванченко и смотрел на нас прозрачными глазами. Рядом была его жена, я как-то её уже видел, красивая статная женщина. Красивее его, моложе и даже на каблуках выше – мы столкнулись с ними в фойе в антракте. Я подумал: «Прекрасная женщина, – зачем ему так много нужно!».

Людочка дернулась, попыталась уйти, но я её удержал - смысла в этом уже не было.

- Неужели ты думаешь, что он станет о нас с тобой звонить по заводу, - пытался я её утешить.

Она хотела что-то ответить – не получилось.

Что она усвоила из симфонии, которую мы тогда слушали, не знаю. Но я, честно говоря, страданиям её много внимания не уделял. Мысль о предстоящем четверге тоже мешала мне вникнуть в музыку.

Я уже добрый месяц на работе палец о палец не ударил. Как говорят в Одессе, «все это было у меня не в голове». Для приличия что-то писал, считалось, что оформляю авторские свидетельства на новую конструкцию. Это давало мне возможность вроде бы ездить в патентную библиотеку. Я бродил по городу, даже пару раз зашел на какие-то предприятия, но неудачно – там жилье не строили. Так что, как правило, моя «патентная библиотека» была дома, в койке. По договоренности с Иванченко, я должен был за это время подготовить план работ и выбрать себе конструкторов. Но это действительно «было у меня не в голове» и я ограничился тем, что попросил у Гольдштейна себе в бригаду кроме Людочки еще Сашу Мекка – мы с ним к этому времени более-менее подружились. Я напому, это был единственный мужчина-конструктор в отделе, разумеется кроме Гольдштейна и меня. Кстати неплохой и неглупый парень, работающий и тихий. Немец Поволжья, их тут было немало. Я его спрашивал – разумеется в шутку – не родственник ли он баронессе фон Мекк? Саша даже как-то испуганно ответил, что нет. А кто это такая?

Хороший парень, но чувства юмора у него не было. Так и тянет сделать обобщение: что вы хотите - немец. Немцев часто обвиняют в отсутствии чувства юмора. Это такой же шаблон, на мой взгляд, как и утверждение, что все евреи умные. Хотя... я сейчас для примера хотел припомнить что-нибудь из немецкого юмора... Помнится английский юмор, американский, французский, чешский, наш, даже (уж на что!) финский. Немецкий... нет, не вспомнил. Ну может, вспомню попозже.

Саша был парень работающий и исполнительный. Хотя больших конструкторских талантов у него не было. Я это со временем понял. Как-то он попросил у меня помощи. Нужно было дать ответ очередному рационализатору, который - естественно – предлагал что-то из станка выбросить. Там был своеобразный сэндвич из трех деталей, жаждущий денег рационализатор предложил - ничтоже сумняшеся – выбросить одну из них. Хватит двух. Нужно было написать в отказе, почему выбросить деталь нельзя. Саша этого объяснить не мог, потому что причина была не здесь, а в соседнем узле, немножко дальше по цепочке. Так далеко Саша не заглядывал. Но то знал, делал добросовестно и без ошибок.

Значит, я попросил к себе в бригаду Сашу Мекка. Гольдштейн, естественно отказал, на Саше держалась вся работа отдела в цехах. Я этим воспользовался и разговоры о создании бригады демонстративно прекратил.

Но основания для демарша у меня все-таки были. Из «девочек» - так мы по традиции называли конструкторов женского пола любого возраста – никто больше узлы разрабатывать не мог, а опытный конструктор Мария Ефимовна в конце концов ушла на пенсию. Саша – кстати и Людочка – все-таки соображали. Один из-за производственного опыта, другая по молодости, еще не успела отсидеть мозги (опять одесский жаргон). Остальные так долго занимались всякой ерундой, что уже мало на что были способны. Всем скопом они разрабатывали мясорубку – тогда каждый завод должен был выпускать ширпотреб. Эта мясорубка выглядела так же ужасно, как ужасно звучит жуткое слово ширпотреб. А ведь это слово обозначало предметы, которые были предназначены для того, чтобы облегчить и украсить наш быт! Жуть!

И вот на следующий день после похода в театр, значит в среду, Гольдштейн куда-то ушел часа на два. Вернулся довольный, потирая руки.

- Меня главный инженер спросил, что вы делаете. Я сказал, что ничего не делаете.

Я не очень испугался и даже не разозлился. Скорей развеселился.

- Как это ничего не делаю? Пока вас не было, я сидел и спрашивал у девочек, которые выходили, куда они идут. А у тех, кто входил, спрашивал, где они так долго были.

Такой ответ мне доставил удовольствие, а Гольдштейну серьезно испортил настроение. «Девочки» прекратили обсуждать поступление детей в институт и выглянули из-за кулиманов, как улитки из раковин.

- Мне главный инженер поручил проверить у вас план работ. И доложить.

В ответ нужно было бы нагрубить, но время еще не пришло, и я только махнул рукой.

- Докладывайте.

Гольдштейн ушел докладывать. Результат был самым неудачным для меня. Позвонила секретарь Иванченко, и сказала, что Главный инженер ждет меня завтра в девять часов утра у себя. Это было самое неприятное – в два часа дня я должен быть на приеме у Жанат. Есть большой шанс не успеть. От Иванченко так быстро не уходят. И такси поймать не реально, опыт у меня был - по нашей дороге в аэропорт и из аэропорта машины идут только с пассажирами. Я лихорадочно думал – что делать?

Выход был один – я пошел в завком, на этот раз без бутылки. У Анны Ванны сидела очередная кумушка, но мы её довольно быстро сплывили. Я рассказал о ситуации и слезно попросил Анну Ванну в случае чего подвезти меня в горсовет на машине. Она согласилась, и таким образом приняла участие в интриге, пока только моральное, на моей стороне.

Ночь накануне четверга я практически не спал. Заучивал речь, которую собирался держать перед Жанат, продумывал каждый свой довод, старался предусмотреть любой неожиданный поворот в разговоре.

И параллельно пытался дать объяснение неразумному поведению Иванченко. Зачем он меня все время прижимает и демонстративно обманывает? Ведь он от меня зависит больше, во всяком случае не меньше, чем я от него?

Стоп, подумал я, в этом-то и дело. Состояние, когда он зависит от подчиненного, непереносимо для советского начальника, это сильнейший раздражитель. Иванченко все время должен себя сдерживать, даже матом послать меня не решается, все на вы и по имени отчеству. А к этому он не привык. Как будто я какое-то исключение из заводских правил. Он понимает, что если будет мат, я встану и уйду. А он – какой ужас! – позволить себе этого не может. Отлаженная советская система «ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак» его приучила к прямо противоположному, к бесконтрольности.

Но тут есть и моя вина. Наверно мне тоже не удалось полностью избавиться от гонора. Гонором в те времена считалось, в том числе, и просто чувство собственного достоинства, которое тебе по рангу было не положено. Его по правилам игры полагалось скрывать. Наверно мне это не очень удавалось. Вот мой начальник и старается продемонстрировать, что никаких, даже мизерных, преимуществ перед ним у меня нет и быть не может.

В четверг утром я попал к Иванченко только в десять часов, у него было очередное внеочередное совещание. Потом, когда я зашел, мы долго не могли начать. Потом не могли продолжить – все время кто-то засовывал голову или входил со срочными делами. Так у Иванченко было принято, на мой взгляд это уже не демократия, а хаос. Несмотря на обрывочность беседы, было понятно, что сегодня мы оба достаточно агрессивны по отношению друг к другу. Он – не знаю почему, а я, наверно, старался собрать как можно больше недовольства для очистки совести перед приемом у Жанат. Разговор протекал примерно так.

- Вы обещали собрать бригаду...
- Я-то всегда выполняю обещанное...

На мой выпад нет реакции.

- Но где бригада?
- Гольдштейн не дает Мекка.
- Ну и что? Возьмите других.

- Там больше никто узлы делать не может. Только мясорубку.

На этот выпад появилась реакция:

- Вы будете работать с теми, кого я назову, - и металл в голосе, в других обстоятельствах уже был бы мат.

- Дело делать, или честь отдавать?
- И то, и другое.
- А так не бывает.

Еще пару предложений и определенно будет мат. Иванченко это почувствовал, с явным усилием сдержался и... отправил меня работать. Было одиннадцать часов.

Так мы еще ни разу не разговаривали. Я подумал, что переборщил, новой работы пока нет даже в проекте. Но почему я так сделал понятно, а какая муха его укусила?

Я сказал Гольдштейну, что еду в библиотеку, ответа слушать не стал - жребий почти брошен. Зашел к Анне Ванне, сказал, что скорая помощь не понадобится, успеваю на

автобусе. Она мне пожелала ни пуха, ни пера, я послал её к черту – мысленно, все-таки старший товарищ.

Приехал я к горсовету в час дня. Он был расположен на юге, в верхней части города, в начале предгорий. Это был район правительственных зданий. Воздух теоретически посвежее, широкая улица, переходящая в проспект и в большую площадь, потом опять проспект. И снова площадь. Тогда бы сказали – видно, что здесь власть, сейчас бы сказали – чувствуются большие деньги. Мы тогда не понимали, что это совмещается. Содержание одно, просто форма разная.

Чиновничий люд, разумеется не верхушка, вышел на обед в соседние то ли кафе, то ли рестораны, то ли столовые. Было известно, что в этом районе кормят лучше. Еще не все начальственные организации в те времена имели свои спецстоловые со спецпитанием и спецпайками. Но это дело быстро налаживалось.

Мне надоело бубнить свой будущий монолог, я вспомнил, что сегодня вообще ничего не ел и пошел вслед за потоком чиновников. Недалеко обнаружил приличное кафе. Пока пил кофе с чем-то сладким, сравнивал народ в этом районе с населением, живущим и работающим ниже, особенно в пригородах и вблизи промышленных зон.

Здесь почему-то представителей титульной нации не только среди чиновников, но и среди прохожих, жильцов района, было намного, ощутимо больше. И одеты они были получше. И выглядели более довольными собой и жизнью.

Это – подумал я – следствие то ли дружбы народов, то ли национальной политики, что, в сущности, одно и то же. И выходит, что настоящая дружба народов есть только в Российской Федерации, на Украине, наверно в Белоруссии. Там действительно было все равно, какой национальности человек – разумеется, кроме евреев. Не было льгот и преимуществ. Грузин, казах, украинец – все равно. Но на территории любой республики есть льготы для одних, а, следовательно, – Илья прав – дискриминация других. В данном конкретном случае, как оказалось, дискриминация большинства. Люди попадали в институты, на теплые чиновничьи и начальственные места не столько по способностям, сколько по праву рождения. Без серьезной конкуренции. Как при феодализме. Между прочим, те же облегченно попавшие в институты студенты, часто облегченно становились в них преподавателями, это мне рассказала Людочка. И таких преподавателей в ВУЗах уже тоже было большинство. А учитывая восточную тягу к клановости, восточные традиции эти тенденции – думал я - будут быстро развиваться.

Сегодня еще, как я и говорил чуть раньше, в общем большинство населения – обобщенные «русские» - действительно сохраняет ментальность европейской части Союза, но это отодвигается постепенно на периферию. И территориальную и властную. Главное, занять командные высоты. Не хочу изображать провидца, но я именно тогда стал осознавать, что не сегодня и не завтра, но ситуация в довольно короткие для истории годы изменится. И если я хочу остаться здесь навсегда, то вскоре мне придется жить в другой стране. Это не будет борьба между капитализмом и социализмом – такие мысли нам тогда даже в голову не приходили. Это борьба между Востоком и Западом. В Республике неминуема полная победа Востока.

Я признаю, что эффектно задним числом продемонстрировать ум и прозорливость, сейчас мы уже знаем, что в новом государстве – бывшей Республике - Восток победил окончательно и бесповоротно. Но все-таки поверьте, я заподозрил это именно тогда, когда сидел в кафе, когда шел по длинным коридорам горсовета и – как бы сказать так, чтобы никого не обидеть – мне брюнеты попадались гораздо чаще, чем блондины.

2.10 Жанат.

Жанат возглавляла важный отдел, поэтому у неё была приемная и секретарша, блондиночка, молоденькая девушка лет двадцати, а то и еще моложе. Симпатичная в основном своей молодостью и свежестью. Чем-то похожа на Людочку, во всяком случае, типаж тот же, хотя Людочка красивее и... значительнее, что ли.

Жанат еще не пришла после обеда, и девочка предложила мне подождать. Я уселся на один из стульев, стоящих у стены и принялся незаметно с любопытством её рассматривать. Интересно, это её мимоходом трахнул Иванченко?

Но тут появилась Жанат, и я мгновенно утратил интерес к секретарше. Нет, она не появилась, а явилась, так точнее будет сказано. Прекрасный идеальный образец восточной женщины в современном черном платье из какой-то вязаной материи, подчеркивающим несомненные достоинства фигуры. И в то же время все в комплекте не выглядело фривольно – большое искусство. Жанат явно была результатом смешения рас – лицо не плоское, как часто бывает у потомков монголов, не круглое, а удлиненное и скорее из арабских сказок, из тысячи из одной ночи. И ноги длинные. И бровь полумесяцем, как в песне. А энергия, заключенная в этом теле чувствовалась на расстоянии. Движения были неторопливые, но грациозные. Короче говоря, она мне сразу напомнила Багиру из «Маугли», хоть признаю, что такое сравнение не ново. Только глаза её были не зеленые, точно бериллы, а черные. Хотя чуть позже я заметил, что в них тоже – как у Багиры – иногда появляется красный хищный отсвет. Лет сорока, возраст красоты и силы, я с Бальзаком не согласен. Такая женщина могла «иметь влияние» не только на замминистра, но и на председателя Совета Министров, на первого секретаря ЦК партии, да на кого угодно!

- Войдите, - сказала Жанат, но голос её, к моему разочарованию, не был вкрадчивым и шелестящим, а сухим и бюрократически равнодушным.

Я вошел вслед за ней в большой и красивый кабинет, сел на стул для посетителей и невольно уставился на хозяйку. Жанат заметила произведенное ею впечатление и снисходительно улыбнулась. Я одернул себя. И в это же время подумал: «Ну, Иванченко, настоящий талант! Вездеход! Может действительно обидно зарывать такие способности в землю, не использовать их?».

Вернула меня к действительности Жанат.

- У вас всего десять минут, товарищ, – она заглянула в список, - Поляков Борис...
э...

- Можно просто Борис.

- Хорошо. Начинайте. О чем вы хотели со мной поговорить?

Я немедленно сконцентрировался и начал заготовленный монолог.

Было, по моему мнению, очень важно, чтобы Багире... простите, Жанат все время было интересно слушать, чтоб она, перенасыщенная подобными беседами, не теряла нить моего рассказа. Не отключалась.

Начал с того, что я хороший квалифицированный конструктор, приехал из Одессы из-за личных романтических обстоятельств. Где-то вне текста вырисовался образ красавицы-невесты. Жанат на это мило улыбнулась.

Устроиться на работу было не просто, потому что не было прописки. Глаза слушательницы стали затухать, пришлось добавить интриги. Я добавил – сказал, что попросился на станкостроительный завод, по своей специальности.

Есть, зацепило, глаза Жанат загорелись, и в них даже появился хищный отблеск. Я решил добавить наживки.

На заводе были большие неприятности. Там с конца войны выпускали один и тот же старый допотопный станок, много лет не выполняли планы по новой технике, и в главке приняли твердое решение: «Если не будет нового станка, то будет новый главный инженер» - я решил полностью привести понравившуюся мне фразу Гольдштейна.

Жанат подалась вперед. Чтобы у неё не оставалось сомнений, о ком идет речь, я решил поставить точки над и.

- А не могли на заводе разработать новый станок, потому что Иванченко – это главный инженер - полностью развалил конструкторское бюро и даже начальником поставил безграмотного бывшего председателя профсоюза.

- Гольдштейна! – не удержалась и проявила удивительную осведомленность Жанат. Я этого «не заметил».

Теперь я вынужден был её разочаровывать, и постарался как можно быстрее проскочить этот момент.

Я рассказал, что Иванченко принял меня на работу с конкретным условием - я спроектирую новый станок. Мне это было по силам. Чтобы спастись от увольнения (я шел как танк, не разбирая дороги и не отличая правду от выдумки), Иванченко пообещал мне приличную зарплату, постоянную прописку и в недалеком будущем жилье. Золотые горы.

Я выполнил все обещанное. За полгода сделал главное – разработал и утвердил техническое задание. Главк из-за этого отложил увольнение Иванченко.

Глаза Жанат загорелись яростью, но уже по отношению ко мне. Пора было спасаться.

А Иванченко обманул меня во всем. Денег не добавил, постоянной прописки не сделал, даже мешал этому. Но главное – в завкоме сказали, что квартира это тоже блеф.

- Вот почему я к вам пришел на прием. Вы в этом разбираетесь лучше всех в Столице. Есть ли у меня в ЗКС хоть какие-то шансы на квартиру? Это для меня самое главное. Меня долго ждать не будут, – имелась в виду романтическая невеста. - Если и в этом Иванченко мне лапшу на уши вешал, – я специально был груб, что вы хотите, человек вышел из себя! – то я уйду с завода. А без меня ему не усидеть. Должна же быть плата за такой обман!

Это был не какой-то там червячок, а грубая, но полноценная наживка для хищника. Впрочем, хищник был опытный.

- Почему вы думаете, что без вас все рухнет?

Я объяснил, что пока все чертежи у меня в голове, в главке это знают. Без меня никто ничего сделать не сможет. И если станет известно, что я ушел из-за Иванченко, разразится скандал по первому разряду. Тем более, что через месяц будет плановая комиссия из министерства.

Между прочим, насчет комиссии я сказал правду, и это одновременно был намек – нам нужно успеть до этого срока.

- Но как насчет моей квартиры. Это реально?

- Вы прямо спросили, – вкрадчивый голос Багиры стал соответствовать образу, - я прямо отвечу. Не раньше, чем через десять лет.

Я изобразил потрясение и ответил дрожащим голосом.

- Все, я ухожу с завода! Она, - имелась в виду гипотетическая подруга, - была права. Я полгода стоил из себя идиота, а заодно строил коммунизм для Иванченко.

- Да, она была права. Женщины всегда соображают лучше мужчин.

Сейчас наступил самый важный момент. Момент истины.

Я сделал вид, что собираюсь уходить, потом «собрался с мыслями» и просительно сказал:

- Раз у нас уж состоялся такой доверительный разговор... Я хотел вас попросить – не скажете ли вы, куда можно обратиться... Уж вы-то точно знаете все предприятия, где строят жилье. Это мне бы очень помогло и сэкономило время в поисках. А так броди по всей Столице. - И последний удар. - Не хотелось бы поневоле застрять надолго на этом чертовом заводе.

Была довольно долгая пауза. Жанат жаждала крови. Глаза её горели.

- Сделаем так. Вы приходите на прием в следующий четверг, а я попробую что-нибудь сделать... У меня есть кое-какие связи...

Есть!!! В таких случаях американцы в кино вопят «Йес!» и, сжимая кулак, делают не очень приличный жест.

Я же ограничился искренней благодарностью за сочувствие и понимание. Боялся переиграть. Но выйдя за пределы горсовета, заорал «Есть!!!» и тоже попытался что-то изобразить согнутой правой рукой. Похлеще любого американца.

Может быть раньше времени.

Последующая, уже третья по счету нервная неделя тоже далась мне нелегко. А она никак не кончалась. Я о чем-то торговался с Гольдштейном, повесил ватман на кульман, сделал на нем рамку и штамп. Даже с Людочкой не встречался, не было сил на посторонние разговоры. И к Илье в выходные не поехал по той же причине. Только Анне Ванне рассказал о результатах приема. А она толком не знала, на чьей стороне быть. Вроде с одной стороны завод, но и меня жалко.

В понедельник в обед она зашла к нам в отдел и позвала меня шушукаться. Мы вышли. Оказалось, ей позвонила подчиненная Жанат, наш куратор по квартирным делам. Анна Ванна, естественно, время от времени с ней пересекалась.

Куратор о чем-то спрашивала – для маскировки – но главным образом выясняла, действительно ли собирались снимать Иванченко за новую технику. Анна Ванна сказала, что такое предупреждение из главка было, о нем все знали. И еще куратор пыталась выяснить, правду ли я сказал Жанат о своей роли в этом деле. Анна Ванна честно, хоть и скрепя сердце, все подтвердила и таким образом на сей раз заняла мою сторону не теоретически, а очень даже практически.

Я понял - раз состоялась проверка, значит шансы возросли.

Хотя твердой уверенности в том, что я жажду перемен у меня по-прежнему не было. И на душе было немного мутно. Такого умения органично смешивать правду с... неправдой я у себя не предполагал. Да еще ко всему этот непредсказуемый Иванченко как раз на этой неделе добавил мне пятнадцать рублей к зарплате. Тьфу, ты черт...

Ладно, будем переживать по мере поступления...

И, наконец, снова наступил очередной четверг. С утра я заявил теряющему власть над собой Гольдштейну, что ухожу в библиотеку. Мы с ним оба вышли из отдела одновременно, но потом наши пути разошлись. Я пошел на автобус, а он жаловаться Иванченко.

Я приехал к горисполкому заранее, даже – как и прошлый раз – успел позавтракать в знакомом кафе. Без десяти два уселся в приемной на стул возле стены. Девочка-секретарь мне мило улыбнулась. Так Иванченко все-таки с ней... Я устыдился своей пошлости, меня это не касалось.

В два часа явилась Жанат, платье было еще эффектнее предыдущего. Она мне мило улыбнулась - отличный признак, мы становимся сообщниками – и пригласила в кабинет.

Я подождал, пока она сядет, только потом сел сам. Мое джентльменство было отмечено еще одной улыбкой. Но затем она сразу приступила к делу.

- Товарищ Поляков Борис...э...

- Можно просто Борис.

- Хорошо, Борис.

Дальше я не буду пытаться воспроизводить ею сказанное. Она в совершенстве владела дипломатически-бюрократической речью. Даже если бы я записывал все на магнитофон, и то бы нельзя было доказать, что она каким-то образом использовала свое служебное положение. И не потому, что опасалась меня – нет, была так профессионально приучена. Распределение квартир было опасней работы сапера. Тысячи глаз следили, тысячи ушей слушали. И при этом нужно было «делать дела». Требовалась отличная квалификация и соответствующие природные данные. Все это у Жанат было.

Но смысл её туманных предложений был, тем не менее, ясен.

Собственно сказанное ею состояло из двух частей. Первая – информативная.

Есть завод универсального шахтного оборудования, который только начал строиться. Но перспективы у него отличные.

- Радужные перспективы, - тут она позволила себе иронично улыбнуться, но снова стала серьезной.

Директор хочет принять меня на работу на приличную и хорошо оплачиваемую должность, потому что ему нужны квалифицированные кадры. О работе я должен поговорить с ним сам. Этот завод строит для своих работников два жилых двадцати квартирных дома. Один будет чуть раньше, другой чуть позже, но не позднее, чем через полтора года. Если все будет нормально, то если не в первый, то наверняка во второй дом я вселюсь. Нужно будет, чтобы я поскорее стал женатым, и чтобы в действительности или в проекте появился ребенок, потому что квартиры там в основном трехкомнатные.

Я нервно сглотнул, но промолчал.

А вторая часть была серьезным предупреждением. Содержание сомнений не вызывало. Таких умников как я она видела насквозь. Если я буду морочить голову, передумывать, короче воспользуюсь её помощью для торговли с Иванченко (хотя фамилия, естественно не была названа), то заполучу очень опасного врага, а значит никогда в жизни квартиры в столице мне не видать. И квартирой дело не ограничится. При этом, несмотря на светский тон, в глазах её снова появился хищный красноватый отблеск. Я ей поверил.

И подумал: «Сбылась мечта идиота. Я своего добился. Теперь могу сказать себе с чистой совестью, что у меня есть только один вариант, и никаких возможностей для сомнений и колебаний».

(Я заметил, что уже раза четыре в этих воспоминаниях назвал себя идиотом. И, думаю, не преувеличил).

После этого жесткого предупреждения Жанат отдала мне листик, на котором от руки четким почерком было написано название завода, адрес, даже каким автобусом добираться, номер телефона директора, его фамилия и инициалы – А.А. Яблонский.

- Вас ждут в понедельник в одиннадцать часов.

Аудиенция была окончена. Я рассыпался в искренней благодарности. Свой испуг, надеюсь, мне удалось скрыть.

2.11 Мелодрама.

И уж конечно в четверг я на работе не появился. Пришел в пятницу нормально, с утра. О своих терзаниях больше рассказывать не буду, мне надоело о них писать, а вам, я думаю, читать.

По дороге зашел к Анне Ванне, с утра у неё еще не было кумушек. Молча сел напротив неё. Она так же молча, подперев подбородок рукой, приготовилась слушать. Но я встал, обошел вокруг стола, наклонился и поцеловал её в щеку. Анна Ванна все поняла и расспрашивать ни о чем не стала.

Я вышел на территорию, оглянулся вокруг и понял, что уходить с завода мне не жалко. Только жаль недоношенный станок. Придется делать аборт, вещь – я понял женщин – физически и психологически болезненную. А все остальное – нет, не жаль. Не сроднился я с коллективом, хотя понимал, что такое положение говорит не в мою пользу.

Впрочем, со «сбродом» сроднился. Но я при всех вариантах переезжать с квартиры не собираюсь. Надеюсь, дома все останется по-прежнему. А на работе я пересекался только с Ниной Чижевской, и то не часто. Я иногда к ней забегал поболтать, когда очень скучно было. Должность её только звучала громко – начальник отдела, а в этом отделе были только две сотрудницы и машинистка. Располагались они вместе с начальницей в отделе снабжения, так что особо комфортных условий для беседы не было. А к Анне Ванне заходил ещё реже – у неё вечно торчали кумушки...

И я неожиданно понял, что больше боюсь остаться на заводе, чем уйти - даже в неизвестность. Синдром Полякова.

Но что меня волновало всерьез – это проблема жены и ребенка. Я изогнулся и посмотрел из-за кульмана на весело щебечущую с кем-то о чем-то Людочку. Она почувствовала мой взгляд, повернулась ко мне лицом, «сстроила глазки» и снова вернулась к своим основным обязанностям – досужим разговорам.

Хорошая, симпатичная и жизнерадостная девочка, но я должен был себе признаться, на жену она совершенно не похожа. Ни капельки. А на мать семейства тем более. Попытался было представить её в халате, с ребенком на руках, готовящей мужу завтрак – нет, картинка не получалась. А уж за стиркой белья, моим пунктиком – тем более. Но пока других вариантов не было.

Я подошел к её доске, у неё для блезира был наклеен какой-то пожелтевший листик ватмана. Людочка изобразила внимание, а я, тыча пальцем в этот листик, предложил сегодня вечером пойти на симфонию Малера – глаза её округлились. Но добавил, что если она хочет, то вместо этого можно пойти в ресторан. Она почему-то больше хотела в ресторан. Мы договорились о месте и времени.

И тут под горячую руку мне попался Гольдштейн, который нахально спросил, чем мы занимаемся. Вот тогда я, наконец, отвел душу. Сказал, что он охранник с окладом начальника отдела. Что ему нужно ружье и будку. Именно тогда я и выяснил, что он не еврей, а немец. Но скандалу это не помешало.

А когда я заявил, что в понедельник с утра иду в библиотеку, то думал, что его кондрашка хватит.

О разговоре с Людочкой в ресторане я вспоминаю с чувством неловкости. Я намекнул ей, что мне в городе предлагают работу. Там есть реальная перспектива получения квартиры, новой, трех комнатной. Но не для одиночки. Только если будет жена и ребенок. Я очень старался, чтобы она не приняла это впрямую на свой счет, потому что сам пугался такого варианта. Но должен признаться, она испугалась еще больше. Ребенок! Пеленки! Заботы! Нет, нет, она не готова. Мы встречаемся, нам так хорошо и весело. Зачем все эти ужасы...

Я сказал, что пока все это не конкретно, и закрыл ужасную тему к нашему общему удовольствию. Нам опять стало «так хорошо и весело». После ресторана я проводил её, как обычно, до дома. Хотел было пригласить в воскресенье к Илье, но почему-то передумал.

Я почувствовал, что Людочка боится, не обиделся ли я. Поэтому она спросила, когда мы следующий раз увидимся. Я сказал – в понедельник на работе. Она приняла шутку, мы посмеялись. На прощанье несколько раз поцеловались и этим продемонстрировали друг другу, что в наших таких хороших и веселых отношениях ничего не изменилось.

В субботу постоянные участники шашлыка собрались ближе к вечеру. Почему я об этом рассказываю, вы поймете.

Я решил на этот раз надраться как следует. Созрел. Поэтому купил пару бутылок водки, которая тогда - народ вспоминает это с восторгом до сих пор - стоила дешевле грибов – 2, 87!

Напиться я хотел не из-за Людочки. Точнее, не только из-за нее. Много всего набежало. Но все-таки в основном из-за Иванченко. По сравнению с моей «многоходовкой» его обманы теперь казались мелочью. В конце концов, он мне по мере сил помогал работать. Я вел себя как хотел, ездил куда хотел и когда хотел. Он терпел, хотя мой гонор наверняка действовал на его самолюбие. Правда, я выполнил обещанное, в этом отношении мы квиты. Но теперь я, кажется, буду в долгу...

Когда народ собрался, и мы уселись за стол, я довольно быстро – еще куриные крылышки не успели зажариться на мангале - добился намеченного состояния.

- Ты закусывай, закусывай, - заволновалась Анна Ванна.

Стол у нас, как обычно, был хороший. Старшие женщины соревновались в кулинарном мастерстве. Они отлично готовили и старались нас удивить. Им это удавалось. Нина Чижевская всегда приносила покупной торт. Я заведовал горячим блюдом – последнее время это были куриные крылышки. До сих пор считаю, что они вкуснее любых шашлыков из куриного мяса. Водку каждый приносил в среднем по потребностям. Не мелочились.

Спустя какое-то время «девочки» стали меня догонять. Как обычно отставала Нина Чижевская, но не намного. Она тоже «могла»...

Разговор стал оживленным. «Что у трезвого на уме», поэтому я перевел разговор на Иванченко. Я спросил, жалко ли им будет, если Главного уволят?

Анна Ванна, которая знала, почему я спрашиваю, только пожала плечами. А Лариса Михайловна удивилась:

- Почему его должны уволить, уже все утряслось? Мы в курсе дела.

- Ну а вдруг?

- Дима неплохой мужик. Он не злопамятный. Ну, не любит перемен. Лишних хлопот. А кто их любит? И дело все-таки делает. Правда, одна беда – слаб на передок!

И все «девочки» стали смеяться до слез. Навзрыд. Захлебываться. Даже всегда неэмоциональная Нина Чижевская.

Я обиделся за нашего брата.

- Так о женщинах говорят. Насчет мужчин другой смысл получается...

Анна Ванна с трудом:

- А какая разница? Передок есть у всех...

И они опять зашлись. Когда стали успокаиваться, Людмила Михайловна снова отличилась:

- Правда нас с Аней он не трогает...

Опять хохот.

- А Нину боится, - это Анна Ванна.

- Ну, Нину все боятся, - я внес свою лепту. По-моему, Чижевская обиделась. А может, показалось – её не поймешь.

- Нет, Дима на заводе не бра...бра...коньер...ствует, - это слово после принятого далось Анне Ванне с трудом.

- Было, Аня. Ты знаешь. Это когда молодые девки на шею кидались. Он пару раз не удержался. Слаб на передок. Да и кто удержится?

Тут Лариса Михайловна неожиданно повернулась ко мне и заговорщицки подмигнула.

- Ларка! – остановила ее Анна Ванна. Но было поздно. Я понял, кого она имеет в виду. Людочку! Мой секрет полишинеля. Понял, почему моя подружка так боялась, что о нас узнают на заводе. Почему не слушала прекрасную симфонию Малера... Н-да.

Я попытался сделать вид, что ничего не произошло. Очень старался. Не знаю, как у меня это получилось. Потом еще добавил пару рюмок и впал в меланхолию.

- Вот мы тут сидим. Четыре человека. Почему мы одинокие? – не очень разборчиво пробормотал я. Что водка делает с человеком! Трезвый я ни за что такую глупость не сморозил бы.

- По разным причинам, - твердо и уверенно объяснила Нина Чижевская. Ответ достойный вопроса. Не поспоришь.

- Потому, что в молодости ищешь идеал, - по-моему, Лариса Михайловна намекала, что у неё была романтическая история. – А когда понимаешь, что идеала нет, оказывается, время уже ушло. Ушло безвозвратно.

Неожиданно для себя я возразил:

- Почему нет идеала. Есть. Я лично знаю идеал.

- Так за чем дело стало? – удивилась Лариса Михайловна.

- Идеал на то и идеал, что его невозможно достичь. А может, - я задумался, - и не нужно.

- Не согласна, - уверенно и здраво возразила Нина Чижевская, которая чем больше выпивала, тем уравновешеннее была. Анна Ванна говорила, что мы на неё зря водку переводим. - Категорически не согласна. – Если бы человечество боялось добиваться даже самых невероятных целей, мы бы до сих пор бегали голыми под деревьями.

Я взглянул на неё и подумал, что это бы неплохо смотрелось. Но на всякий случай мысли свои не обнародовал.

- Нельзя бояться дерзать. Человечество...,- продолжала Чижевская, даже не догадываясь, что я говорю о ней. Кстати, я и сам понял это с опозданием. И не только, потому, что был пьян, просто во мне говорил разум, а не чувства – их не было и быть не могло. Мы с ней были из разных коллекций. Но факты я не мог не видеть. Я просто рассуждал объективно.

- При чем тут человечество? Вот луна, - она очень кстати висела над нами, - можно восхищаться ею, можно под ней мечтать. Но дотянуться... Это разные миры... Э, да что с тобой говорить. Там можно находиться только в скафандре.

Я чуть было не добавил – как и с тобой. Только в скафандре. Хорошо, что сдержался. Был бы скандал.

Да, мы разные миры. Мы с ней несовместны как гений и злодейство. Причем, если судить по талантам и внешности, гений это она. А я - по итогам моих подвигов за последний месяц – несомненно, злодейство.

Эта нехитрая острота примирила меня с действительностью.

«Девочки» убрали со стола, помыли посуду, и кто-то – не помню кто – даже помог мне добраться до кровати...

Когда на следующий день я протрезвел, то беспокоила меня только одна мысль – не пытался ли я по пьяной лавочке ухаживать за Чижевской? Не проявил ли «амикошонство»? Кажется, нет.

А насчет Людочки... Я почувствовал боль и облегчение одновременно. Боль из-за Людочки. А облегчение относилось к заводу – я понял, что окончательно созрел для перемен. Теперь не только жребий брошен, но и Рубикон перейден.

Осталась одна «мелочь» - чтобы по закону подлости не оказалось, что уходить мне некуда.

2.12 Завод УГШО.

Вот вам еще одна аббревиатура, завод УГШО расшифровывается как завод унифицированного горно-шахтного оборудования. Нашел я его легко. Во-первых, получил от высокопрофессиональной Жанат точный адрес, а во-вторых, он был расположен у конечной остановки автобуса, которая так и называлась – завод УГШО. Это был хороший знак – ехать удобно, и потом вызывало уважение – не каждую остановку назовут именем нового, только строящегося завода.

Приехал я раньше, чем за час до назначенного времени. Хотел до разговора с директором, когда возможно придется принимать решение, побродить, присмотреться, может с кем-нибудь пообщаться, получить хоть какую-то предварительную информацию. Как видите, я постепенно набирался житейской мудрости.

Завод начинался эффектно - солидное, светлое четырех этажное современное здание, солидный вход, - несколько мраморных ступенек. По обе стороны дверей солидные таблицы, на одной надпись золотыми буквами «Заводоуправление УГШО», на другой «СКБ УГШО». По обе стороны здания забор, тоже солидный охватывает впечатляюще большую территорию, изгибается и уходит куда-то вдаль. Масштабно. Я вспомнил слова Жанат – «у завода радужные перспективы». Только непонятно, почему мне почудилась в них ирония...

Я зашел внутрь здания. Также очень солидно. Даже вахтер у входа, крупный мужчина, прилично одетый, правда он не обращал внимания на входящих и выходящих, что-то читал. Я спрашивать его ни о чем не стал, решительно прошел мимо. Широкие коридоры, на двух этажах отделы заводоуправления. На втором этаже отдельно приемные директора и главного инженера. Директор – табличка - Яблонский А.А., фамилия главного инженера в соответствии с первым правилом дружбы народов - Исабаев, как и положено. Третий и четвертый этаж отданы различным службам СКБ. Конструкторский зал светлый, большой, и кульманы – очень важно – новые, из ГДР, отличные кульманы, не чета нашим советским «дровам». Иностранные столы и кресла на колесиках. К такой роскоши я не привык. Народу на этих креслах сидело много.

Меня больше интересовало производство. В СКБ я задерживаться не стал, зона мне хорошо известная. Понял – бюро довольно большое и не бедное. Короче говоря, первое впечатление было прекрасным, жаль, что дальше пошло по нисходящей.

Я спустился на первый этаж, там в конце коридора был выход на территорию завода, к моему удивлению никем не охраняемый. За зданием СКБ я увидел довольно широкий заасфальтированный двор, слева, судя по всему, гараж и какие-то складские и

вспомогательные помещения. За площадкой возвышался торец довольно облезлой, явно не законченной коробки большого цеха, уходящего вдаль. Я даже зашел за угол, чтобы посмотреть, какой длины это здание. Оказалось большое, на глазок метров триста. Впечатляет! Сверху ленточка остекления, вроде все, как положено, но почему-то здание выглядело нежилым. Стекла грязные, пятна на стенах. Все какое-то недоделанное. Справа в заборе были довольно мощные ворота для транспорта, правда, открытые настежь, рядом будка охранника. Пустая. А вот сам забор продолжался вдоль цеха еще метров двадцать-тридцать ... и обрывался. Дальше были поля, вдали какой-то поселок.

Я вернулся, зашел в ворота цеха – тоже никто мной не заинтересовался – и увидел, что освоена только часть недостроенной коробки – не больше четверти, а может и того меньше. Это был, судя по всему, экспериментальный участок, потому что там стояли две не то полусобранные, не то полуразобранные машины оригинального – для меня – вида с мощными двигателями внутреннего сгорания, на больших и широких автомобильных колесах. Одна с ковшом, вроде бульдозера, вторая загадочная, марсианская, позже узнал – бурильная установка с гидравлическим манипулятором. Возле неё трудилось пара рабочих, а рядом со скучающим видом стоял типичный «белый воротничок» – прилично одетый парень лет сорока, руки в карманах замшевой куртки. Переминался с ноги на ногу.

Чуть дальше за невысокой перегородкой из стеклопакетов – небольшой, очень небольшой цех, станков пять – семь. Один из них был мне знаком – родной станок с красной сверлильной головкой, как напоминание о прошлом, впрочем, пока еще настоящем. Гибочный пресс стоял отдельно, возле него горка деталей из жести. Много. Я подумал, что пресс работает «налево», и не ошибся. Это, оказалось, был единственный источник побочных доходов завода. За ширмой пара сварочных аппарата. Рабочих было немного, человек пять, не больше.

За станками была сплошная, до верха глухая стена. В ней дверь, довольно широкая, двустворчатая. Я ее открыл – за дверью было пустое, не оштукатуренное помещение. В полутьме конец его едва просматривался. Уж точно – ни малейших сомнений – необитаемое. Как говорится, конь не валялся. И было заметно, даже при скудном освещении запыленных стекол под потолком, этот конь не валялся уже давно – стены шелушились, на полу щебенка. Словом, картина запустения. Судя по всему, ирония в словах Жанат мне не почувдалась.

Я подумал, что скорей всего вначале это был по-советски грандиозный проект (кстати, потом я видел генеральный план, там было три таких больших цеха, литейка и прочее по мелочам, включая железнодорожные подъездные пути), но вдруг после окончания строительства СКБ где-то перекрыли кислород. И все замерло. Перекрыли – судя по виду цеха – не вчера. Вопрос только в том, надолго ли. А если навсегда? Правда, Советский Союз был хорош тем, что там даже большие и солидные организации могли работать по замкнутому циклу, без выхода продукции. Но хоть какая-то видимость результата должна быть? Какое-то предприятие хотя бы для ширмы? Это цех на ширму столь мощного СКБ похож не был.

Я очень расстроился. Неужели, как говорят врачи скорой помощи, это был ложный вызов? И мне придется возвращаться назад, к Иванченко, моему боссу, а теперь по совместительству и сексуальному сопернику? Как видите, чувство юмора – правда, черного – меня еще не покинуло.

И все-таки я взял себя в руки, решил не паниковать прежде времени, а бороться с неприятностями – ну, вы это уже знаете – по мере их поступления. Кажется, этим приемом я уже вполне овладел, научился пользоваться им в критических ситуациях, которые последнее время не заставляли себя ждать.

Нужна была информация. Я вернулся к марсианской машине и попытался завязать разговор с человеком в замшевой куртке. Внешне он мне чем-то напомнил Андрея Гетте. Вы его еще не забыли? Тоже высокого роста, но поплотнее. Тоже рыжеват. Мне показалось – из той же породы. Интуиция меня не подвела. Он действительно оказался депортированным немцем, и не просто обычным, а немцем остзейским, в переводе на русский прибалтийским. Это - потом оказалось – было для него предметом гордости. Но мы с ним подружился, так что у меня еще будут поводы поговорить о нем подробнее.

А пока он с охотой и довольно откровенно побеседовал со мной. И не только потому, что ему было скучно. Генрих – мы в самом начале представились и пожали руки – был общительным и доброжелательным парнем. А я сразу признался, что собираюсь поступить на работу, правда, еще толком не знаю, что мне предложат. И не скрыл своего удивления и огорчения увиденным в цехе.

Мне на этот раз повезло. Я выбрал, наверно, самый лучший источник достоверной информации. Генрих знал о заводе все. Он был не последним человеком в СКБ – один из трех Главных инженеров проекта. Но дело не только в этом. Позже я узнал, что он был официальным любимчиком директора, в хорошем, положительном смысле этого немного вульгарного определения. А с Главным инженером Исабаевым Генрих учился на одном курсе института, дружил. Они готовились к зачетам и экзаменам вместе. Исабаев был хорошим спортсменом (кстати, тоже боксером) и плохим студентом. А казахскому студенту казахского института нужно было приложить немало усилий, чтобы проваливать экзамены. Это было совсем непросто, но тем не менее будущему Главному инженеру такое удавалось не раз и не два. Регулярно. Генрих был его буксиром и неоднократно спасал от неминуемых провалов. Выходит, Исабаев был у него в долгу... Дружеском долгу...

В те годы Исабаев жил в общежитии, его семья немного позже переехала в Столицу из аула. Поэтому родители Генриха пригрели его. Они занимались у них дома, часто вместе обедали. Его считали едва ли не членом семьи.

Словом положение Генриха было в этом смысле уникальным, потому что ни для кого на заводе не являлось секретом - между директором и Главным инженером тлела плохо скрываемая вражда.

За этот час Генрих мне рассказал много интересного. Включая историю рождения завода. Я думаю, подробности, о которых он мне поведал, были мало кому известны даже в СКБ. Но начал он с казалось бы более мелкой, но – уверяю вас – очень полезной для первого визита к директору информации. Оказывается, Яблонский любил, чтобы его называли Сан Санычем, и сам представлялся так. В то время был в моде фильм «Девчата» и слоган Сан Саныч (а как его иначе назовешь?) был популярен. Кстати, он популярен и сейчас. Правда, Сан Саныч Яблонский отличался от других Александров Александровичей хотя бы тем, что по паспорту был Аншелевичем. Так что можно считать это имя и отчество в какой-то мере псевдонимом. А недоброжелатели директора на предприятии – оказалось есть и такие, оказалось их было немало – называли его или сокращенно СС, или полностью эсесовцем.

Но об истории предприятия. Все началось с легкой руки Хрущева и еще при нем. Однажды Никита Сергеевич как всегда темпераментно заявил, что пора перестать покупать у какой-то там Финляндии – тьфу! - горно-шахтное оборудование. Пора её, а заодно и Америку догнать и перегнать.

Верный хрущовец, заместитель председателя Совета министров Республики услышав это, подсутился и – с подачи мужа своей родственницы доцента Яблонского –

внес в планы Столицы создание большого завода. Он проявил инициативу - тогда это было модно - не подозревая, что через пару лет она будет называться волонтаризмом.

Верный хрущевец был энергичным менеджером. В короткие сроки разработали масштабный проект. Автора идеи, а по совместительству мужа родственницы, назначили директором будущего гиганта. Предполагалось разработать и изготавливать последний крик горношахтной моды – универсальное самоходное оборудование на пневмошинном шасси. Тогда эту новинку только-только осваивали американцы. Мы должны были их догнать, но с прискорбием, сообщая, что и по сей день это оборудование покупаем в – тьфу! Финляндии - за нефтедоллары. Увы...

Начали очень успешно. Проект прошел все инстанции и – говорят – даже был завизирован самим Никитой Сергеевичем. Все думали, что это обеспечит строительству зеленую улицу.

В короткие сроки был разработан масштабный генплан. Я его видел. Там было *три* таких больших цеха, как описанный мною недоделанный и недокрашенный, большая литейка, подъездные железнодорожные пути и прочее по мелочам. Энергичный Яблонский пробил строительство СКБ в первую очередь, чтобы подготовить опытные образцы заранее.

Сверх всяких благодеяний власти выделили деньги на постройку двух жилых зданий для сотрудников. Чего еще можно желать?

Меньше, чем за два года выросло отменное здание СКБ и заводоуправления. Без всяких проблем утвердили высшую категорию заводу, в соответствии с этим спустили в СКБ штатное расписание. Высокие оклады позволяли набрать более-менее приличный конструкторский состав – разумеется, из того, что было в городе. Даже наняли трех кандидатов наук не титульной нации, которых выжили из учебных институтов в соответствии с выше описанной схемой дружбы народов. Кандидаты хорошо знали иностранное оборудование, но сами проектировать – пока - не пробовали. Но это выяснилось позже...

Конструкторы заселили здание еще до его сдачи и начали проектные работы. Как умели. Относительно быстро строители заложили все подземные коммуникации будущего завода в соответствии с генпланом, а потом сложили здание первого цеха – совершенно несоветский стиль, у нас все вокруг рюет, когда здание уже готово и соответственно все несколько лет бултыхаются в грязи.

Сан Саныч оказался энергичным доставалой, очень полезное при советской власти свойство начальника. Он завез хорошее конструкторское оборудование по первому разряду. Короче говоря, все было слишком хорошо, чтобы могло продолжаться в том же духе при нашей советской действительности. Но тем не менее по инерции все двигалось еще какое-то время даже после снятия Хрущева в октябре 1964 года.

Зампредседателя Совета Министров, который курировал завод УГШО, был слишком близок к опальному лидеру. А после смены руководства страны вполне естественно пошли подковерные перетасовки в элитах. «Крышу» Яблонского куда-то перевели с понижением и обвинением в волонтаризме, потом дошла очередь и до завода УГШО. Заводу перекрыли кислород. Сразу и бесцеремонно. Полностью прекратили строительство и поставку оборудования под девизом – вы предлагали раньше создать надежные машины, а потом освоить их на заводе. Где эти готовые к серии машины? Сдавайте их, тогда будем разговаривать. Мы же не трогаем ваши зарплаты, ваши строящиеся дома, сохраняем все договоренности. Вам никто не мешает работать. Теперь ваша очередь – дайте машины.

Конечно, это была глупость, что можно сделать без производственной базы? Так продолжалось уже три года. Отсутствие опыта и квалификации разработчиков плюс отсутствие производства – все детали приходилось заказывать, точнее просить как милостыню на других предприятиях – дало те результаты, возле которых стояли мы с Генрихом. Эти две не то недособранные, не то недоразобранные машины и были той мышью, которую родила гора радужного проекта. Прямо скажем – не густо. Заложенные в строительство, в зарплаты, зарытые в землю в качестве коммуникаций огромные деньги, были пущены на ветер, который ко всему прочему в Столице практически никогда не дул.

Генрих мне это рассказал по секрету, и я добросовестно молчал вот уже сорок пять лет. Никому ни слова. Но теперь решил поделиться с вами и то только потому, что срок давности, по-моему, давно прошел (сорок пять лет, как никак!).

Денег тогда считать не умели. Сейчас все сетуют, что деньги разворовываются, это действительно очень плохо. А тогда деньги просто выбрасывались на ветер. Что хуже – не знаю, сейчас хоть украденным кто-то пользуется для себя. Не зарывает их почти без всякой выгоды в какой-нибудь Беломорканал вместе с тысячами трупов, как это делал наш великий менеджер. Ну да ладно, это тема особая...

Я задумчиво посмотрел на марсианскую машину и продолжил разговор:

- Но если нет работы, то вас могут просто закрыть?

- Нет, это не так просто. Кто решиться признать, что миллионы вложены в СКБ и завод по ошибке? Нет, так будет тянуться до бесконечности. У нас нет безработицы и есть право на труд. Результатов труда это не касается.

Он, как я понял, тоже был из оппортунистов. Что вы хотите – остзейский немец, бардак и разгильдяйство его раздражали. На генетическом уровне.

- А работу конструкторам всегда можно придумать. Мы сейчас разрабатываем разные модификации, следующие габариты. Хотя, понимаем, что пока не проверена база, это мартышкин труд.

Генрих замолчал. Он и так сказал слишком много незнакомому человеку. А потом сам удивлялся этой внезапной откровенности. Но мы спустя некоторое время пришли к выводу, что причиной было доверие и симпатия, которую мы сразу почувствовали. Дружба тоже бывает если не с первого взгляда, как любовь, то с первого откровенного разговора. У нас этот разговор состоялся.

Но время приближалось к одиннадцати часам. Пора было идти на прием к директору. Мы с Генрихом тепло попрощались, и я от души поблагодарил его за откровенную информацию.

Не слишком обнадеживающий рассказ о перспективах завода имел, тем не менее, одно положительное последствие – я перестал так нервно опасаться отказа. Пусть будет, как будет, пусть жребий бросит судьба. Уж слишком неоднозначны были перспективы. Что было «за», во всяком случае на первый взгляд? Судя по всему ситуация в ближайшее время здесь все-таки не измениться, и если мне предложат что-то приличное – в рублях, то можно смело ждать окончания строительства жилых домов. Не только первого, но и второго. Уже немало.

А вот что мне могут предложить? Совершенно непонятно. Конструктором в этом СКБ я быть не могу. Двигатели, манипуляторы, шахта, штольня – все это было для меня китайской грамотой. Может мне предложат быть Гольдштейном, каким-нибудь начальничком, который будет спрашивать: «Куда вы идете? И где вы так долго были?». Ну, если с приличной зарплатой и квартирой – вполне можно потерпеть. И даже привыкнуть, если дело не хлопотное... Может оно будет и к лучшему, если мне удастся

пристроиться на одно из многочисленных советских организаций с олимпийским девизом: «Главное не результат, а участие». Короче говоря, я надеялся на синекуру. Но вышло не совсем так.

2.13 Сан Саныч.

Я вошел в приемную на несколько минут раньше одиннадцати, сказал пожилой и толстой секретарше, что мне назначено, скромно сел на один из стульев, стоящих как обычно в приемных у стены. Чуть позже одиннадцати – пунктуально, хороший знак – зазвонил телефон, и мне предложено было пройти.

Сан Саныч сидел за большим столом большого и красивого кабинета в довольно скромном кресле. Демократично. Перед столом всего два стула, длинного стола для совещаний в кабинете не было – они проводились в отдельном помещении. Богатая организация могла себе это позволить.

Когда я вошел, он приподнялся, и мы обменялись через стол рукопожатиями. Причем мне пришлось поднапрячься, чтобы дотянуться до директорской руки.

Первое впечатление было приятное - довольно высокого роста, спортивная фигура, широкоплечий, подтянутый, статный. Его вполне можно было бы назвать добрым молодцем, если бы не привычка слегка сутулиться и немного наклонять голову вперед и вбок. Это уменьшало молодцеватость. Что еще? Директор для такого поста был молод – немногим больше сорока, но абсолютно лыс, и это тоже плохо укладывалось в понятие «добрый молодец». А лицо не скрывало его еврейское происхождение. Но в сумме внешность Сан Саныча вполне можно было назвать эффектной и запоминающейся. Одна беда - на директора он похож не был. На бухгалтера, на музыканта и даже композитора, на юриста, в крайнем случае на научного работника (кем он и был прежде), но не на советского директора. Почему – кто может это объяснить? Разве что одну из причин такого внешнего несоответствия могу назвать. Настоящий директор должен всегда немного отклоняться назад, это придает важность. Тогда, даже сидя, он сможет смотреть как бы свысока на стоящего перед ним подчиненного (можете проверить и убедиться в этом сами). Сан Саныч при разговоре подавался вперед, как бы искал контакта. Грубая ошибка. Контакт должны искать с ним, и, как правило, не находить, на то он и директор.

Так как вы уже наверняка догадались, что я буду работать на этом заводе, то позвольте поделиться своим мнением о директоре, которое сложилось у меня позже, за почти четыре года совместной работы с ним. Точнее, соблюдая служебную иерархию, его работы со мной.

Сан Саныч был определенно неглупым человеком, он ощущал какое-то внешнее, а может и внутренне несоответствие занимаемой должности, и поэтому для компенсации довольно часто делал разнос своим подчиненным. Он – может и справедливо - считал, что таким образом поддерживает свой авторитет хозяина. Но проблема заключалась в том, что бурные вспышки были мало связаны с реальными причинами, они больше являлись следствием его настроений. Такая нестабильность поведения создавала напряжение в отношениях с ним. Нельзя было ни объяснить, ни предугадать, когда и по какому поводу произойдет взрыв – согласитесь, не слишком хорошее свойство для руководителя. Хотя нужно признать, что с другой стороны Сан Саныч был относительно неплохим человеком, во всяком случае, не злопамятным. И достаточно энергичным и пробивным. А некоторая нервность поведения могла быть результатом прекрасного начала строительства и внезапного его коллапса. Кто такое выдержит?

Вскоре после начала разговора, Сан Саныч довольно откровенно признался мне, что чувствует себя комендантом осажденной крепости. Такое поэтическое сравнение ему явно нравилось – ходили слухи, что он тайно что-то литературное пописывал. Это, кстати сказать, тоже не способствовало авторитету. Нравы тогда были довольно простые. Сейчас – как вы знаете – все независимо от должности что-то пишут. Но тогда это определенно говорило о слабости...

Вот такая сложная комбинация из плюсов и минусов, кстати, по моему мнению, не худший вариант директора. Во всяком случае, отличающийся от прежде описанных мною представителей этого корпуса.

Принял меня Сан Саныч радушно и доброжелательно. Даже уважительно. Я понимал, что это отношение адресовано пока не мне, а отсутствующей здесь Жанат. В самом начале разговора он несколько раз пытался исподволь выяснить, как я попал в орбиту такого влиятельного человека, разумеется, не называя её имени. Я делал вид, что не понимаю довольно прозрачных намеков и вопросов, чем, по-моему, заслужил его одобрение. Мою трудовую книжку он просмотрел внимательно, отношение к её содержанию легко читалось на его лице. Я и в дальнейшем не раз убеждался, что скрывать свои мысли он не умеет - еще одно доказательство бюрократа-непрофессионала. Помните, Жанат для собеседника была закрытой книгой.

Политехнический институт вызвал у него одобрение – солидное заведение, СКБ «Пищемащ» - так себе, СКБ «Проектор» - легкое удивление, а благодарности из центра – уважение.

Дальше был монолог, разумеется, директора. Я только согласно кивал головой и делал вид, что все понимаю и со всем соглашаюсь. А сам в это время ожидал самого главного – в каком варианте Сан Саныч собирается меня использовать? И за какую цену?

Он сказал, что не будет спрашивать, зачем я уехал из солнечной Одессы в не менее солнечную, но все же далекую столицу Республики. Раз не будет спрашивать, я естественно не отвечал, только застенчиво – так мне казалось – улыбался. Но при этом Сан Саныч с таким сочувствием и пониманием посмотрел на меня, что стало ясно – Жанат как истинной женщине романтическая составляющая моей биографии запомнилась больше всего. Эту историю она передала дальше по цепочке. И вроде бы ничего страшного, жениться-то все равно нужно, хотя бы ради квартиры. Но что-то меня беспокоило. Я тогда, помнится, заподозрил, что невинная и остроумная – как мне казалось - выдумка может принести в будущем ненужные осложнения.

Насчет станкозавода у него тоже вопросов не было – семейный очаг там не создашь. Ну, Жанат, выдала меня с головой! Хорошо, хотя бы отвечать не пришлось, раз ему все так ясно.

На этом лирическая часть беседы была закончена, он посуровел и перешел к практическим делам. Говорил мой будущий директор грамотно – даже непривычно грамотно для такой должности. Но, пожалуй, слишком импульсивно. Мог без предупреждения неожиданно перескочить с одной темы на другую. В общем, в соответствии с характером, который я уже описал. И - наверно по привычке – время от времени сражался с неизвестными мне противниками, называя их обезличенным «Они».

Он сказал, что очень нуждается в квалифицированных и надежных сотрудниках. Что перед организацией стоят большие и почетные задачи. Но именно поэтому нужно напрячь все силы.

- «Они» не понимают, что тем, кто идет впереди, всегда трудно. А мы первопроходцы!

Это прозвучало почти патетически. Затем Сан Саныч пересказал мне своими словами то, что я уже слышал от Генриха. Немного о конструкции самоходных машин. О том, что главное – унификация. Что разные модификации как в детском конструкторе можно будет собирать на основной базе – самоходном шасси. О перспективности. Об американцах, которые только пять лет тому начали выпускать такие машины, и до сих пор их дорабатывают. Это с их-то возможностями!

- А «они» хотят, чтобы все было по-щучьему велению. Раз-два и в дамки. Так не бывает.

На американцев, жаловался он, целый завод работает. И не один. И кооперация у них дай бог каждому. А тут как нищие, сам директор должен выпрашивать каждую деталь на других заводах. Потому что своего пока нет.

- «Они» нам совсем не помогают, только требуют. И хорошо, если не мешают.

Вслед за этим и прозвучало сравнение завода с осажденной крепостью.

Наступила пауза. Невеселая. Сан Саныч наверно заметил печать уныния на моем лице и резко добавил оптимизма.

- Но мы своего добьемся! Будут у нас и машины, и завод. «Они» еще удивятся нашему упорству. Будьте уверены! К концу года мы сдадим опытные образцы, и «они» вынуждены будут продолжить строительство. Как миленькие!

Все это было очень интересно. Но каким образом я буду принимать участие в этой битве? В качестве кого?

Словно в ответ на мои мысли в монологе директора произошла еще одна неожиданная смена темы и настроения.

- Но «они» в одном правы. У нас есть серьезный пробел. Даже, я бы сказал, провал. Надо признать и исправить. Тут вам и карты в руки.

Наконец-то! И до меня дело дошло...

- Я думаю, что у вас конструкторская квалификация хорошая, судя по институту и благодарностям. В этом смысле, не сомневаюсь, вы человек грамотный.

Я подумал, что не только в этом смысле. Но высказался скромнее.

- В общем конечно... Но я не понимаю...- впервые после начала директорского монолога проговорил я. Неужели он все-таки собирается использовать меня в качестве конструктора? Каким боком, как говорят одесситы...

И Сан Саныч продолжил монолог.

- Вы знаете, сейчас вводится новая единая система документации. У нас в этом полный провал, в СКБ и на заводе. Не боюсь признать. Каждый рисует, как хочет и применяет, что хочет. Никаких норм и ограничений. – Он долго подбирал сравнение, наконец, нашел. – Целина. Невспаханное поле. Главные инженеры проектов у нас кандидаты наук, дело свое знают, но специфика конструкторских работ, оформление чертежей, допуски, посадки... это для них темный лес. Нужны инструкции, нормали. Что там еще? Вам, специалисту видней. Непочатый край работ. И очень серьезный контроль. Мы должны смыть с себя позорные, но справедливые обвинения недавней комиссии.

Видно было, что Сан Саныч ищет самое убедительное доказательство серьезности проблемы, и, наконец, находит его.

- «Они» долго будут размахивать этими выводами и доказывать, что мы несолидная организация.

Я в свою очередь дал понять, что против такого довода устоять не могу.

Подведу итог. Сан Саныч решил сформировать технический отдел, который должен не только создать все необходимые нормали и инструкции (кстати, очень большая

работа), о чем я расскажу немного позже, чтобы не испытывать ваше терпение техническими подробностями. Большинство – знаю – этого не любит.

Отдел должен быть не маленький, человек двадцать пять. Мне предлагалась должность начальника. По штату полагался и заместитель, Сан Саныч предложил мне самому его подобрать. Сроки будут жесткие – предупредил он. Работа огромная. А я мысленно добавил – и самая нелюбимая мною, конструкторы её просто презирают. У нас на «Проекторе» отдел нормализации и стандартизации называли «дубовая роща». К тому же совершенно бессмысленная – то, что я очень «люблю». Унифицировать то, чего нет, и даже не предвидится... Да, кажется, все не так просто. Подумать есть о чем...

Но сомневался я недолго, только до тех пор, пока Сан Саныч не назвал мой будущий оклад, который снимал все проблемы, реальные, моральные и всякие другие прочие – ровно в два раза больше, чем я получал на станкозаводе.

А апофеозом все-таки был разговор о квартире.

- Мы должны как можно скорее вас внести в очередь. Думаю, если все будет в порядке, то речь пойдет о первом доме.

После этого Сан Саныч даже не спрашивал, согласен ли я на такие условия. И правильно сделал. Вместо этого он добавил:

- Учтите, вас должно быть три человека. Три! Третий хотя бы в проекте. Если вас будет двое, – то, что я могу быть один ему даже в голову не приходило, – очень все осложнит. Однокомнатных квартир мало и на них большая очередь. Поэтому если вас пока двое не теряйте ни секунды, – он легкомысленно улыбнулся и, плохо подражая низложенному Никите Сергеевичу, изрек. – Цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!».

Прозвучало двусмысленно. Я не удержался и продолжил эту скользкую тему. Может потому, что знал – бежать мне некуда. И не к кому.

- Как, прямо сейчас?

Но Сан Саныч, видимо решил, что уже продемонстрировал свое чувство юмора, и снова перешел на начальственный тон.

- Нет, сначала зайдите в отдел кадров, оформите все, что положено. С третьего мая на работу. Месяца хватит, чтобы решить все дела на станкозаводе?

- Конечно, хватит. А к главному инженеру зайти?

Он пренебрежительно махнул рукой.

- Потом. Когда выйдете на работу.

Жаль. Я понимал, что этим наживаю врага и автоматически вхожу в лагерь директора. Хотелось бы быть нейтральным, но кажется, не получится.

Мы поулыбались, попрощались за руку через стол. Я ушел довольный и озабоченный в одно и то же время. Вы наверно заметили, что «двойное» настроение уже не первый раз овладевает мною. И, к сожалению, не последний. Я хотел подобрать подходящее определение для своих предчувствий, но лучше ящика Пандоры ничего придумать не смог. Кажется, я его открыл.

Документы были оформлены, заявление подписано директором. К обеду я освободился. Нужно было срочно ехать на станкозавод и подавать заявление об увольнении. Мало ли что придет в голову Иванченко? Я боялся, что Гольдштейн уже написал донос, в таком случае я должен поспешить - по КЗОТу (кодексу законов о труде, объясняю для молодежи) после подачи заявления нельзя накладывать взыскания. И все-таки я не смог удержаться и спросил у охранника, как найти строящиеся жилые дома.

Охранник неохотно ткнул пальцем в пространство и, не отрываясь от литературы, проворчал:

- Там.

На счастье оказался в коридоре Генрих. Я ему рассказал, кем буду работать, а в обмен он предложил проводить меня до новостройки. Мне показалось, что кроме вежливости был еще один побудительный мотив – он откровенно скучал. Так впоследствии и оказалось – детали новые не поступали, старые были все установлены, чертежи нового типоразмера шасси давно выполнены, а рассказывать анекдоты и обсуждать футбольные матчи Генрих не любил. Стоять возле марсианского полуфабриката тоже было бессмысленно. Поэтому он с охотой пошел со мной прогуляться.

Дома оказались недалеко, минут пятнадцать ходьбы. Сначала мы пересекли небольшой поселок с частными домиками, потом подъем, но это к лучшему – новый жилой район был расположен относительно высоко, а значит, воздух будет чище.

Два дома завода УГШО стояли рядом. На одном из них практически был закончен второй этаж, на другом первый этаж только подымался. Оба дома отличались от привычных хрущевек, которые воздвигались в районе. Наверно это был проект если не для обкомовских, то уж во всяком случае для горкомовских жильцов. Заслуга – рассказал мне все знающий Генрих – Сан Саныча и сына начальника строительного главка, который у нас числился начальником ОТК. Я его видел несколько раз. Он должен был получить квартиру в первом доме и действительно её получил.

Мы поднялись на второй этаж. Несмотря на то, что это была только коробка, внутренняя отделка даже не начиналась, квартира меня поразила. Высокие потолки, довольно приличная - по размерам – прихожая, большая спальня, чуть меньше детская. Гостиная и кухня имели самостоятельные выходы на огромный – по моим тогдашним понятиям – балкон. Даже в детской свой балкончик! Была еще одна комната, довольно большая, но Генрих объяснил, что это ванная. И еще одна, даже больше ванной – оказывается кладовка. Она же комната-гардероб. С ума сойти! А если включить фантазию, представить себе паркетный пол, белоснежный потолок с чешской люстрой, на стенах веселенькие польские обои, на кухне моющиеся (обои тогда были в моде)! Мебель светлая, румынская и обязательная стенка или горка, вся в зеркалах и стеклах! Боже мой! Я почувствовал, что за такую квартиру можно зарезать или задушить кого угодно, я уж не говорю о такой мелочи, как выполнять скучную и нелюбимую работу. Мысль, что в таком случае «задушить или зарезать» могло относиться и ко мне, в состоянии эйфории в голову не приходила.

Генрих терпеливо ждал и позволял мне наслаждаться мечтами. Наконец я очнулся и вспомнил, что впереди еще непростой этап расставания с заводом. Мы спустились вниз к автобусной остановке, где я горячо поблагодарил своего добровольца-проводника. Он явно не торопился на рабочее место, подождал, пока не пришел автобус. Я сел на свободное место у окна, а мой провожатый терпеливо стоял на остановке и приветливо улыбался. Я тоже улыбался и тоже приветливо. Когда автобус тронулся в обратный путь, я через заднее стекло увидел, как Генрих медленно направился, я бы даже сказал побрел, в сторону завода. Определенно его туда не тянуло.

2.14 Прощание славянки.

Дорога от завода и до завода занимала примерно час времени. Все это время я пытался привести мысли в порядок. Встреча, точнее говоря расставание, с Иванченко

наверняка потребует выдержки и хладнокровия. Откуда всему этому взяться? Я должен был собраться и хотя бы наметить линию поведения при различных возможных поворотах беседы. Не получалось. Слишком много впечатлений, и в голове был полнейший хаос. Мысли сталкивались между собой, высекали искры, ничего нельзя было додумать до конца. Одновременно, перебивая друг друга, возникало несколько тем.

И первая – само собой, Иванченко. Я все-таки ощущал вину перед ним, не такой уж даже в образе «другого человека» я черствый и бессовестный. Но это чувство ослаблялось временной пропиской и тем, что он не платил мне до последнего месяца деньги, которые обещал. А главным противовесом неожиданно для меня оказалась Людочка. Хотя уж в этом-то Иванченко точно передо мной не виноват – когда моя подружка, как говорит Лариса Михайловна, вешалась ему на шею, никто на заводе даже не подозревал о моем существовании. Но объективности в таком вопросе глупо требовать от человека. Я и не требовал.

Я пытался представить себе наш разговор. В чем практически не сомневался – наконец Иванченко даст себе волю и сможет покрыть меня своим интеллигентным по форме, но многоэтажным по содержанию матом. Он так долго сдерживался!

Чего еще можно ожидать? Угрозы уволить за несоответствие, за прогулы, за воровство или убийство? Тут важно получить расписку, что я прежде подал заявление об увольнении. То есть до Иванченко нужно зайти к Ларисе Михайловне. Хорошо иметь знакомство в верхах! Но главное выдержка. Быть вежливым и не скатываться до скандала.

А кстати о Людочке... Точнее, о требовании быть как можно скорее многосемейным. Минимум три человека! Где их взять? Людочка на эту роль и раньше не подходила, а теперь тем более. Вроде бы все у них с Иванченко происходило до меня, а кто из нас безгрешен? Во всяком случае, не я. Но все-таки, это был человек, с которым мы встречались каждый божий день. И который наверняка видя меня ухмылялся... Во всяком случае, мог ухмыляться... Интересно, как давно у них это закончилось? Задолго до меня? А почему я уверен, что кончилось?.. Может и сейчас в его власти затребовать Людочку к себе?.. Кажется, я всерьез разъярился, что было вполне объяснимо, но – признаюсь – не очень справедливо...

Размышления о Людочке прерывались мечтами о новой квартире, смешанными с неуверенностью. СКБ вместе с заводом УГШО производило впечатление чего-то зыбкого, нестабильного. Зато цель была великолепной! А кто не рискует, тот шампанского не пьет! Я раньше даже в мыслях не представлял себе, что могу стать владельцем такого дворца. А если еще добавить очаровательную жену и белокурого сынишку... Интересно, почему белокурого? Я вроде бы шатен?

Все это может стать реальностью – я тогда впервые понял, что значит быть не просто полунищим инженеришкой, а хотя бы в теории владельцем приличного оклада и отличной квартиры. А потом – при наших двух зарплатах! – и автомобиля. Я почти завидный жених, черт побери! Найдем подругу, во всяком случае, теперь это будет сделать намного легче, чем у бабки в её развалюхе. Как видите, я стал рассуждать практично. В то время (представьте себе!) многие еще не понимали того, что сейчас ясно любому дураку: материальная обеспеченность мужчины в глазах женщины делает его намного красивее, умнее и привлекательнее, а возраст вообще перестает играть какую-либо роль. Я вас заинтригую, и не буду пока рассказывать, справедливыми ли в дальнейшем оказались эти мои явно приземленные и даже циничные (опять-таки для того времени) предположения. Сейчас они разумные и очевидные.

Но общим фоном для всех этих мыслей и чувств все-таки была тревога. Меня стала всерьез беспокоить тенденция, которая постепенно становилась образом жизни. Я по

этому поводу уже вздыхал, но краски сгущались. За десять лет после окончания института я менял пятую работу. Третий город! Я фактически нигде не успевал прижиться, стать по настоящему своим, а труба уже звала в дорогу. Все больше я убеждался, что не только внешние обстоятельства были тому причиной. Вот и сейчас на новое место работы я не смотрел, как на что-то постоянное. Я должен был получить квартиру, дальше этого мои планы не заходили. И, между прочим, новых настоящих друзей тоже не заводил. Это хорошо, что старая верная дружба со школы была по-прежнему прочной, но ведь жизнь идет. А у меня – думал я – события и люди, как верстовые столбы из окна идущего поезда – проходят мимо и исчезают, растворяются где-то сзади.

Я приехал на станкозавод около трех часов, сразу же зашел к Ларисе Михайловне и зарегистрировал заявление об увольнении. Пока она преодолевала свое удивление, я пообещал позже все объяснить и... исчез. Не мешкая, отправился к Иванченко. В это время обычно он был относительно свободен, и я мог надеяться, что разговор не будет прерываться каждую минуту каким-нибудь незваным посетителем. Надя, секретарша Иванченко, молодая, но достаточно некрасивая, чтобы не подавать повода для сплетен – не лишняя предосторожность - предупредила, что меня «уже искали».

Я зашел в кабинет, поздоровался и привычно занял место под мышкой у Т-образного стола. Иванченко выглядел не очень приветливо, и перед ним лежал лист, с четкой надписью сверху «Докладная записка». Наверняка донос Гольдштейна, я узнал его графический почти печатный почерк. Нужно было опередить надвигающийся скандал, и я без слов положил перед Иванченко заявление об увольнении. Он молча его прочитал.

В этот момент в дверях появилась секретарь Надя.

- Вам просили передать...

- Надежда, - перебил ее Иванченко, - я тебя попрошу посидеть на своем месте, в виде исключения, минут двадцать, никуда не убежать и никого к нам не пускать.

Надя испарилась, а я замер в ожидании скандала.

Наступила пауза.

Кроме уже описанных мною привычек Иванченко, была еще одна, в принципе положительная. Он никогда с ходу, с кондачка не принимал решений, даже не очень сложных. В таких случаях он обычно отключался на какое время – продолжительность паузы зависела от важности решения. И соблюдался определенный ритуал: Иванченко начинал негромко бухтеть какую-то мелодию. Надя называла этот процесс кугыканьем, потому что источником звуков был нос. Пальцами он легонько отбивал такт по столу. Взгляд задумчиво устремлял в пространство поверх голов присутствующих. Когда я увидел эту процедуру первый раз, было немного смешно, потом привык. На заводе знали эту его, скажем, странность и затихали на время кугыканья. Замолкали даже самые буйные. Все-таки его уважали.

Я понял, что Иванченко собирается принимать решение. Он закугыл какую-то мелодию, знакомую, но узнать её я и не пытался - мне было не до напевов. Я ждал мата. Музыкальный момент длился минуты две. Потом Иванченко взглянул на меня и сказал:

- Прощание славянки.

Я опешил. Это антисемитский выпад? На него не похоже, в этом смысле он был вне подозрений. Я уже готов был сорваться, но тут Иванченко снова закугыл. Господи, просто он исполнял марш «Прощание славянки», возможно по бессознательной аналогии с текущим моментом... Я еще раз пообещал себе сохранять интеллигентность при любых раскатах грома.

Так прошло еще пару минут, напряжение нарастало – во всяком случае для меня.

Наконец Иванченко перестал музицировать и посмотрел на меня.

- Знаешь Борис, что я тебе скажу...

Вот так поворот! Он всегда был со мной очень корректен, на вы и по имени отчеству. Тыканье было удивительней ожидаемого мата. Я опять почувствовал желание взвиться и ответить ему как-то вроде - «да, Дима, что ты мне скажешь?». На равных. Но стерпел. И, как оказалось, поступил разумно.

- Знаешь Борис, что я тебе скажу... Я согласен. Наверно это будет правильно. Я и сам так думаю.

Я опешил, воистину этот Иванченко непредсказуем. Я готовился к другому...

Но что удивительно, вместо облегчения почувствовал себя задетым. Впрочем, почему удивительно? Вполне естественное человеческое чувство. Нежели я не заслуживаю того, чтобы хотя бы попытаться меня задержать? Ну на худой конец не испытывать такого явного облегчения, от того, что я ухожу? Самолюбие мое получило болезненный щелчок по носу. Наверно скрыть обиду мне не удалось, потому что Иванченко заторопился:

- Знаешь Борис, что я тебе скажу... Пойми меня правильно. Ты все хорошо сделал, отлично. Не придерешься. Но разработать и освоить станок мы не сможем. И ты не сможешь. Тебе не с кем работать. Там только нового литья горы, начиная со станины, а у нас нет человека, который может чертить литье. Даже Мекк не может. От трудолюбивый, но только на подхвате. Бегунок.

- А почему вы раньше...

- Я думал, что опытный конструктор Мария Ефимовна... Но она уволилась... И знаешь Борис, что я тебе скажу? Дело не только в этом. Никому это не надо. И нам не надо. Завод пять лет будет лихорадить. Какие корабли нас ждут? Так и будут, как сейчас, отдавать станки колхозам по цене металлолома...

Конечно, он был прав, просто я об этом никогда не задумывался, потому что не собирался оставаться на заводе и совершать все эти трудовые подвиги.

- А так ты увольняешься, и даже начальнику Главка, уж на что он ... - Иванченко для демонстрации постучал по столу, они были на ножах, - станет ясно, что мы это делать не можем. Пусть проект отдают, кому хотят. Есть для этого специальные бюро. А пока завод будет будущие чертежи согласовывать на всех этапах и торговаться, еще десять лет пройдет.

Я вспомнил Жанат.

- Но главк поставил условие...

Иванченко беспечно махнул рукой.

- Я сам уйду. Десять лет пашу, завод у меня уже вот здесь, - он провел ребром ладони по горлу. - Мне предлагают кабинет, - и он многозначительно указал пальцем вверх. - Я тебе, Борис, вот что скажу. Кабинет - это самое лучшее будущее для каждого. Самое доходное и надежное.

Он был не только толковым Главным инженером, но и провидцем. Сейчас в его прогнозе уже никто не сомневается. Кабинет и чиновник в нем - что может быть заманчивей?

Мы договорились, что я увольняюсь тридцатого апреля. А за этот почти месяц нужно было оформить серьезный и хорошо обоснованный отказ от проектирования нового станка. Помните «Письмо с отказом» в «Двух капитанах» Каверина? Составить его должны были мы с Ниной Чижевской и главным технологом завода, которого вы не

знаете, а я уже не помню. Иванченко сказал, что нужно подключить к этой работе и Гольдштейна.

- Зачем нам Гольдштейн?

- У него почерк хороший.

- Ну, разве что...

Затем мы с Иванченко должны были поехать вместе в Москву, подать официально в главк «Письмо с отказом», а в качестве приложения к нему два заявления об увольнении – Главного инженера и мое. Все это мы выполнили в намеченные сроки. В Москве Иванченко сразу же пошел к начальнику главка – я был в роли эскорта – и лично вручил ему этот пакет. Таким довольным я своего босса еще не видел. Его противник явно растерялся и был посрамлен.

Мне кажется, что у закаленного и бывалого производственника тем не менее была такая же слабость, как у меня. Он тоже долго не мог решиться оставить насиженное место, и тоже подгонял внешние обстоятельства таким образом, чтобы положение стало безвыходным. Эта общность характера – возможно кажущаяся – окончательно примирила меня с Иванченко. Я ему простил временную прописку, высокомерное похлопывание по плечу в Москве при сдаче технического задания (помните?), запоздалую добавку к зарплате... и даже Людочку.

А смогу ли я его простить Людочке? – на этот вопрос у меня ответа пока не было.

На этом моя трудовая деятельность на заводе комбинированных станков благополучно закончилась. Нужно признать, это прошло почти незамеченным. И не удивительно – я работал один, ни с кем кроме Нины Чижевской и забытого мною Главного технолога по работе не сталкивался. Конечно, было довольно неприятно, но на этот раз я для завода оказался верстовым столбом, который промелькнул, не оставив воспоминаний...

Огорчилась только Анна Ванна. А Нина Чижевская, когда я ей сообщил о переменах в моей судьбе, а заодно и о надеждах, тоже вроде бы немного расстроилась. Потом в голове у нее щелкнул компьютер, и она рассудительно сказала:

- Если не будет нового станка, то тебе на заводе делать нечего. И перспектив никаких. Все правильно.

Но было два человека, которые обрадовались моему увольнению. Первый из них – само собой – Гольдштейн. Правда, я и на этот раз не остался у него в долгу. Мне удалось соблазнить высоким окладом и чистой работой Сашу Мекка. Я уговорил его пойти моим заместителем на завод УГШО, остановка была только за решением Сан Саныча. Саша не любил работу в цехах и боялся рационализаторов – он никогда не знал, можно ли что-то изменять в станке. Словом, это был трудолюбивый и добросовестный конструктор-бюрократ, а значит, он подходил для работы в отделе нормоконтроля и стандартизации как нельзя больше. Я по своим наклонностям, характеру и природным данным был этой работе противопоказан. Поэтому с дьявольской – льстил я себе - предусмотрительностью подобрал человека, который с удовольствием будет за меня пахать. Ну, в крайнем случае, подстраховывать меня в периоды неизбежных приступов скуки и лени, с которыми я – вы это помните – всегда плохо справлялся. Очень долго этот обдуманый выбор себя оправдывал.

Итак, первым человеком, который радовался моему увольнению, был Гольдштейн. А вторым, точнее второй к моему удивлению оказалась Людочка. Она явно испытывала большое облегчение, и скрыть его непосредственной девочке при всем старании не удавалось. Лицо расплывалось в счастливой улыбке. Но удивлялся я не долго, и вскоре

сообразил, в чем дело. Бедная Людочка все время находилась под прессом возможного разоблачения её шашней с Иванченко. Чем я дальше от завода, тем меньше – надеялась она – шансов, что кто-то откроет мне глаза на её не совсем благопристойное прошлое. Она догадывалась, что мне её связь с Иванченко переварить будет не просто.

После возвращения из Москвы я еще недели полторы – до конца апреля – числился на работе, хотя делать там решительно было нечего. Но отдых, даже кратковременный, я себе позволить не мог – положенные мне отпускные должны были пойти на покупку нового костюма. Моя экипировка определенно оставляла желать лучшего, а начальник отдела солидного СКБ не должен был выглядеть как конструктор первой категории убогого завода.

Я изнывал от безделья, слоняясь по заводу. С утра, пока у Анны Ванны не было кумушек, сидел в месткоме, общался. Но максимум через час уже появлялась первая клиентка, у которой накопилось... Со мной они не очень церемонились. Брали стул, усаживались рядом. Приходилось уходить в никуда. В конструкторском отделе под бурявающим и торжествующим взглядом Гольдштейна было невыносимо.

А на прогулы я не решался – дело в том, что на заводе «власть переменилась». Пришел приказ об увольнении Иванченко, и на его место был назначен начальник производства Хвалов, признанный ухажер Нины Чижевской. Даже не исполняющим обязанности, как обычно в подобных случаях принято, а окончательно и решительно «на должность Главного инженера». Это был запоздалый укус начальника главка, который демонстрировал, что незаменимых нет. И хотя на заводе всех огорчало увольнение Иванченко – к нему относились с уважением – но зато сознавали и очевидные плюсы смены власти. Ожидание неприятностей, неизбежно связанных с переходом на новое изделие, беспокоило всех без исключения. Энтузиастов я не видел. Как раз в это время прочитал «Битву в пути» Галины Николаевой, но в действительности ничего даже отдаленно похожего не было. Наш народ любит стабильность намного больше прогресса, так было и в те времена. Да и сейчас мы видим очередной виток этой всенародной любви, особенно в России.

Для начала новому Главному должны были дать время освоиться, поэтому из планов новой техники станок временно убрали, а «временно» при советской власти было понятием резиновым. Словом, завод отделался легким испугом, и спокойно мог продолжать третий десяток лет выпускать допотопное и ободранное до неприличия рационализаторами изделие. Кого-то это удивляет?

Новый Главный инженер ко мне относился плохо, поэтому приходилось быть очень осторожным, и с территории завода я до конца дня даже не выглядывал. К Нине тоже в отдел не заходил, тем более что она теперь почти все время сидела у Хвалова, и они составляли новые планы. Совещания у нового Главного инженера проходили непрерывно.

На заводе народ, особенно женская его часть, был уверен, что теперь Чижевская за Хвалова выйдет. Как-то я стоял в очереди в столовой, и одна очень ехидная и несимпатичная конструкторша, которую Людочка иначе как змеей не называла, громко сказала:

- Смотри, главная инженерша уже обедает наверху, не с нами, убогими.

Я оглянулся и увидел, что Нина действительно пошла по лестнице на второй этаж, где был уютный кабинет для начальства. Говорили, что там вкусно кормят, я сам лично ни разу не устаивался. Да и Нина раньше тоже обедала в общей столовой. Кажется, народ как всегда прав, и «наш сброд» вскоре должен потерять одного из своих членов. Самого молодого. Нина наверняка переедет в город к Хвалову, да и он вряд ли разрешит

ей общаться с нами. Судя по ироничным замечаниям Ларисы Михайловны, он давно был настроен против «нашего сброда».

Кстати, тот же народ утверждал, что они отличная пара. Хвалову на заводе симпатизировали, опять-таки особенно женская половина. Считалось, что он очень перспективный жених, а сейчас эта перспектива превратилась в реальность. Да и внешне – считалось – он был интересным и представительным мужчиной, еще довольно молодым. Было ему чуть больше сорока лет, для такой должности совсем немного.

Хочу признаться заранее – с моим мнением о Хвалове можно не считаться, оно скорей всего не объективно. Дело в том, что я его не любил, а антипатия способна исказить любую реальность. Оправдание у меня только одно, правда, детское оправдание – «он первый начал».

Действительно, я сначала к нему относился довольно прилично, человек как человек, не хуже других. Но потом мне от Саши Мекка стали поступать некорректные – и это еще мягко сказано – реплики Хвалова в мой адрес. Саша с ним регулярно обсуждал поступающие рационализаторские предложения, так было на заводе заведено, и при этом часто ссылался на мое мнение. В ответ он слышал, что «мнение этого сраного интеллигента меня не интересует», или «никто этого говнюка не спрашивает» и так далее. А далее было еще крепче. Можно эти высказывания назвать корректными?

Саша Мекк со свойственной ему педантичностью добросовестно время от времени доносил мне новые перлы. Я удивлялся – откуда у этого флегматика Хвалова такой энтузиазм? Может я его недооценивал? И даже было решил, что Хвалов сдуру ревнует меня к Нине Чижевской. Однажды специально зашел к ней в отдел, чтобы сказать об этом.

- Слушай, уйми своего жениха. Чего он на меня взелся? Курам на смех. Скажи что я ему не конкурент.

Нина спокойно пожала плечами.

- Я говорила.

- Ну?

На этот раз она развела руками.

- Как видишь.

- Ну?

- Наверно дело не в этом. Просто антипатия.

Короче, я его тоже невзлюбил. Я, как вы уже заметили, далеко не святой. Поэтому мое мнение о Хвалове отличалось от общего.

Демонстрирую.

Он был довольно высокий, выше меня, шире в плечах и – добавлю от себя – особенно в тазу. В бедрах. Крупный мужчина, с сильными руками, борцовской внешности – хотя спортом не занимался, просто такая порода. Мне он казался немного рыхлым, но я вас уже предупреждал насчет объективности... Считалось, что у него ровный и спокойный характер, хотя, на мой взгляд, он был просто-напросто флегматичным – не могу не добавить ложку дегтя... Лицо, нужно признать, довольно интересное, правильные добродушные черты, черные волосы с сединой. Эффектно. Но с удовольствием отмечаю, что нос на этом лице был маловат для общей конструкции, да еще туфелькой, с вмятиной на переносице. И еще добавлю – опять-таки от себя – мне Хвалов казался простоватым.

Да, чуть не забыл, было у него положительное качество, которое время от времени переходило в отрицательное – он к огорчению начальников цехов был малопьющим и это дело не любил. Хотя положение обязывало. Наверно его организм плохо воспринимал спиртное. Поэтому он не всегда замечал границу, которую ему переходить не следовало бы, и мог из-за смешного – по мнению собутыльников - количества спиртного

неожиданно для всех «набраться». Даже при мне было пару случаев, когда его вечером старались тактично отгрузить домой из кабинета на втором этаже в столовой, где иногда проходили внеочередные «планерки» начальства. Дело - напоминаю – было в Союзе конца шестидесятых со всеми отличительными особенностями этих лет.

Но, возвращаясь к Хвалову, если я сделаю над собой усилие, то признаю, что в сумме он все-таки был человеком неглупым и на общем фоне вполне мог котироваться. А обожание, с которым он смотрел на Нину Чижевскую, меня с ним время от времени примиряло. Нина намучилась и заслуживала покоя...

Однажды утром на «приеме» в местком у Анны Ванны я завел с ней об этом разговор. Сказал, что удивляюсь, почему Нина до сих пор за своего ухажера не вышла. Они встречаются уже два года – немалый срок, можно присмотреться друг к другу.

В ответ Анна Ванна только вздохнула. Она очень беспокоилась за Нину, относилась к ней с особой теплотой, я об этом уже говорил. Как-то я в один из субботних загулов подшофе не слишком удачно сострил:

- Мне иногда кажется, что Нина ваша внебрачная дочь.

И осекся, ожидая заслуженного осуждения. Но в ответ было спокойное:

- Почему внебрачная?

Словом, отношение Анны Ванны к Нине Чижевской было почти родственным. Она-то уж точно должна была знать, почему этот брак пока еще не состоялся. Поэтому, не получив ответа на свой вопрос, я продолжил:

- Все ваши кумушки говорят, что они идеальная пара.

- Идеальных пар не бывает. Говорю тебе на основании своего опыта... - Она немножко подумала и добавила, - ...в животноводстве.

Это можно было считать шуткой. Я так и посчитал. Впрочем, она любила ссылаться на свой опыт, и не всегда можно было понять, какой конкретно она имеет в виду - профсоюзный или животноводческий. По-моему она считала, что один от другого не далеко ушел.

Опять молчание. Я понял, что Анна Ванна не хочет продолжать эту тему, но проявил настойчивость и постепенно её разговорил. В конце концов, меня тоже интересовала судьба одного из «нашего сброда». Все-таки не посторонний для меня человек.

Анна Ванна к «жениху» относилась неплохо, хотя не так восторженно, как большинство кумушек.

- Мужик он не плохой. Хотя говорить, что они на сто процентов подходят друг другу, я не стала бы. Но в жизни такое очень редко бывает. А ждать пока явится принц с алыми парусами, - она любила работать под «деревню» - дело гиблое. Принц у неё уже был.

Постепенно Анна Ванна увлеклась, престала следить за своей простонародностью и нормальным человеческим языком описала мне не слишком простую ситуацию.

Хвалов был единственным сыном шишки местного разлива, бывшим военкомом какого-то района, полковником в отставке. Этот полковник в свое время «сообразил» для себя и для сына две трехкомнатные квартиры на одной лестничной площадке. Очень удобно – вместе и порознь одновременно. Сам Хвалов-сын, еще работая мастером цеха на станкозаводе, женился на симпатичной миниатюрной кореянке. Азиатки - по мнению не лишенной в некоторой степени российского высокомерия Анны Ванны - часто бывают сексуально раскрепощенными, она употребила другое определение, более сочное, а может и более точное. У них ментальность иная. Короче, когда их дочери было лет пять, Хвалов застукал жену на горячем. Чуть не убил!

- Кто чуть не убил? Этот...- я хотел сказать флегматик, но заменил более нейтральным, - такой спокойный, как все говорят, человек?

- Когда спокойный взрывается, это по контрасту еще страшнее. Говорю тебе на основании своего опыта.

Словом, Хваловы разошлись. Дочка стала центром распавшейся семьи. Жила она практически на два дома, и постепенно научилась этим пользоваться. Что не по ней – сразу же угрожала уйти. Больше жила у отца – там богаче, условия лучше. Но зато там требовали дисциплины, чистоты, порядка. Отличной учебы. А у матери была небольшая квартирка, две комнаты. Бабушка-корейка и мама ничего от неё, да и от себя тоже не требовали, нравы были куда более свободными. И в смысле чистоты и опрятности в этой квартире все было очень далеко от идеала, пожалуй, ближе к бардаку. В глазах девочки в каждом варианте была своя прелесть.

- Откуда вы все это знаете?

- Не от Нины. Она кремень. Кое-что на заводе знают все. А кое-что – представь себе - от Хвалова. В прошлом году мы с ним и его дочкой были в одном санатории.

В свои двенадцать лет девочка – по мнению Анны Ванны - была форменной эгоисткой. Пуп земли. Но хуже всего то, что она третировала Нининою Андрюшку. Иначе как пужан его не называла. Отец управы на неё найти не может. Жаловался, чуть не плакал. Спокойствие у него есть, а характера не хватает.

- А Нина? Не пробовала найти с ней контакт?

- Пробовала. Не получилось. Ты знаешь, наша Нина после того, что ей досталось, стала ...ну... немного...неэмоциональной. Ты бы видел её, когда они с мужем приехали из Ленинграда. Она тогда такой... ну...сухой не была.

Анна Ванна подумала, потом нехотя добавила:

- Разве что чуть-чуть...

- А вернуться в Ленинград она не может?

- В Колпино, она из Колпино. Там мама с отчимом и одна комната...

- Ясно, - я вспомнил свой шкаф.

До выводов мы не дошли. В это время ввалилась очередная клиентка, уселась вплотную ко мне и стала громко дышать прямо в ухо. Я позорно бежал.

Разговор с Анной Ванной произвел на меня тяжелое впечатление. Очень жаль было Нину. Если задуматься – а мы такой привычки не имели – то это все ужасно. Получает денег она столько же, сколько я. Мне одному на эти деньги снимать квартиру и жить... вроде бы возможно, ведь я не умираю с голоду. Просто это жизнью назвать нельзя. А их двое. Ни о каких алиментах и говорить нечего, хорошо, что с неё не берут на больного мужа. Конечно шутка, но не так уж она далека от правды. Как мы привыкли не ужасаться тому, что страшно! Женщина с ребенком, еще молодая и к тому же на выданье. Как она выживает? И еще доплачивает хозяйке, чтобы та присматривала за сыном. Хорошо, что Андрюшку удалось устроить в садик, но этой осенью он должен пойти в школу...

Нина всегда такая чистенькая, аккуратная, загляденье; почти не заметно, что её очень даже небогатый гардероб далеко не первой молодости. И Андрюшка ухоженный. Скольких нечеловеческих усилий это должно стоить! И добавьте – никакой подстраховки, болезнь, травма, да мало ли что может обрушиться на мини семью, живущую на пределе возможностей, без всякого запаса!

Меня возмущает, когда говорят, что у нас в то время была уверенность в завтрашнем дне. Мы были уверены только в одном – завтра тоже не станет лучше. А почему не боялись? Потому что сознательно и подсознательно понимали – в сущности

хуже некуда. Жили от зарплаты до аванса, потом от аванса до зарплаты, на минимуме, а иногда и ниже. Могло утешать только то, что все вокруг так жили.

Но одной с ребенком – это за гранью возможного. И перспектив никаких. На получение квартиры надежды нет, на приличную зарплату тоже. Бегать с места на место в поисках шансов (не в обиду мне будь сказано) женщина с ребенком позволить себе не может. Здесь, на заводе у неё хотя бы есть стабильность и вполне заслуженное уважение. Но уважением сыт не будешь...

Словом, жизнь толкала её – хочешь не хочешь, а выходи замуж хоть за черта рогатого. Все-таки не так опасно будет. Две зарплаты, если один заболит, другой подстрахует... И на этом все! Экономические расчеты и планы на светлое будущее на этом заканчивались. Я, заметьте, не говорю о чувствах. В таком возрасте и таком положении, как правило, не оставалось ни сил, ни времени на поиски любви, большой и светлой. Двойная зарплата и взаимовыручка, это тоже немало! Тогда еще не было принято искать богатого мужа, за счет которого можно жить припеваючи. Кандидаты были только среди небожителей, то есть номенклатуры, людей из другого мира. Их было не слишком много, и они держались особняком. Нине вроде бы повезло, Хвалов перебрался если еще не в космос, то во всяком случае на орбиту. И на тебе... Все не слава богу... Жаль, очень жаль. Интересно, как она поступит? Сложные условия... Своенравная падчерица, обожающие внучку полковник с полковницей на этой же лестничной площадке, слабохарактерный Хвалов. Что-то из серии трагедий Островского. Вполне может разразиться «Гроза».

Погруженный в эти невеселые мысли, я бесцельно бродил по заводу из конца в конец, изо всех сил стараясь не выглядеть праздношатающимся бездельником. Это было моим постоянным занятием последние несколько дней. Заглядывал в цеха, смотрел там иногда на что-нибудь с глубокомысленным видом. Абсолютное безделье хорошо в постели, под одеялом, переходящее в сладкий сон. Даже сидя безделье уже утомляет, если совсем ничем не заниматься и просто смотреть в пустоту. Поэтому перенести два-три часа сидя в автобусе так непросто. Но целый рабочий день, когда абсолютно нечего делать и некуда приткнуться – это адский труд. Пытка. Время растягивается до бесконечности. В таких случаях женщины обсуждают покупки, примеряют их в туалете, осуждают знакомых и даже незнакомых. Я этим не занимался. Мужчины курят – я не курил, обсуждают футбол – я болельщиком не был. Кроме всего прочего у меня – я на это уже жаловался – не с кем было поговорить на любые темы, даже «о бабах». Я до сих пор помню эту бесконечную неделю. Возвращался домой измученный, усталый, как выжатый лимон и такого же цвета. Иногда мне в голову приходила ужасная мысль – может это мне свыше послана тренировка перед моими новыми нормоконтрольными трудами, о которых я без отвращения думать не мог. Если я не смогу себя заставить заниматься всей этой ерундой – а такое вполне возможно, я себя за тридцать три года уже успел изучить – то меня ожидает...

Я гнал от себя эти предчувствия, а вместо них старался представить себе прекрасную квартиру, абстрактную жену и белокурого парнишку. Снова почему-то белокурого... Но я-то почти брюнет! Посмотрел на свое отражение в каком-то окне – во всяком случае, далеко не блондин.

В мутноватом отражении не слишком чистого окна я увидел, что кто-то ко мне сзади подходит. Обернулся – блондинка Людочка. Красивые у неё волосы, светлые, пышные, ничего не скажешь. Но отношения к моему белокурому парнишке она иметь не может. Я даже успел злопыхательски подумать, что скорее этот парнишка мог бы быть альбиносом, учитывая её похождения... Но тут же одернул себя, злобствовать некрасиво.

- Тебя теперь повидать целая проблема. В бюро ты не заходишь...

Голос её звенел от напряжения. Но это была не злость – Людочка злиться не умела. Это была обида и растерянность. Я постарался успокоить её...

- Ты же знаешь в отдел я прийти не могу. Я тебе говорил. Боюсь, что у кого-нибудь из нас инфаркт будет. У меня или у Гольдштейна...

Мы поговорили несколько минут на общие темы. Долго общаться при всем честном народе не стоило. Договорились через день встретиться. Я обещал перезвонить. С тем и разошлись.

По поводу Людочки я ни к каким решениям пока не пришел. Официально. Однако явочным порядком незаметно для себя – но не для неё – старался не то чтобы избегать, скорее не попадаться ей на глаза. Нужно признать, трусливая политика, Людочка тоже является одной из причин, которые делают неприятными воспоминания о моем Республиканском периоде.

Мы с ней за последний месяц два-три раза встречались в городе (несмотря на мою якобы колоссальную занятость на работе и усталость). Новая ситуация привела к изменению в наших отношениях. Эти изменения происходили в прямо противоположных направлениях. Я уже вам сообщал, что наши с Людочкой чувства можно было скорее назвать симпатией, до страсти дело не доходило. И мы оба это отлично осознавали. Такая ситуация обоим устраивала. Она не была полностью уверена, что хочет перестать ждать жениха – ей нравился этот официальный статус, - а я сомневался в том, что Людочка подходит на роль спутницы жизни.

Но увы, всем известно, что у женщин, даже молоденьких, очень развита интуиция, круто замешанная на духе противоречия. Да, то самое «чем меньше женщину мы любим...» и далее по тексту. Людочка определенно заметила мое охлаждение, хотя и не знала истинных его причин. И за месяц эти неподтвержденные сомнения (неопределенность тоже отличный катализатор) из искры (а искра все-таки была) стали раздувать пламя.

Она была очень непосредственным человеком, и совершенно не умела скрывать свои мысли и чувства. Мне даже показалось, что она стала меня ревновать и подозревать в измене. Для меня её внезапно пробудившийся темперамент был совершенно неожиданным. Мы действительно до этого проводили время «так хорошо и весело», и вдруг прямо на глазах Людочка стала превращаться в показательный образец влюбленной и даже страстной молодой женщины. На свиданиях в городе она все время прижималась ко мне, держалась за руку – раньше такое редко случалось. Поцелуи на прощание перестали носить формальный характер и затягивались надолго. Однажды она даже предложила – сама предложила! – пойти в филармонию на пятую симфонию Шостаковича, это был поистине жертвенный поступок.

Но вот еще более серьезный показатель. Раньше она, в общем-то, не очень охотно шла ко мне на квартиру «в гости», а сейчас при каждом разговоре сама предлагала: «Давай я приеду к тебе. Давно не была. Пора сажать редиску и лук, поздно будет». Редиска! Раньше редиска её мало интересовала...

Я выкручивался, как мог. Даже придумал нашествие тараканов на бабкину квартиру. Я знал, что тараканов Людочка боится так, как в фильмах женщины боятся мышей. Даже для большей достоверности при ней купил тараканью отраву. На какое-то время помогло.

Между прочим, соврал я не на все сто процентов, тараканы действительно иногда в квартире пробегали, так что отравка пришлась кстати. Бабка мне была благодарна. Она

почти так же как Людочка люто их ненавидела. И вообще была чистоплотна, насколько это было возможно в старом высохшем доме и при старом высохшем теле.

Так что когда я назначал свидания в городе, совесть меня почти не мучила. На нейтральной территории нам все-таки было неплохо. Без особых проблем и комплексов. Но поехать с ней домой... Нет, заставить себя пойти на это я не мог. Понимал, что глупо, в конце концов, у Людочки был жених, и наверно еще кто-нибудь кроме жениха. Почему же я заикнулся на Иванченко? Не знаю. Это уже было из области психологии. Но преодолеть эту психологию я не мог.

Но нужно признать, что не только её флирт – назовем это так – с Иванченко был причиной охлаждения. Нет, в этом участвовали и более прозаические мотивы. Встречи с моей молодой подругой отвлекали меня от поисков пока ещё абстрактной жены с моим белокурым и естественно еще более абстрактным сынишкой. А я прекрасно помнил, как Людочка совсем недавно ужасно перепугалась, когда я рассказал о возможной новой работе и необходимости иметь жену и ребенка для получения квартиры. Но сейчас она уже знает, что все это стало реальностью. Откуда такой пыл? Я не мог понять, что творится в её симпатичной белокурой головке. Боюсь, она и сама этого не понимала.

И все-таки по зрелом – так мне казалось – размышлении я вполне официально для себя решил, что мой приятный и непродолжительный роман с Людочкой должен прийти к неизбежному концу. И чем раньше, тем лучше, уж слишком она стала разогреваться. Но как сделать так, чтобы причинить ей как можно меньше боли? Да, я думал об этом, и не стоит так иронически улыбаться. Я пишу об этом не для того, чтобы улучшить в ваших глазах мой моральный облик. Просто так и было. А насчет облика – вы и сами видите, что я не очень ретуширую свои недостатки.

Было три варианта прекращения отношений. Самый эффективный, но бесчеловечный – сказать, что я знаю о её отношениях с Иванченко. В этом случае я вроде бы буду не виноват в разрыве, но все остальное выглядело просто подлостью, и я это сознавал. В гневе, под влиянием вспышки ревности можно устроить по этой причине скандал. Но из хладнокровного расчета так унижить человека, от которого я ничего кроме хорошего не видел – нет, даже для «другого человека» это было слишком.

Еще одна возможность – напомнить, что мне теперь нужна не только жена, но и ребенок, иначе вся затея с переходом на новое место будет бессмысленна. А я, мол, понимаю, что она молода и еще не созрела для такого шага. Напомнить, как она испугалась совсем недавно. Этот вариант был бы щадящим для обоих, вроде никто не виноват, так судьба распорядилась. Что меня смущало – в таком случае оставалась совершенно малореальная, мизерная, но все-таки опасность. Я уже говорил, что не мог понять, что творилось у Людочки в голове, мало того, боялся, что и она этого не понимала. А вдруг она... Кто этих женщин разберет...

Я остановился на третьем и наиболее распространенном в жизни варианте. Назывался он «с глаз долой из сердца вон». Я перехожу на другую работу, буду занят, промежутки между свиданиями станут все длиннее и длиннее, глядишь, постепенно само рассосется. Но не исключаю, что при принятии этого решения в глубине сознания была еще одна пошлая мыслишка – мало ли как обернется поиск новой подруги, может не стоит так уж решительно рвать связи со старой? В конце концов, к Людочке я относился хорошо. Ну, пережил бы Иванченко. В сущности на сегодняшний день было у нас ней две проблемы, правда серьезные, но всего две. Она не горела желанием осчастливить меня браком, а я... мне было с ней скучновато. Наверно большая разница в возрасте, другое прошлое. Собственно говоря, все другое. А я уже тогда догадывался, что можно жить с

человеком не пылая страстью, но если в общей квартире нет общих тем для разговора, то это еще хуже нестиранного белья...

Впрочем, я забегаю вперед. Судьба не очень посчиталась с моим решением, сделала все по-своему. Она постаралась упростить задачу, но с последующим её усложнением.

2.15 Двадцать восьмое апреля.

Всему – говорят – приходит конец. Пришел он и моим мытарствам на станкозаводе. Тоскливое времяпрепровождение последних почти двух недель – наверно для компенсации – закончилось разнообразнейшими событиями 28 апреля, в день моего официального увольнения. Событиями, которые мне так подробно запомнились, что я решил посвятить им целую главу.

В 1967 году население страны получило неоценимый подарок – праздничные дни первого и второго мая были понедельником и вторником. Перед ними были выходные - суббота и воскресенье. Четыре дня отдыха позволяли пить-гулять вволю, а что еще нужно для полного счастья простому советскому человеку? Добавьте к этому еще двадцать восьмое апреля, пятницу, в этот день на предприятиях бурно отмечали надвигающийся праздник - запреты на гулянки в организациях появились позже. Поэтому с утра уже никто не работал – ходили за продуктами и само собой за выпивкой, накрывали столы, причёсывались, делали макияж (тогда еще этого слова не знали, а сам процесс был освоен).

Мы «со сбродом» встретили праздник авансом, в четверг. Очень тепло, душевно посидели. Я объяснил, наконец, Ларисе Михайловне, что со мной произошло. На её опасения ответил, что еще самое меньшее года полтора буду жить у бабки.

- А вот с одним нашим членом мы, кажется, расстанемся.

И я вопросительно посмотрел на Нину Чижевскую. Конечно, было уже прилично выпито ради праздника, но я не только поэтому нарушил иммунитет, которым она пользовалась в нашей компании. В конце концов, мы её друзья, мы хотим знать, как она планирует свою жизнь.

Все притихли и с интересом ожидали ответа. Нина на этот раз изменила своему правилу точно и четко все определять. Она ответила уклончиво:

- Не исключено.

Конечно, это был не ответ, но иммунитет Чижевской не позволял продолжать расспросы. Только я, возмутитель спокойствия, решился на заезженную остроту.

- Понятно. Если женщина говорит нет, то это означает «может быть», а если женщина говорить «может быть», то есть «не исключено», то это значит «да».

Нина только пожала плечами, и мы это поняли однозначно – очевидно решение практически принято. Но больше этой темы не касались.

Кстати, Нина пожаловалась, что ей не с кем оставить сына вечером двадцать восьмого апреля, когда завод будет гулять. Её хозяйка на праздники уезжает. Я – как вы понимаете – ходить на это торжество не собирался, я бы там чувствовал себя изгоем. И предложил ей свои услуги в качестве бэбиситера. Она согласилась. У нас с её Андрюшей были неплохие отношения, хоть виделись мы с ним всего два-три. Когда Нинина хозяйка уезжала, ей приходилось приводить его на шашлык. Делала она это с неохотой, в его присутствии почти не пила, была трезвее и еще рассудочней, чем обычно.

Итак, наконец, наступило двадцать восьмое сентября. Я в первой половине дня пошел прощаться с тем небольшим количеством сослуживцев, которые могли считаться

моими знакомыми. Под конец решил зайти с той же целью в конструкторский отдел. А перед уходом нужно было еще забрать документы из отдела кадров.

Я зашел в отдел и с облегчением увидел, что Гольдштейна нет на рабочем месте. Подошел к кульманам, за ними стояла группка «девочек», в том числе и Людочка. Они стояли возле одного из столов, нарезали хлеб, колбасу. Людочка открывала бутылки. Как сейчас вижу эту сцену. Она меня не замечала, потому что с ненавистью смотрела на Змею, которая своим мерзким голосом шипела:

- Ну, Людка, что ты теперь будешь делать? Оба твоих хахаля уволились. Ха-ха! И Иванченко, и Поляков. Ха-ха! С кем теперь ложиться будешь?..

Людочка побелела, лицо её исказилось, глаза метали молнии. Я свою добродушную подружку такой никогда не видел. Она замахнулась бутылкой, которую держала в руках. Чем эта история бы закончилась, если бы она не увидела меня, я не знаю. Ничем хорошим. Я успел подумать: «Оказывается темперамент и характер у Людочки есть. И еще какой! То ли и раньше был, то ли сейчас проявился». В этот момент она заметила меня... и замерла с бутылкой над головой. Все как по команде повернулись в мою сторону, последней это сделала стоящая спиной Змея.

Немая сцена, как в Ревизоре. Несколько секунд. И потом всю компанию как ветром сдуло. Только Змея еще успела прошипеть:

- А что я такого сказала? Все об этом знают.

Мы остались в отделе одни. Людочка так и продолжала держать бутылку, не двигалась, только глаза её наполнились слезами. Это было удивительно. Именно наполнились. Она не плакала, слезы не текли по щекам. Они наполнили глаза, которые превратились в озера.

Я испугался. Подошел к Людочке, забрал бутылку, опустил её руку. Как можно мягче сказал:

- Ты успокойся. Давай сейчас об этом говорить не будем. Ладно? Мы подумаем, успокоимся. Потом поговорим. Хорошо?

Она молчала, только слезы, наконец, пролились, потекли по щекам. Я не смог так уйти. Поцеловал её, погладил по голове, повернулся и вышел.

Вот такой неожиданный поворот судьбы, которая все решила за меня. Вместе со Змеей.

Я забрал в отделе кадров трудовую книжку, сдал пропуск. Расчет взял еще раньше. Вышел с территории завода насовсем. Постоял возле проходной, повздыхал. Окончился еще один этап жизни. Если разобраться, плохого было немного. Хорошего больше. Я был независим, в общем-то нужен. И у меня появился «наш сброд» - все-таки новые, достаточно близкие дружеские связи, чем последние годы жизнь меня не баловала. А может это я не баловал жизнь?

И наконец «приятная во всех отношениях» Людочка. Молодежный – для моего возраста – и приятный роман. Очень жаль, что он так некрасиво закончился. Какое там некрасиво – отвратительно. Жалко Людочку, и – между прочим – себя тоже. Нехорошо, когда при воспоминании о наших встречах возникнет желание поморщиться, расстроено покачать головой и мысленно попытаться переключиться на что-нибудь более приятное. Мы с ней такого не заслуживаем. А ведь именно так и будет.

Казалось бы, почему такой неоправданный шок? Я о её встречах с Иванченко знал, для меня шипение Змеи не было неожиданностью. Да и Людочка тоже наверняка предполагала, что все может раскрыться. Впрочем, наша реакция вполне объяснима. Нас обоих прилюдно, на глазах у восторженных зрителей «разоблачили», унизили. Раздели

донага и вымазали в грязи, во всяком случае именно такое чувство осталось. В ушах зашипело: «С кем теперь ложиться будешь?». Вот стерва! «А что я такого сказала, об этом все знают!». Может напрасно я помешал Людочке закончить дискуссию?

В конце концов я действительно – как только что и предполагал – поморщился, тряхнул головой и постарался переключиться на что-нибудь более оптимистическое.

Оптимистическое, как и следовало ожидать, оказалось циничным. Может с практической точки зрения все что ни делается – к лучшему? Людочка наверняка после такой сцены не будет, и скорей всего даже не захочет меня искать. Ну разве что, если её любовь неожиданно для меня окажется сильнее любых моральных препятствий, вероятность чего меньше нуля. Точнее со знаком минус. Я был уверен, что продолжения этой истории не будет...

По дороге я зашел в продуктовый магазин. Пельмени в продаже были, а все спиртное разобрали. Жаль, встречать праздник с пельменями и чаем будет не слишком весело. Впрочем, тоже может быть к лучшему. Я под настроение сейчас бы не удержался и немного пригубил. Но уже через три часа Нина приведет Андрюшку, и если почувствует запах спиртного, вполне может повернуть назад. Она сурова и непредсказуема. Не напрасно мы все – и я в особенности – её побаиваемся.

Короче говоря, я пришел домой и даже без пельменей завалился спать – мой самый надежный способ борьбы с расстройством и дурными мыслями. Или когда я нахожусь в сомнениях и колебаниях, состояние, которым я до сих пор злоупотребляю. Я и сам вижу, что очень часто говорю об этом. Но что делать, если не говорить о моих сомнениях, то значит говорить не обо мне.

И все-таки я нахожу этой слабости некоторое оправдание, истинное или надуманное – вам виднее. Эта черта характера в какой-то мере тоже веянье времени. В те годы, когда я набирался ума-разума, считалось – так мне помниться – что неглупый и порядочный человек обязательно должен быть сомневающимся. Не сомневаться, быть абсолютно уверенным в том, что точно знаешь как поступать, что правильно, что не правильно, что правда, а что ложь – все это в нашем понимании было признаком либо фанатика, либо столба прямолинейного. Тот и другой одинаково опасны для окружающих. Этому нас учила и литература до второй половины прошлого века. Базаров симпатий не вызывал. И железобетонный Штольц из романа «Обломов» кумиром не был. Сомнения – единственный способ поисков истины. Так мы считали, во всяком случае большинство из нас.

Я недавно, почти полстолетия спустя, разговаривал с относительно молодой, но все еще читающей женщиной – такое не часто встречается в наше время. Мы говорили об одном писателе моего поколения. В принципе, писатель ей нравился. Что ей мешало – почему все его герои в той или иной мере рефлексируют? Очень типичная формулировка – некогда положительное и благородное «сомневаются» заменено отрицательным и даже уничижительным «рефлексируют». Сейчас человек – в идеале – должен быть героем, победителем, твердым и уверенным в себе. Короче, он должен быть носителем главного современного достоинства – умения добиваться успеха. Сомнения – удел слабых. Я настаиваю на том, что в этом одно из существенных отличий поколения шестидесятых от всех последующих.

Но я отвлекся. Проснулся от громкого звонка. Конечно не телефонного, домашнего телефона у нас даже в мыслях быть не могло. Это гремел проведенный лично мною электрический звонок. Кнопка его была над калиткой. Дело в том, что моя бабка-хозяйка

и днем, и на ночь эту калитку запирали. Украсть у нас было нечего, поэтому я острел, что бабка боится, как бы кто-нибудь не ворвался и не надругался над ней. У неё чувство юмора было, она хихикала, но калитку все равно запирали. Была моя хозяйка основательно глухой, и когда кто-нибудь всем телом бился с той стороны забора, она ничего не слышала. Поэтому я вынужден был провести электрический звонок, причем отыскал самый громкий. И то не всегда помогало, потому что сон у хозяйки - слава богу - был здоровый и крепкий. Мы с Людочкой это знали...

Я вышел на крыльцо – так и есть, это была Нина с Андрюшкой. Она торопилась на вечер, поэтому ко мне не зашла. Поцеловала Андрюшку, наказала вести себя хорошо. Меня – впервые в жизни – чмокнула в щечку, но мне показалось, что таким способом она выясняла, не пил ли я. Я был как стеклышко. Она передала мне из рук в руки кастрюлю, еще теплую – наш с Андрюшей ужин. После мы выяснили, что это был бульон с куриной шейкой. Откуда-то Нина владела секретом этой – я и до сих пор так считаю – еврейской кухни. С курицы по пояс – вместе с крылышками – снимается кожа, и набивается мукой с жиром, с кусочками мяса... Словом, вкусно. Но у нас еще будет возможность обсудить это блюдо.

Я был доволен, что был не один. Сидел бы над пельменями в одиночестве, расстраивался. А так все-таки в компании. Андрюша был спокойный увалень – в детском варианте – не капризный, улыбчивый и, самое удивительное, не обидчивый. Согласитесь, толстому мальчику, которому наверняка достается от сверстников, сохранять спокойствие и доброжелательность должно быть не просто. Я бы не смог...

Пока было светло, мы сажали редиску (я живо представлял себе, как бы мы с Людочкой эту редиску сажали, но с мальчиком своими мыслями не делился). Потом по его просьбе я сделал свою обычную тренировку – немного со скакалкой, немного на мешке, который у меня висел за крыльцом. Парень смотрел с живым интересом. Потом мы увлеклись природным шоу, о котором я вам уже рассказывал. Начался «столичный дождь». Один из самых красочных, которые я видел в Республике. Небо заволочило страшными черными тучами, которые носились взад и вперед, они казалось сталкивались друг с другом и высекали искры в виде молний. Фейерверк молний не прекращался ни на секунду и распространился по всему чернеющему на глазах небу. Кто-то тучи по небу гонял, интересно кто, если у нас не было ни дуновенья? Наконец тучи слились в сплошной черный купол. Наступали сумерки, и поэтому молнии сверкали все эффектнее, сопровождаемые артиллерийскими залпами грома. Андрюшка перепугался, да и мне – честно признаюсь – стало не по себе. Может быть вы думаете, что я такими картинами природы готовлю вас к каким-то трагическим событиям, которые собираюсь описывать? Нет, просто действительно тогда выдался такой вечер.

Мы зашли в комнату, Андрея я уложил на диван, он заткнул пальцами уши, так и уснул.

Постепенно природа сменила гнев на милость, сверкать почти перестало, и – вот чудеса – даже пролилось на покрытую химией столичную землю немного дождя. А вместо вечной пыли на улице появилось немного грязи. Правда с желтыми разводами, но к этому мы уже привыкли. Это была благодать.

Я вышел за калитку подышать свежим – большая редкость – воздухом. Вытер любимую бабкину скамейку, которая была врыта в землю у тротуара возле нашего забора, и стал ожидать Нину. Я не хотел, чтобы она звонила и будила бабку и Андрюшу. От моего звонка мальчик мог остаться зайкой.

Было около десяти часов. Нина пока не появлялась – загуляли. Я испытывал легкую белую зависть. Впрочем, мне и здесь было хорошо. Немного похолодало – в столице

континентальный климат, поэтому ночи прохладные. Я не поленился, зашел в дом, взял теплую кофту, накинул и снова отправился наслаждаться на скамейку. Интересно, как будет добираться Нина? Наверно Хвалов её подвезет...

Ответом на этот вопрос было появление немного хромающей Нины. Я заметил ее, когда между нами было всего несколько метров, потому что не обращал внимания на редких пешеходов. Следил за автобусами - остановка была на моей стороне улицы немного ближе к заводу. У Хвалова была Победа, но Нина пришла пешком. Она подошла и с видимым облегчением уселась на скамейку. Пакет – был у неё в руках – поставила рядом.

- Ты почему пешком? От самого завода? Полчаса ходьбы. На каблуках? Что стряслось? Поругались?

- Дай отдышаться...

Мы немного помолчали. Недалеко от скамейки был дорожный фонарь, в его желтоватом свете можно было рассмотреть, что вид у Нины далеко не праздничный. Правда светлая легкая – кажется кримпленовая – кофточка была выглаженной и как всегда идеально сидела на ней. Внешне было все в порядке, но лицо... пусть Нина простит меня, но лицо нужно было подгладить и освежить.

Молчание затянулось. Я не выдержал:

- Так что случилось? Хвалов надрался?

Нина нехотя ответила:

- Кажется да...

- Кажется или надрался?

Анна Ванна говорила, что Нина кремень. Но бывают моменты, когда и кремень не выдерживает. Нина устала, была очень обижена и расстроена, вдобавок, судя по всему, от огорчения как следует «пригубила». Её порвало.

Первый раз я услышал от неё жалобы. И содержание, и тон были обычные, женские, бабские, а не «железного Феликса», которого мы знали.

За что ей выпала такая жизнь? Сколько можно защищаться? Она от всего устала, никаких сил и выносливости не хватит все это терпеть. Да, жить одной непере-но-симо (на этом слове она запнулась, сказало выпитое). А что делать? Неужели он не понимает, что в новой должности нельзя позориться? Он не только себя позорит, но и её. Не можешь – не пей. Нужно уметь держать себя в руках.

Мне показалось, что Нина расплачется. Это было бы уже совсем из рук вон... Я попытался добавить оптимизма в эту безрадостную картину.

- Нина, насколько я знаю, он не может пить. Организм не принимает. Но ведь это хорошо! Значит пьяницей не станет при всем желании.

- Ему можно грамм пятьдесят, не больше. Так остановись, тряпка, черт бы тебя побрал. Позорится, потом неделю болеет, олух царя небесного. Главный инженер, засранец чертов.

Такие высказывания со стороны сверх сдержанной Нины вполне можно было считать матом. Но самое невероятное случилось потом. Она уткнулась мне в плечо и расплакалась. Если бы внезапно небо расколосось и появился архангел Гавриил, я бы не так растерялся. Хотел обнять её и успокоить, но не решился. И как оказалось, правильно сделал. Потому что архангел не появился, зато появилась машина «Победа». Она проехала мимо, потом заскрипели тормоза, потом завыл задний ход. Машина остановилась прямо перед нами у бровки тротуара. Открылась передняя дверца и с места пассажира стал вываливаться Хвалов. Это было непросто, потому что он был не только громоздким, но и прилично поддатым. Нина поднялась со скамейки, слезы мгновенно высохли – если они

были. Хвалов тоже выпрямился, слегка покачиваясь. Лицо его было неузнаваемо. Куда девались добродушные и приятные черты. В облике появилось что-то бульдожье, а его маленький нос тувелькой и вмятиной на переносице был очень удачным центром композиции.

Следующие события продолжались считанные минуты. Он знал, что я здесь живу, несколько раз забирал Нину после шашлыков. Поэтому сразу взял быка за рога.

- Так вот, к какому Андрюшке ты пошла, - завопил он и двинулся в нашу сторону. Двинулся довольно бойко, ноги его еще прилично держали. А голос и в трезвом виде был высоковат для такого большого тела, но сейчас звучал просто неприлично громко и даже визгливо.

Нина полностью пришла в себя, встала между мной и Хваловым и спокойно сказала:

- Тише, не кричи. Хватит позориться. Андрюшку разбудишь.

Хвалов остолбенел, челюсть отвалилась.

- Так... Так... Так вы уже всей семьей к нему перебрались?

- Не сходи с ума. Я попросила Бориса посидеть с ним, пока мы гуляли...

Я тоже решил подать голос, но неудачно.

- Вы бы сначала разобрались, вместо того чтобы кричать на Нину.

У Хвалова появилась цель.

- Я Нину никогда не обижу, - и в доказательство взял её за локти и легко, как пушинку, переставил в сторону. – А вот тебе, носатый засранец, я шею сломаю. Давно об этом мечтал.

Он широко расставил руки и двинулся ко мне. Я отскочил от скамейки вбок. Он за мной. Нина пыталась что-то сказать и предпринять, но Хвалов только легонько от неё отмахивался. Что было делать? Если бы он бил меня, я бы мог уворачиваться. Но он хотел меня обхватить, тут уклоны бесполезны. А если бы я попал в этот клинч, то он бы с легкостью мог многое мне сломать, не только шею.

Предупреждающие удары его бы не остановили. Только разъярили. Раненый медведь, или кабан – выбирайте себе сравнение по вкусу – еще опаснее.

Я стал отступать, он за мной, я ускорил ход, он тоже. Наконец я повернулся и побежал, стараясь сохранить достоинство. А как его сохранишь, когда за тобой топает примерно сто двадцать килограмм живого веса, желающих тебя покалечить.

Благо, в беге я был намного сильнее. Хвалов метров сто бежал за мной, потом стал задыхаться и прохрипел:

- Беги, трус. Носатый засранец...

Я боялся, что его занесет на национальные проблемы, тогда сценарий бы изменился. Но нет, его волновал только мой нос. Конечно, по сравнению с его пипочкой...

Нина, наконец, догнала Хвалова. Он торжествовал:

- Видишь, вот он, твой Борис. Трус.

- Хватит!

В её голосе зазвучал металл. Хвалов затих. Она еще раз в двух словах объяснила, почему Андрей здесь. Сказала, что если он немедленно не уедет, то больше её не увидит. Никогда. И ничего, о чем они говорили, не будет. А реплика: «Андрей не должен тебя сейчас видеть, хоть это ты понимаешь?» преобразила Хвалова до неузнаваемости. Это были чудеса дрессировки. Он безропотно, не говоря ни слова, подошел к машине, влез в неё и посмотрел на Нину, глазами жертвы, как пишут в романах, влекомой на заклятие. .

- Петя, домой, - приказала она шоферу.

Машина немедленно тронулась. Исчезла за поворотом. Тишина. Было полное впечатление, что все происшествие нам привиделось. Я подошел к Нине. Она посмотрела на меня, не слишком скрывая свое разочарование.

- Боря, а ты оказывается действительно трус.

Я посмотрел на неё с улыбкой и только пожал плечами.

Она удивилась моей реакции.

- Может я чего-то не понимаю?

- Не понимаешь. Ты видела, как он был настроен?

- Ты же боксер? Пару тычков...

Голос её звучал неуверенно.

- Тычками его можно было только разъярить.

- Ну?

- Остановить его можно было, только полностью вырубив. Двумя-тремя ударами.

- И что?

- Что? – я подошел ближе. - Ты хотела, чтобы он валялся здесь, у твоих ног, в пыли, - я посмотрел на землю, - в грязи? Думаешь, он простил бы такое унижение? Мог бы это забыть? Нина, он не только твой жених...

- Мы решили жить вместе, - скорее подумала вслух, чем сказала Нина.

- Видишь? Но что еще хуже - он хозяин завода, Сакиев не в счет. Как бы все это было? На работе?

Она молчала, и только пристально смотрела на меня.

- А то, что вы с ним считаете меня трусом, я как-нибудь переживу.

Нина повернулась, взяла со скамейки пакет, вручила его мне.

- Это тебе, с праздника. Тут чекушка и немного всякой всячины...

Пошла в дом, я за ней. Андрей спал.

- Не буди. Можно взять его вместе с пледом. Давай я понесу.

- Не надо спасибо, здесь близко.

- Он тяжелый.

- Своя ноша не тянет.

Я помог ей поднять спящего Андрея, проводил до калитки.

- Спасибо.

Она немного отошла, потом вернулась и неловко – Андрей мешал – поцеловала меня в щеку. На этот раз – надеюсь - не для того, чтобы проверить, выпил ли я.

Я вернулся домой. Раскрыл пакет – там была чекушка московской водки, кусочки колбасы, даже ветчина, кусочек вафельного торта. Видите, я до сих пор все это помню.

Знаете, как отмечают Новый год? Сначала – до полночи - пьют за Старый. После двенадцати – за Новый. Двадцать восьмого апреля я еще числился на станкозаводе. Поэтому до двенадцати выпил за все хорошее, что подарил мне ЗКС. А после двенадцати выпил за новую жизнь – за завод УГШО.

2.16 Короткое межсезонье.

У меня появилось четыре – всего четыре! – дня, чтобы отдохнуть между двумя работами. Подумать, может быть в чем-то попытаться разобраться. Отдохните и вы вместе со мной в главе, в которой не происходит ничего существенного.

Отдых, правда, был отнюдь не бездельным. В субботу накануне майских праздников я занимался нелюбимым делом – бродил по магазинам. Однажды Илья сказал, что я становлюсь сезонным работником. Мне это саркастическое замечание запало в душу. Но

раз так, то, как и положено, к новому сезону следовало приобрести новую одежду. Так поступают солидные люди. Я теперь тоже вступил в число солидных, и хотелось, чтобы это было заметно ходя бы внешне. Дресс-код, который тогда вообще не имел никакого названия, тем не менее требовал от руководящего состава костюма и галстука. Исключения делались только на самый знойный период, и то для не слишком высокого начальства. Иванченко, например, всегда был в костюме и почти всегда при галстуке. Другое дело, что в жару у него костюм был очень легкий, если я чего-то не путаю, это была чесуча. Я до чесучи еще не дорос ни по должности, ни по финансовым возможностям. Но приличный костюм был мне нужен. Сэкономленных мною денег не хватило бы и на пол костюма, поэтому в расчете на будущие доходы я одолжил приличную сумму у Анны Ванны.

Первый день поиска прошел без результатов, а к концу второго я почти утратил надежду. Покупка костюма была очень сложным делом. У меня в те годы с точки зрения швейной фабрики «Большевичка» и других наших швейных производств была нестандартная фигура, хотя сейчас она бы считалась самой что ни на есть рядовой. Нормальные плечи, отсутствие живота и роскошных бедер, нет явных дефектов. Но тогда... Советские пиджаки на мне болтались... нет, не как на вешалке, скорее как на пугале. А брюки!.. А расцветка!.. Я пытался представить себе, какой фигурой должен обладать человек, чтобы такой костюм сидел на нем хорошо. Этот человек должен быть асимметричен, перекошен, скручен... Бедняга! И что удивительно - до сих пор сохраняется эта традиция. Интересно, почему? Ведь в крайнем случае можно в Англии или Финляндии купить костюм, распороть его и посмотреть, в чем там собака зарыта.

Словом к советским костюмам я старался не подходить.

Чешские костюмы были лучше, но наверно чехи пили много пива, поэтому в их костюмах были излишества в области живота и ниже. Такой крой. Меня устраивали польские модели, но это был дефицит.

Я примерял костюмы... и думал о женитьбе. В одиночестве покупать костюм мука. Взгляд со стороны гораздо объективнее. Как я выгляжу на виде сзади, на виде сбоку, не свисают ли штаны с моего не слишком пухлого зада? А в проймах?

Чертова Змея! Если бы не она, я бы ангажировал Людочку на это мероприятие, а уже потом можно было... Кстати она любила делать покупки и знала в этом толк. Она даже могла дать продавцу на лапу, легко и непринужденно, на что я был органически не способен.

Нет, хватит, - одернул я себя, - достаточно временных решений. Нужна жена, законная и постоянная, с моим или даже не моим ребенком. И не только для получения квартиры. Для жизни. Но более широкого профиля, чем Людочка. Не только для того, чтобы проводить время «легко и весело». Хозяйка, опора, всегда рядом, плечо к плечу. И желательно толковая, чтобы можно было понять друг друга даже без слов. А любовь, красота – все это понятия относительные...

Я посмотрел на мужчин, делающих покупки. Отдел готовой одежды был довольно большим, и покупателей было немало. Но все они были с женщинами. Все без исключения. Только я был один.

Недалеко от меня мужчина средних лет, довольно полный, примерял чешский костюм, который сидел на нем вполне прилично. Жена хлопотала вокруг него как курица-наседка. На лице у мужа было недовольное выражение, что-то ему не нравилось. А может он просто всегда был таким мрачным, от природы? Я бы на его месте хотя бы в ответ на очевидную любовь и заботу расплылся в благодарной улыбке...

Оп-па! Краем глаза я увидел еще одну группу покупателей, входящих в отдел. На лице мужчины была не просто улыбка, а счастливое, лучезарное сияние. Обожание – вот что было в глазах этого мужчины, обращенных к спутнице. Покупателем был Хвалов, спутницей Нина Чижевская, а немного сзади брел Андрюшка, волоча почти по полу какой-то пакет, наверно ему уже что-то купили. Нина тоже Хвалову улыбалась, доброжелательно, но немного покровительственно. Кто у них будет главой семьи, а кто под каблуком было ясно как дважды два. Ну и отлично. Нина достаточно намучилась в этой жизни и заслужила покой и благополучие. А с её характером железного Феликса можно ужиться только с обожающим её и не слишком волевым мужем. Хорошо, - подумал я – что мое позорное бегство позавчера вечером с поля боя не пропало втуне. Мне, к сожалению, поиск спутника еще предстоит.

Я быстро юркнул в ближайшую свободную кабинку – благо такая оказалась рядом – и задернул за собой занавеску. Мне не хотелось моим появлением портить семейную идиллию. Наверно они тоже хотели купить костюм, соответствующий новому служебному положению Хвалова. До сих пор он на работе ходил в куртке. Я в щелочку наблюдал за ними и думал о том, как незаметно улизнуть. Но это оказалось делом несложным. Хвалов сразу подошел к продавщице, что-то ей сказал, и они всей группой ушли через служебную дверь. Я понял, что экипировка нового Главного инженера будет проведена на высшем уровне. Теперь он элита! Интересно, что никакой зависти при этом не испытывал – особые права номенклатуры в нашем сознании тогда еще не подвергались сомнению, это была естественная составляющая нашей среды обитания.

Но путь к отступлению был открыт, и я быстро покинул отдел готовой одежды, хотя даже не начинал знакомиться с ассортиментом. Думаю, не много потерял...

Да, если бы я от Хвалова «не бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла», они бы так легко отношения не наладили, если бы наладили их вообще. А так одного дня хватило. Я был доволен собой, даже признаюсь, гордился своим поступком.

В народе говорят: «Ни одно доброе дело не останется безнаказанным». Я в данном случае доказал обратное – без всякой надежды по дороге заглянул в маленький захудалый магазин одежды и увидел одиноко висящий на вешалке костюм цвета маренго. Цвет был мой любимый, а благородный покрой мне показался финским – высшая категория. Действительно под воротником было написано «Made in Finland». Я примерил – он был сшит на меня. Брюки – совершенно невероятно – никуда не свисали и нигде не тянули, я мог свободно приседать в них. А цена! Костюм был уценен почти вдвое. Дело в том, что на внутренней стороне рукавов, ближе к проймам моль – на мое счастье – проела дырочки. Они были довольно аккуратно заштопаны, и вообще видеть их можно было только если бы кто-нибудь крикнул «хенде хох» и я бы поднял руки. Было похоже на то, что это награда за доброе дело, другого объяснения такому везению не было. Я приобрел отличный костюм, и мог вернуть почти все одолженные у Анны Ванны деньги. Что значит добротное изделие! Я посмотрел в зеркало – это был другой человек, не занюханный конструктор первой категории заштатного провинциального завода. Костюм мне служил верой и правдой много лет, до тех пор, пока я не начал резко поправляться.

Я попросил завернуть в пакет мое старое барахло – определенно зазнался – и в новом костюме отправился домой. В нем же на следующее утро я гордо отправился на праздники к Илье.

Первого мая у них в Академгородке был митинг вместо демонстрации. Я тоже постоял со всеми. А вечером был допущен на праздничный вечер в доме ученых. Я, как вы уже знаете, часто приезжал к Илье, познакомился со многими его сотрудниками, и так

как был одиноким и неухоженным, то научная общественность меня пригрела и допускала на свои мероприятия. По примеру новосибирцев в Столичном Академгородке тоже было нечто вроде известного в те времена клуба «Интеграл», где научные работники собирались по праздникам и шутили. А я в благодарность участвовал, как мог, в их шутках, что-то пописывал и даже иногда поигрывал. Я, разумеется, имею в виду почти обязательные капустники. Они тогда были так же распространены, как годы спустя КВН.

Побрюзжу еще немного. Капустники мне больше нравились. Они были демократичны, все на равных и все свои. Но капустники канули в лету. Их заменили корпоративы (есть в этом названии что-то неприятное и даже неприличное). Наши корпоративы имеют свои, национальные особенности. На западе они больше похожи на концерты, а у нас это скорее кабаре, где выпивают и в вполуха слушают приглашенных (за кэш) мастеров искусств. Это повышает самооценку слушающих и приучает к неразборчивости выступающих. Не нужно ехать к «Яру», народный артист или звезда эстрады за солидные деньги выступает в роли хора цыган с доставкой на дом - в корпоратив... Все-таки есть в этом что-то купеческое... Традиционное для нашей страны, но в современной упаковке.

Все, я прекратил. Сознаю, что это самое настоящее старческое брюзжание, время остановить никому пока не удавалось.

Первомайский капустник, в котором на ролях кушать подано участвовал и ваш покорный слуга, был хорош, напитки и закуска ничуть не хуже, и я на время полностью отключился от своих проблем. Но, увы, не надолго. Когда мы вернулись домой к Илье и его жена, обзвав нас полуночниками и пьяницами, ушла спать, мы привычно занялись «разбором полетов», разумеется моих. У Ильи видимых проблем не было, его жизнь уверенно шла намеченным курсом. Дочка росла, диссертация почти готова, жена практически не пилила – чего еще можно желать человеку? Обо мне говорить было интересней.

Я всегда исповедовался Илье. Он был очень хорошим слушателем, никогда не давал советов и рекомендаций (бесценное свойство!) и даже не высказывал одобрения или порицания. Но на лице его можно было при желании прочесть отношение к информации. Оно обычно было не очень восторженным. Илья считал себя реалистом, то есть был скептиком, что, по моему глубокому убеждению, одно и то же.

Я доложил ему обо всех событиях последних дней, о своих планах и неизбежных сомнениях. Об одном умолчал – о Людочке и Иванченко. То ли не хотел быть сплетником, то ли считал, что в какой-то степени ситуация меня не украшает. Как и Людочку. Если бы она была какое-то время его любовницей – ну что ж, дело житейское. Но у Людочки не было даже такого статуса, она – сегодня бы сказали – была «девочкой по вызову». Правда, с её стороны не за деньги, а по любви. А может, не только по любви, наверно и льстило – сам Иванченко!.. Словом, об этой истории я умолчал.

Закончил Илья наш разговор любимым своим изречением, он всегда так прощался и наверно считал это шуткой:

- Пока. Желаю успеха в работе и личной жизни.

Но на сей раз добавил:

- Ты единственный мой знакомый, который нуждается и в том, и в другом.

Он не сказал – в твоём-то возрасте! – не хотел меня огорчать. Но я понял и расстроился. Пора, давно пора пристать к берегу, сколько можно бороздить моря и океаны...

Перед выходом на новую работу я придирчиво проанализировал те взгляды, которые разработал по дороге в Республику, и решил откорректировать их в сторону ужесточения. То есть, пришел к выводу, что еще недостаточно стал «другим человеком». На станкозаводе я позволял себе вольности, демонстрировал независимость, словом не вписывался в общую картину. Такого в дальнейшем допускать нельзя. Мне повезло, что больше никто на заводе не мог разработать проект нового станка, а то бы со мной расправились в самом начале. Нет, при таком отношении с коллективом, а особенно с начальством, на карьере рассчитывать не стоит. Впрочем, были и неплохие результаты. Хорошо, что я проявил находчивость в остроумной комбинации с Жанат, хорошо, что не поддался ложным творческим позывам и желанию разработать новый станок, хорошо, что с определенной долей здорового цинизма отнесся к своим якобы обязательствам перед Иванченко. Кстати, сам Иванченко отказался бы от новой разработки, если бы я его не опередил. «Главное в профессии святого во время смыться». Может – думал я – это не очень выглядит красиво с точки зрения идеальной морали, но зато принесло успех. А победителей не судят.

Вывод, учитывая важность нового этапа моей жизни, мог быть только один – я в дальнейшем должен себя вести еще осмотрительней, мудро, осторожно и хитроумно. Я должен убрать свой апломб как можно дальше, быть в ладу с сотрудниками и начальством любого вида и рода, а с подчиненными требовательным, суровым, но справедливым. Словом, на полтора-два года до получения квартиры я должен дать фору Игнацию Лойоле вкуче с Макиавелли.

Помню, мне самому было интересно, удастся ли выдержать намеченную линию поведения, поводы для сомнений были. Единственный относительный производственный успех, которого мне удалось добиться, был в СКБ «Проектор», и то я ухитрился все испортить. Но там понадобились мои способности конструктора. Увы, в том то и дело - на новой должности в СКБ УГШО они никому не будут нужны. Даже могут помешать, если я буду совать нос в дела разработчиков, особенно кандидатов наук с их неудовлетворенными амбициями. А ведь я мог не удержаться, увидев конструкторский ляп, и проявить невольную бестактность, за мной такое водилось тогда, водится и по сей день. То есть мои единственные обнаружившиеся к тому времени способности в данной ситуации могли только навредить. А как менеджер и дипломат я себя проявил, прямо скажем, не с лучшей стороны; как покладистый и дисциплинированный подчиненный тем более. Словом работа – в основном над собой - предстояла большая. Я даже купил на черном рынке книгу модного в то время Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». И добросовестно читал её, силой воли преодолевая желание бросить – книга казалась мне простоватой и даже примитивной. Словом, американский демократический ликбез для широких читательских слоев.

Какой вывод из прочитанного я сделал? Проще на все надо смотреть, не усложнять. Нужно – значит нужно. Станным в этой книге мне показалось одно - нужно быть общительным и доброжелательным не потому, что тебя таким бог создал, а потому что так лучше в первую очередь для тебя самого. Знаменитое американское «смайлл», одним словом. Смайлл так смайлл...

Я кровь из носу должен был использовать шанс, который, наконец, мне предоставила жизнь, чтобы прервать цепь неудач. Если я и на этот раз потерплю фиаско, то могу окончательно свыкнуться с мыслью, что я неудачник и – как сказали бы сейчас - лузер. У меня уже появлялись такие опасения, пока только в минуты слабости. Но, как правило, я предпочитал ответственность за солидную долю моих неудач возлагать на

нашу бесправную и убогую советскую действительность. Всем доставалось на орехи, по теории вероятности кому-то больше, кому-то меньше. Просто мне досталось больше, чем многим другим...

Я понимаю, о чем вы сейчас думаете. Что это похоже на самооправдание. А на самом деле я должен был поступать как-нибудь иначе, проявить характер, совесть, решительность. Плохому танцору – думаете вы – обстоятельства мешают. Совершенно с вами согласен, со стороны действительно всегда виднее. Одна беда – я до сих пор не могу представить себе, как именно нужно было поступать иначе. Говорю как на духу. Если бы все началось сначала, я снова поступал бы так же, потому что каждый раз другого варианта просто не было. Мне и сейчас, издалека, так кажется. Разве что на заводе «Проектор» был возможен другой выход – но тоже не знаю какой. А был бы он лучше? И Муся... Нет, не знаю. Так причина во мне или вне меня? Или везде понемножку?

Но я опять пытаюсь опередить события. Не буду отвлекаться и продолжу свои воспоминания, тогда, надеюсь, многое станет понятным.

Я отдавал себе отчет в том, что на таком нестабильном предприятии, как УГШО, тоже вполне реальны штормы, шквалы, землетрясения и прочие форс-мажоры. Главное – в любой ситуации я должен сохранять выдержку и самообладание. Поэтому третьего мая по дороге на работу я все время, как мантру, повторял про себя – спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие. Не высовываться!

2.17 Бурное начало.

Я, представьте себе, толком не помню первые дни в СКБ, кто кому и как меня представлял, кто какое впечатление на меня произвел. Но это и не важно. Вряд ли можно требовать от человека, чтобы он через столько лет помнил, что и в каком порядке произошло. Поэтому буду записывать так, как вспоминается.

Буквально в первые дни моей работы я получил дополнительную информацию и присоединился к тем, кто даже не надеялся на продолжение строительства завода. И для этого были серьезные основания. Фактическая отмена запланированного строительства была не только злостными кознями противников бывшего Заместителя Совмина Республики, и не без оснований его обвиняли в волюнтаризме. Дело в том, что он «по доброте душевной» выделил для завода место вблизи города, я бы сказал рукой подать до центра. В зажатой горами и отрогами Столице было мало места для расширения, и в районе завода уже давно планировалось построить большой жилой массив. Его начали строить. Вы может еще не забыли, я говорил, что от завода до наших домов было минут пятнадцать ходу. Это и был массив, который надвигался на территорию завода и даже стал охватывать его в кольцо. Так что Сан Саныч не напрасно ощущал себя в осажденной крепости. Он один еще надеялся на чудо, но мне кажется, что это упорство носило не очень нормальный характер. В то время термин «глинки» еще не был в ходу, но в принципе он подошел бы к ситуации. Пора было не тешить себя мечтами, а попытаться переориентировать СКБ на что-нибудь менее вредное для окружающей среды, чем гигант с дымящими трубами, железной дорогой, литейными цехами и прочими – в данной ситуации – излишествами. Но Сан Саныч не унимался. Может быть поэтому директор стал терять своих сторонников и постепенно они переходили во враждебный лагерь. А я, как его совершенно очевидная креатура, выбора не имел.

Затем, помню, на меня произвел большое впечатление рабочий ритм СКБ, который вполне можно было определить как мертвую зыбь. Генрих при первом нашем знакомстве описал ситуацию правильно. Конструкторы СКБ работали в свое удовольствие, то есть

стояли у доски только тогда, когда курение и общение надоедало. Я уже говорил, что полное безделье очень утомительно, и может довести человека до такого состояния, когда он даже без принуждения начальства начинает трудиться – разумеется, время от времени. Все, что можно было разработать, все что имело какой-то смысл, было сделано как минимум год тому назад. Сейчас новую работу ведущим и главным инженерам проекта нужно было придумывать, точнее высасывать из пальца. Поэтому, когда кто-нибудь из исполнителей подходил к ним и сообщал, что старое задание выполнено и нужно новое, это напрягало.

Но самое неожиданное, что произошло – в первые же дни я понял, что судьба-индейка снова сыграла со мной злую шутку, Я имею в виду программное - «не высовываться!». Моим намерениям слиться с коллективом в экстазе, не выделяться, вести себя тише воды и - если получится – ниже травы не суждено было сбыться. Обстоятельства снова оказались сильнее меня.

Почему? Попробую объяснить. Кое-что вы уже знаете.

Помните, в первой беседе при приеме на работу Сан Саныч предупреждал, что между результатом очень важной – с его точки зрения – работы, которую он мне поручает, и получением квартиры имеется прямая связь. Но я особого значения этому не придавал, думал – рассосется. Уж очень глупо это выглядело - ударными темпами разрабатывать вагон нормалей и стандартов, когда ни завода, ни продукции даже не предвидится. Ну нарисуем – надеялся я - папку-другую нормалей, которые будут такой же фикцией, как и все остальные работы СКБ и завода.

Но не тут-то было. Оказалось, директор свято верил, что ухватившись за это звено, он вытащит всю цепь. Вместе с заводом. Во всяком случае, он все время с маниакальной настойчивостью требовал от меня до нового появления комиссии выполнить все требования предыдущей, и еще чуть-чуть. Он прямым текстом намекал (оказывается, может быть такое сочетание – «намекал прямым текстом», у него это получалось), что только положительный, а лучше восторженный отчет комиссии будет ключом к отличной трехкомнатной квартире на втором этаже с видом на снежные вершины гор. Как минимум раз в неделю он вызывал меня к себе и спрашивал:

- Ну, как там наше ЕСКД?

ЕСКД расшифровывалось как единая система конструкторской документации. Тогда было бурное начало её освоения. Считалось, что это будет панацеей от всех бед, надежным средством для резкого рывка качества продукции. Каждое ведомство старалось проявить как можно больше энтузиазма, как и положено при очередной компании, которые так любили в Союзе. Любили не бескорыстно – под эту эйфорию создавали новые ставки и даже организации. В Республике, например, появился новый то ли специальный межотраслевой отдел, то ли даже управление по внедрению ЕСКД, уже точно не помню, и поэтому для простоты буду в дальнейшем называть эту организацию отделом-управлением. На предприятиях должны были разработать горы инструкций, ограничительных нормалей, стандартов и прочая и прочая. На каждый чих должен быть пространный документ организации. Внедрение этой системы на нашем предприятии было основным требованием так огорчившей Сан Саныча комиссии, а значит, отделу под моим руководством предстояло выдать огромное – без преувеличения - количество макулатуры в течение года. От нас требовалась очень напряженная и даже самоотверженная работа. А как это будет выглядеть на общем фоне «трудоу» СКБ?

И кто мог дать гарантию, что даже если мы – я имею в виду Технический отдел – будем вкалывать в поте лица, то комиссия, которая явно была настроена лично против Сан Саныча, не забракует все на корю?

Прекрасно помню, что первых пару недель я находился в полной прострации и не мог выбрать линию поведения. Вместо конкретных шагов предавался абстрактным размышлениям общего порядка. К счастью моя истерика продолжалась недолго, пора было заканчивать с бесплодными сомнениями и колебаниями. И тут хочу о себе сказать несколько добрых слов. Имею право, во-первых, заслужил, а во-вторых, я себя – мне кажется – похвалами не очень баловал. Мне удалось собрать волю в кулак, во главу угла само собой поставить квартиру и составить трезвый и реальный – так мне казалось – план для её получения.

С гордостью рассказываю об основных вехах моей деятельности.

Звеном, с помощью которого я по примеру Сан Саныча и Владимира Ильича собирался вытащить всю цепь, была комиссия, с которой все началось. Я должен был быть уверен в том, что результаты наших трудов будущую комиссию устроят. А для этого нужно наладить с ней контакты и – лучше всего – получить её задание, то есть список документов, которые нужно разработать. Контакты с начальством – главное условие успеха совслужащего - это я, наконец, усвоил. Нужно чтобы я работал как бы под её руководством. Теоретически я становился расчетливым и обстоятельным менеджером... и интриганом. Пока только теоретически, дальше видно будет...

А до тех пор состав технического отдела меня не слишком интересовал. Сколько у меня будет работников я, естественно, знал. Отдел сформировали, судя по всему, после разговора Сан Саныча с Жанат специально под меня, чтобы обеспечить солидную зарплату. Соединили сектор нормализации и стандартизации с разными вспомогательными службами. В общем это была синекура, туда пристраивали нужных человечков или их родственников. Конструкторы называли наш отдел Ноев ковчег. Но нормальными могло заниматься от силы пять человек – из двадцати пяти! И никто до злосчастной комиссии не предполагал, что на этот винегрет будет возложена великая миссия.

Моя тронная речь вообще была лишена какого-либо содержания. Я представил им моего заместителя - Саша Мекк вышел на работу вместе со мной – и сказал что-то вроде «пока работайте, как работали, там видно будет».

Итак прежде нужно было налаживать контакты с руководством, то есть с отделом-управлением. Прежняя комиссия возникла в недрах этой организации, и новая должна зародиться там же. Я выяснил, что председателем прошлой был один из начальников отдела-управления и решил сразу, без раздумий и подготовки отправиться в логово льва.

Для начала в этом логове я разыскал нашего куратора, добродушную полную украинку, которая неизвестно за какие заслуги проникла настолько высоко – во всяком случае, не за знания. От нее я узнал, что у них есть все инструкции и даже уже готовые нормалы какого-то машиностроительного производства. Бесценная вещь! Но была еще более важная информация – оказывается в последней инструкции ВНИИМАШа, организации затеявшей эту свистопляску, было рекомендовано отраслевым отделам по внедрению ЕСКД назначать базовые предприятия в качестве образцов, достойных подражания. И даже выделить им премиальный фонд за успехи.

Не буду тратить ваше время на описание бюрократических коллизий, это было не просто, но я все-таки добрался до начальника этого то ли отдела, то ли управления и предложил услуги СКБ в качестве базовой организации.

Даже позволил себе поиздеваться над родным заводом:

- Вы знаете, мы не слишком перегружены. Пока нет производства, хоть полезное дело сделаем. Мы готовы работать под Вашим прямым руководством.

Слово «Вашим» я произнес уважительно и с большой буквы.

Позже я узнал, что конкурентов у меня не было. Нормальные конструкторские бюро, у которых своих забот хватало, не соглашались брать на себя эту обузу, которую в то время дружно считали пустой и очень трудоемкой затей. У нас такая возможность была.

Короче, мы подписали соглашение, я получил коробки с руководящими материалами и бесценными нормами других предприятий – бери и списывай. Мне их отдали с легкостью – весь этот хлам занимал слишком много места, лежал в проходах, в шкафы не помещался и портил парадный вид солидного то ли отдела, то ли управления. Теперь мы с ними были неразрывно связаны, как сиамские близнецы. Им тоже нужно было чем-то отчитываться.

Вы скажете – повезло, что стали базовой организацией? Да, повезло. Но везет тем, кто ищет. И если бы не было этой инструкции ВНИИМаша, ничего бы в сущности не изменилось, все равно я бы работал с ними и получил документы. Главное – это правильное направление.

Кстати, в соглашении было отдельно отмечено, что все новшества будут относиться только к будущей продукции, уже разработанных чертежей они не касаются. Действительно очень кстати - я понимал, что иначе мне в СКБ просто свернули бы шею.

Само собой директор меня полностью поддерживал, еще бы – впервые за довольно длительный период он получил поддержку в одном из эшелонов власти, хоть и не очень значительном. Он был доволен не только моей находчивостью и оперативностью, но в еще большей степени своей прозорливостью – нашел нужного работника и правильно рассчитал направление главного удара. Бедный Сан Саныч!..

Поэтому он без устали хвалил меня при каждом удобном и неудобном случае и частенько противопоставлял различным нерадивым – с его точки зрения – работникам. Лучше бы он этого не делал, популярности такая реклама мне не добавляла. Я думаю, что опытный интриган Сан Саныч прекрасно все сознавал, но хотел закрепить меня в своем лагере. Способ я бы сказал чисто мафиозный, кажется, у них это называется связать кровью, но что делать – моего директора в чистоплуйстве трудно было упрекнуть.

Но зато он помогал мне, как мог. Я не очень разбирался в гидравлике – а гидравлика была основой разрабатываемых в СКБ машин - и директор откомандировал в мой отдел отличного специалиста вместе с «девочкой» лет пятидесяти, тоже довольно опытным конструктором. В электросхемах я понимал еще меньше - и получил опытного электрика тоже с «девочкой» в придачу. В будущих нормалях большое место должны были занимать испытания, приемка, даже ремонтные циклы (смешно, все это относилось к продукции, которой не суждено было родиться), и сам начальник лаборатории был включен в нашу бригаду, а «девочку» я ему выделил из своих фондов. Звали начальника лаборатории Жетес Садатович, вы с ним еще встретитесь в дальнейшем.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. На все подготовительные работы ушло месяца два. Вместе с гидравликом, электриком и Жетесом Садатовичем мы разработали подробные планы, утвердили их у директора – и можно было приступать к работе. Выше перечисленные специалисты возглавили каждый свое направление, Саша Мекк руководил разработкой общих конструкторских нормалей и стандартов предприятия, а я... мне, собственно, делать было нечего, чего я подсознательно и даже сознательно добивался. И в конце концов добился.

Мне удалось выбить небольшие премиальные из отдела-управления, и кое-что подбросил директор. Это был рычаг.

Каждый месяц я проверял планы и проводил «собеседования» с отстающими. Помогало. Невыполняющих планы у нас вскоре почти не оставалось, мой авторитет – во всяком случае внешне – среди подчиненных укрепился, и даже ранее строптивые молодые девицы (а молодые девицы всегда строптивы) становились все более вежливыми и предупредительными. Признаюсь, мне это нравилось. каюсь, я стал входить во вкус «вершителя судеб».

Наш отдел постепенно стал неплохо работать, и это было заметно на общем фоне тружеников СКБ. Я ухитрялся добавлять немного денег и другим структурам моего отдела, мало-помалу все стали демонстрировать трудолюбие и уважительное отношение к своему начальству, то есть ко мне. Постепенно я пришел к мысли, что поддерживать нормальные отношения с подчиненными и при этом добиваться хороших результатов в работе не очень трудно, если в руках есть кое-какие рычаги. И конечно, скромно про себя добавлял – если кроме рычагов есть голова на плечах.

Только одна мысль портила благостное впечатление мне, а еще больше моим подчиненным – бессмысленность нашего трудолюбия и никому не нужные его результаты. Вроде перетаскивания камней с места на место. У меня хотя бы была цель... Впрочем я до поры до времени старался об этом не думать.

В этом состоянии едва ли не эйфории от моих неожиданных успехов на поприще менеджмента я все-таки ощущал и отрицательные результаты своей «новой экономической политики». Происходило то, чего я опасался – мои отношения с другими отделами не налаживались, скорее наоборот. Ведущие и ведомые работники соседних подразделений еще кое-как прощали нам трудовой энтузиазм, иронически пожимая плечами – дураков работа любит. Но не замечать регулярную добавку к чужой зарплате в виде премий – вы это тоже отлично понимаете – было выше сил человеческих.

Мы, естественно, с народом не ссорились, люди как-никак цивилизованные, никто на меня волком не смотрел, здоровались, иногда при случае перебрасывались несколькими словами – но и только. Большинство – мне казалось – считали меня авантюристом, а то и просто-напросто прохиндеем. И спустя какое-то время я перестал набиваться в друзья и постарался сохранять со всеми ровные, корректные отношения, чуть холодные, чуть отстраненные, но это было лучше, чем без конца выяснять на трезвую голову: «Ты мне друг, ты меня уважаешь?».

И все-таки мне повезло – я друзей нашел. Довольно быстро у нас с Генрихом и Жетес Садатовичем образовалась своя, по-настоящему дружная компания. Что-то нас объединяло, может быть ироничное отношение к окружающей нас действительности, я имею в виду не только обстановку в СКБ - к этому времени мы, все трое, уже были убежденными антисоветчиками.

Генрих был повыше меня, Жетес Садатович пониже и поплотнее, словом мы напоминали троицу из условного Саратова, но – как и положено в истории – на новом витке спирали.

Я между прочим, только сейчас обратил внимание на наш национальный состав. Немец, казах и еврей, славян среди нас не было. Будем считать это просто совпадением, не дадим повода русским националистам, которых сейчас развелось видимо-невидимо, утверждать, что инородцы, как их не корми... ну, вы знаете, что они говорят.

Должен признать, что недовольство властью у нас проявлялось только в форме брюзжания, дальше этого ни мысли, ни тем более наши действия не заходили. Становиться диссидентами никто не собирався, потому что мы были убеждены в бесполезности этих подвигов. Мы не сомневались – как и большинство, особенно в провинции – что наша социалистическая система действительно неизменяемый

тысячелетний рейх, и конца в обозримом будущем ей не будет. Ворчать и не любить можно – думали мы, - но биться головой о стену не стоит.

Поэтому неудивительно, что гораздо больше нас волновали и расстраивали личные заботы, а именно дела нашей конторы. И в обсуждении этой темы мы проявляли массу остроумия и злословия.

Сейчас в это трудно поверить, но мы искренне огорчились. Мы были неплохими специалистами и – как Карлсон, который живет на крыше – в самом расцвете сил. Было обидно тратить эти золотые годы впустую. Сегодня такие мысли кажутся в высшей степени наивными, и вы думаете, что я просто кокетничаю. Платят деньги, никаких хлопот, чего вам еще нужно? И все-таки это правда, тогда многие грешили идеализмом, он к тому времени ещё не выветрился, отрезвление наступило немного позже, в годы «расцвета застоя».

Я думаю, если бы наша бесполезность выглядела не настолько демонстративной, то мы бы стерпели, привыкли. Были бы, как все. В конце концов, многие предприятия в Союзе и соответственно их работники приносили обществу больше вреда, чем пользы. Но так далеко в реальной жизни никто не заглядывал. Если видимость нормы была соблюдена, то это всех устраивало.

А наше СКБ даже видимости не соблюдало. И не было шансов на перемены. Пенсионное существование. Нам откровенно платили неплохую – по меркам тех дней – зарплату только за то, чтобы мы ничего полезного не делали.

Нужно признать, что в моральном отношении мне было легче, чем моим друзьям – перспективу получения квартиры можно было считать надежной индульгенцией прошлых и будущих грехов. Но несмотря на это в моей дурацкой – такую оценку я себе давал – активности было что-то унижительное.

У Жетеса Садатовича такого оправдания не было, но было другое – относительно солидный возраст, семья, дочь собирается выйти замуж, сын оканчивает школу, жена побаливает, не работает. Не до жиру. Но невозможность проявить свои поистине уникальные способности не могла его не огорчать.

Жетес Садатович, как я уже говорил, был начальником лаборатории нашего несуществующего завода. Потомственный казах сорока восьми лет отроду, войну закончил капитаном, потом институт метрологии с отличием - между прочим в Харькове, то есть на общих основаниях, без всяких национальных льгот. Добрейший, тактичный, мягкий человек. Но я говорил о способностях. Он, казалось, знал все на свете. Один из тех не слишком часто встречающихся людей, у которых энциклопедический склад ума в сочетании с великолепной памятью. Он много, хотя и бессистемно читал, в том числе и на работе – слишком много было свободного времени. У него можно было получить хоть иногда не полную, но достоверную информацию в любом направлении - от способов приготовления сорго, до скорости последних атомных бомбардировщиков. Мог ли такой человек не огорчаться тем, что должен набираться терпения и без всякой пользы отсиживать «на работе» каждый день восемь кажущихся бесконечными часов?

Но больше нас всех расстраивался Генрих. В отличие от своего сдержанного и суховатого соплеменника Андрея Гетте из условного Саратова, он был приветлив, общителен и для остзейского немца необычайно эмоционален. Он все время носился с мечтами о побеге с этой каторги безделья. Но ему менять место работы было очень непросто. Во-первых, найти такую зарплату в сочетании с интересной работой само по себе нелегко. Но был еще один якорь, который крепко держал его в СКБ – исключительно прочное и независимое положение. Я об этом уже упоминал. Чем бы ни кончилось противостояние директора и главного инженера, он ничем не рисковал. Все остальные

волновались в ожидании грядущих событий, ходили упорные слухи что Исабаев рано или поздно станет директором, его клан – или тайп, или тейп, не знаю как точно это называется - неуклонно поднимался по служебной лестнице, не забывая своих родственников. А вдобавок Сан Саныч своим бессмысленным упрямством наживал себе немало врагов.

Причин опасаться этих перемен хватало не только у меня - Сан Саныч был человеком не злопамятным, хотя немного взбалмошным, пошумит, пошумит, но гадостей не сделает. А от Исабаева неизвестно чего можно ожидать, он был человеком настолько же улыбчивым, насколько и скрытным. Что у него было за душой, никто не знал. Восток дело тонкое. И темное. Но Генриха перемены могли не волновать, его супруга Ирина Борисовна, кстати, чиновник среднего ранга, была ближайшей подругой жены Сан Саныча, а с другой стороны с Исабаевым – я уже коротко об этом упоминал - его тоже связывала давняя дружба. Если бы не Генрих, то наш Главный инженер наверно до сих пор сдавал бы экзамены и курсовые работы в институте. То есть при любых поворотах ситуации в УГШО Генрих оставался фаворитом. Таким преимуществом трудно было пренебречь, поэтому властная и уверенная в себе Ирина Борисовна, которая была – на мой взгляд – не только хозяйкой, но и хозяином в их семье, даже думать об этом не позволяла.

Вот таким образом мы добрались и до Главного инженера, который занимает особое место в моих воспоминаниях. У вас еще будет возможность встретиться с ним, тогда поговорим подробнее. А сейчас только одно замечание. В литературе, есть много персонажей, которых можно назвать ну если не негодьями, то подлыми людьми, что звучит вроде бы помягче. Яго, Урия Гип Диккенса, Рашли Осбалдистон Вальтер Скота, Тартюф Мольера, и многие другие. Я имею в виду не бандитов, убийц и грабителей, а людей, которые просто не различают, что порядочно, а что мерзко, как дальтоники не различают цветов. В литературе и на экране таких много, а вот в жизни мне они не попадались. Но Главный инженер завода УГШО был очень близок к этим антигероям. Как-то язык не поворачивается назвать человека, которого знал, подлым или того пуще негодяем, возможно только поэтому я и сдержан в определениях.

Когда я говорил о Хвалове, то предупреждал, что могу быть необъективным, потому что у нас с ним были проблемы. Но в отношении Исабаева я объективен, потому что он до моего увольнения из СКБ со мной почти не общался. Было, правда, одно непростое событие, но все меня уверяли, что к нему Исабаев никакого отношения не имел. А в остальном - он меня не замечал. Генрих ему как-то сказал, что я тоже бывший боксер, только в другой весовой категории, потяжелее, но это интереса у Исабаева не вызвало. Вообще он замечал только тех, кто ему был полезен или тех, кто чем-нибудь мог навредить. Так он был устроен. Но пока хватит о нем. Мы еще вернемся к Исабаеву, когда будет для этого удобный случай.

А пока пора рассказать о личной жизни, которая временно отошла на второй план из-за слишком бурного начала моей работы в СКБ УГШО.

2.18 Личная жизнь.

Моя личная жизнь протекала в двух направлениях, как это обычно и бывает. Первое направление это дружеские связи, развлечения и прочее в том же духе. В этом смысле личная жизнь у меня была и на работе, и после работы. Мы с Генрихом и Жетес Садатовичем несколько раз в день ходили в гости друг к другу, это очень украшало и облегчало наши трудовые будни. Как ни странно, после работы мы не встречались, семьями не дружили, даже тогда, когда у меня появилась семья. Скорей всего наши жены

то ли по возрасту, то ли по другим каким-то причинам не совмещались. Но время от времени мы втроем все-таки собирались вечером на час-другой в каком-нибудь кафе позубоскалить в сопровождении горячительного по поводу работы, начальства и советской власти. А три раза в году такие встречи совмещались с днями рождения участников.

Каждую субботу наша «бракка», как и раньше, собиралась на шашлыки у меня, точнее у бабки в огороде. Пока в полном составе. Переезд Нины Чижевской в новую семью отложили почти на три месяца, и нас всех – по-моему, Нину тоже – это вполне устраивало. Причину Нина нам сдержано и конспективно объяснила – родители Хвалова намеревались через какое-то время – месяца через полтора - поехать в санаторий, дочка должна была оставаться целиком попечении отца, поэтому все сочли за лучшее не рисковать и объединение отложить до их возвращения.

Что еще? Читал, когда были силы. Один раз вместе с Анной Ванной и Ниной Чижевской тайно от Хвалова ходили на концерт, кажется Пугачевой. Билеты были месткомовские, уцененные, а так как Людмила Михайловна идти отказалась, то женщины решили, что их устроит член другого профсоюза. Анна Ванна двусмысленно острила по этому поводу, Нина не поддерживала, но улыбалась, не ханжила. По-моему, только я испытывал неловкость...

Наш с бабкой дом был в двух шагах от автобусной остановки, Анна Ванна и Нина Чижевская жили немного дальше от неё, поэтому они, возвращаясь с работы, проходили мимо нас. Анна Ванна пораньше, Нина с Андрюшкой чуть позже – она забирала сына из садика. Иногда кто-то из них усаживался на скамейку возле нашего забора, если я к этому времени уже был дома, что случалось не часто. Анна Ванна обычно сидела по-хозяйски, спокойно, никуда не торопилась, обязательно угощала меня чем-нибудь вкусненьким – у нее всегда было с собой. Нина была как на иголках, косилась на дорогу, не появится ли Победа. Но Андрюшка очень просил разрешить ему сбегать в огород, он любил сельское хозяйство. А иногда Нина тоже сидела спокойно, Андрюшку не торопила, и тогда я догадывался, что Хвалова на заводе нет. В таких случаях она даже – представьте себе – немного откровенничала. Так как один раз плотину уже прорвало – вы помните вечер на майские праздники? – то она позволяла себе кое-чем делиться со мной. Молчать, держать все в себе наверно устала. Я это ценил.

Я понял, главное, что её беспокоит – если не получится с Хваловым, точнее с полковником и полковницей, то она вынуждена снова будет идти с ребенком на улицу, в смысле на съем квартиры. Разменивать чужое жилье – как это было тогда повсеместно принято – «на две квартиры в разных районах» она по природе своей не могла. А в те благословенные времена уйма несчастных не ужившихся семей занимались такими разменами. Или в ожидании «квартиры в разных районах» жили с новыми супругами в одной, хорошо, если не в одной комнате. Б-р-р.

Я прекрасно её понимал.

Раза два в месяц по воскресеньям я ездил к Илье, который выслушивал мои новости с каким-то мрачно-неодобрительным интересом. Он говорил:

- Когда я тебя слушаю, то как будто читаю плутовской роман с продолжением.

Иногда он угощал мною жену:

- Зина, иди сюда. Послушай очередную главу нового Томаса Манна «Признания авантюриста Феликса Круля».

Начитанный был мальчик.

А мои планы скоропостижной женитьбы ради получения квартиры приводили его в ужас. Чувство юмора в таких случаях ему напрочь отказывало .

Но все это было одно направление личной жизни. А вторым должны были быть отношения с близкой мне женщиной, или близкие отношения с близкой мне женщиной, это уж как получится. Только в таком случае человек не считается одиноким. И только в таком случае он сам себя одиноким не чувствует, говорю на основании своего личного опыта. Но таких отношений у меня после расставания с Людочкой не было, и это было не просто тревожно, а по-настоящему опасно. И не потому, что я был таким отчаянным бабником, который не может обойтись два-три месяца без подруги. Просто без всяких отношений с женщиной трудно образовывать семью. А сроки поджимали. Ко мне уже походил секретарь парторганизации – его взял на работу Сан Саныч, значит, он был из «наших» – и сказал, что к ноябрьским праздникам будет окончательно утверждаться список на первый дом. Он мне доверительно подмигнул, и сказал, чтобы я торопился, пока ничего не изменилось. Определенно намекал на возможную победу Исабаева. Нужно было торопиться. Но как? Как торопиться?

В новой организации, к слову сказать, было в этом направлении намного больше возможностей, чем на станкозаводе. Только у меня в отделе было двадцать женщин в основном молодых, в основном симпатичных, в основном ухоженных, в основном довольно интеллигентных, что признаюсь, имело для меня большое значение. Они ходили на работу, как сейчас ходят на тусовки. И это только в одном отделе. А вообще в СКБ?

В свой банк данных в первые же дни работы в качестве кандидата на вакантную должность хозяйки трехкомнатной квартиры с видом на серебряные вершины гор я занес начальника сектора моего отдела, молодую и симпатичную женщину с прекрасным именем Азима. В переводе – она сама мне сказала – это значит женственная. Именно такой Азима и была. Улыбчивая, может немного пухленькая, но чуть-чуть, совсем немного, как будто только для того, чтобы подчеркнуть свою женственность и мягкость. Может с европейской точки зрения она могла бы быть повыше ростом, может немного были широковаты бедра, может недостаточно продолговатое лицо, но все равно все в комплекте смотрелось отлично, просто колорит был восточный. Знаете поговорку – главное, чтоб человек был хороший? Так вот, при первом взгляде на Азиму было понятно, что она надежный и искренний человек, хоть и женщина. Она была разведена, и как по заказу у неё уже был готовый парнишка двух лет, правда не белокурый, а смуглый и черноволосый. Но очень симпатичный. Азима его приводила как-то раз на работу, не с кем было дома оставить. Другим бы я не разрешил, а ей отказать не мог. И я уверен, она тоже благоволила бы ко мне, если бы я не перестарался на поприще интриг. Когда я попытался с ней – очень осторожно, как-никак начальник – перейти на дружеские рельсы, она посмотрела на меня сурово и неодобрительно. Как же это, ведь у меня есть любимая женщина, ради которой я поменял Одессу на Столицу? Это известно всем в СКБ, во всяком случае, женскому составу.

Оригинальная идея, которую я использовал в разговоре с Жанат, стала приносить неожиданные плоды. Предчувствие, что эта выдумка добром не кончится, стало оправдываться. Я проклинал свои некстати проявившиеся способности к интригам, но было поздно. На работе мне путь к решению матримониальных планов кажется был закрыт.

И все-таки я Азиму из банка данных не вычеркнул, тем более, что она там была в единственном числе. Я даже думал иногда, грешным делом, не восстановить ли отношения с Людочкой и снова внести её в список соискателей. Но после скандала со Змеей это было не очень реально, а кроме того смысла не имело. С ней или без неё мне все равно положена только однокомнатная квартира. Согласитесь, приехать в далекую

Столицу, костями лечь ради однокомнатной бесперспективной квартиры в высшей степени глупо. Она будет камнем висеть на шее, никакая семья там не возможна. Уж лучше оставаться «безлошадным», но свободным... Хотя зачем в таком случае я пустился во все тяжкие? Я не решался признаться себе, что дело шло к фиктивному браку. Но какой смысл кому-то идти на эти жертвы? Какая от меня польза?..

А тут еще Генрих мне добавил волнений. Он сказал, что Сан Саныч живо интересуется моей избранницей. Очень хочет взглянуть на женщину, ради которой можно совершить такой подвиг. Она должна быть особенной, не иначе. Принцессой. Когда они оба – Сан Саныч и Генрих - удостоятся чести с ней познакомиться?

- Чтоб Сан Саныч от меня отстал, я ему подбросил идею. А вдруг никакой принцессы нет, и ты это выдумал?

Я живо заинтересовался таким вариантом.

- Ну и что он сказал?

- Ужасно возмутился. Ты его знаешь. Набросился на меня. А еще, мол, его другом называешься. По-твоему Борис мелкий брехун? Нет уж, я не мог так ошибиться в человеке. В людях, мол, я отлично разбираюсь.

Это было серьезно. Умение разбираться в людях было идеей фикс Сан Саныча. Вранье он бы мне простил, а вот свою ошибку во мне, как в порядочном человеке, простить бы не смог. И еще я понял, что даже мой единственный, хотя и теоретический, вариант Людочка здесь тоже не проходит. Она была симпатичной девочкой, но на принцессу, ради которой можно покинут Южную Пальмиру, не тянула. Дело становилось из рук вон плохо.

Помню, я тогда ответил Генриху что-то невразумительное, но про себя принял решение – нужно потихоньку внедрять в массы мысль, что у меня с моей виртуальной невестой отношения не ладятся. И внедрять эту мысль как можно быстрее. Времени вообще не оставалось. Секретарь нашей парторганизации уже устал мне подмигивать.

Поэтому когда Генрих в очередной раз спросил, когда можно будет повидать мою принцессу, я изобразил уныние, и дал понять, что у нас с ней отношения разлаживаются. Я мужественно взял все на себя, сказал, что по-моему принцесса меня не так любит, как казалось раньше. Затем пошел еще дальше и добавил, что возможно действительно не заслуживаю от жизни такого подарка... И далее в том же духе. Это самоуничужение я наложил на себя сознательно, как епитимию за нелюбимую ложь.

Андрей тоже огорчился и не только посочувствовал мне, но и подбодрил:

- Все будет хорошо, не сдавайся. Такие как ты тоже на дороге не валяются.

А присутствующий при разговоре Жетес Садатович его поддержал.

- Главное терпение. Ты, Боря, иногда бываешь ершистым. Заботой можно всего добиться. Ты сможешь.

Друзья в меня верили. Что было делать? Я сказал, что обещаю не подвести.

А дальше началась странная история. С тех пор несуществующую невесту с легкой руки Генриха я мысленно стал называть принцессой. И удивительная вещь, она стала в моих мыслях постепенно вроде бы материализоваться. Вот только внешность я ей не мог подобрать, какой-то туманный силуэт, как в театре теней. И еще одно тоже странное явление - я чувствовал, как мы с ней все дальше уходим друг от друга, и испытывал при этом реальное, а не выдуманное огорчение. Поэтому мои периодические «откровения» с Генрихом звучали довольно искренне. Я говорил, что разрыв становится неизбежным и при этом чувствовал боль и тяжесть в груди. Еще одно последствие этого феномена - постепенно я стал все больше и больше сомневаться в своих возможностях добиваться

успеха у женщин. Я с трудом отделял реальность от фантазии. Странно, на меня это в принципе было не очень похоже...

Но жизнь полна перемен, в том числе реальных, а не выдуманных, не виртуальных. В противовес этой ипохондрии стали поступать сведения, что у меня еще сохранились шансы нравиться противоположному полу.

Сейчас я перейду к самобичеванию, чего мне страшно не хочется. Но ничего кроме правды...

Однажды возвращаясь в автобусе с работы, я приготовился выходить на своей остановке. И вдруг через окошко увидел сидящую на моей скамейке Людочку. Я не колебался ни минуты и отпрянул внутрь автобуса. Доехал до аэропорта, поужинал в ресторане, немного выпил для храбрости – а может от угрызений совести? – и вернулся домой. Людочки, само собой, на скамейке уже не было. Не красиво, согласен, но что я мог ей сказать?

Спустя какое-то время эта история имела продолжение. Однажды Анна Ванна после работы подседа ко мне на скамейку, чем-то угостила, кажется семечками, и после нескольких заводских сплетен как бы случайно перешла к главному. Оказывается Людочка заходила к ней в завком. Вроде бы узнать, есть ли туристические путевки. Они разговорились, собственно для этого, видимо, Людочка и приходила.

- Ей эта путевка была нужна как чирий на ..., - и Анна Ванна уточнила, на каком именно месте. Когда она испытывала неловкость, то буквально ныряла в простонародность. – Кой хрен ей путевки, она просто хотела поговорить со мной об жизни.

Короче, слово за слово, Людочка сказала, что ей пошел двадцать пятый год, что ей надоело быть веселой и не очень серьезной.

- Тут она покраснела, как буряк, наверно Иванченко где-то хорошо икнулось. И призналась по секрету, что хочет иметь семью и ребенка, как всякая нормальная баба. Не, она сказала не баба, а женщина. Хотя это один хрен.

Анна Ванна внимательно посмотрела на меня. Я молчал, хотя наверно тоже покраснел, как буряк.

- Но не от первого встречного, а от любимого мужика. Не, она сказала не от мужика, а от человека. Тоже один хрен. Как ты думаешь, нафиг она мне это рассказала?

Анна Ванна сказала не «нафиг», покрепче, наверно совсем расстроилась. Я ничего не мог выдать из себя, только – как мне казалось – добавил краски.

Но она поняла меня правильно.

- Не, я её прямо спросила. Не, ребенка никакого нет, - я невольно с облегчением вздохнул, - она хочет в принципе.

Я молчал. Анна Ванна еще немного посидела, мне кажется выматерилась про себя. Потом, отсыпала мне немного семечек, встала.

- Ну ладно, я пошла. В субботу в семь?

Я кивнул.

И она ушла.

Так насчет самобичевания. Хочу признаться, что когда я представил себе Людочку с моим ребенком на руках в трехкомнатной квартире, то без всяких колебаний вычеркнул её из списка. Эта картина напугала меня гораздо больше, чем все предыдущие сомнения насчет однокомнатного семейного счастья.

Людочка больше ко мне не приезжала и на нашей скамейке не сидела. Она знала, что Анна Ванна передаст мне разговор, и раз я не позвонил, то... Словом, ей все стало ясно. Я об этом узнал, когда мы с ней года через два случайно встретились на улице.

Потом посидели в кафе, хорошо поговорили. Мы уже оба тогда обзавелись семьями. Она вышла за своего жениха, того, которого когда-то забрали в армию. Была ли она с ним счастлива, не знаю, по виду не очень. А я, какой вид тогда был у меня? Об этом лучше спросить у Людочки...

Примерно в это же время поступил еще один сигнал, доказывающий, что для меня еще не все потеряно. Может, правда, он мне просто почудился, сто процентной гарантии не даю. Хотя я думаю, что сигнал все-таки был, но в неявном виде. Почему в неявном, я объясню чуть позже.

Все началось с Саши Мекка. Он был прирожденным нормоконтролером, дотошный, трудолюбивый, педантичный. Молчаливый. Целый день он сидел, не поднимая головы, за своим рабочим столом, подавал личный пример подчиненным – говорю это с белой завистью. Кроме того Саша был неконфликтным человеком с отлично развитым чувством субординации. Он мне заботливо рассказывал, какое ко мне отношение в других отделах, кого надо бояться, кто меня ругает, а кто не ругает и прочее в таком же духе. Он освобождал меня от многих неприятных и бессмысленных – с моей точки зрения - дел. Все работы по общеконструкторским нормативным материалам он взял на себя. Но у него, оказалось, все-таки была ахиллесова пята - Саша совершенно не мог писать текстовые документы. Это было удивительно! В его предложениях слова теснились в беспорядке, сталкивались друг с другом, не соблюдая никаких правил и согласования. А каждое последующее предложение обязательно не стыковалось с предыдущим. Я правда раньше тоже замечал в его разговоре вольное обращение со склонениями и спряжениями, но это было не так заметно, как в письме. В принципе, подобные проблемы бывают не так редко, как кажется, и даже у людей связанных с литературой. Когда-то Александр Архангельский написал эпиграмму, в которой намекал на очень популярного в свое время прекрасного рассказчика:

Как говорит, как слог хорош,
Сидит аудитория не дышит,
Зато её бросает в дрожь,
Когда он что-нибудь напишет.

От Саши никто не требовал качественного литературного текста, но то, что он писал, было совершенно неудобоваримо, и вдобавок отнимало у него массу сил и времени - с нулевым результатом. Наверно он слишком долго в детстве говорил только на немецком языке, а скорей всего просто это было его свойством. Существует же такое заболевание – писчий спазм, когда человек нормальный и разумный не может писать. У Саши была другая форма спазма.

Как бы то не было, получалось, что я сам должен был всей этой ерундой заниматься. Искусно продуманная и выполненная система, при которой я должен только наблюдать и изредка щелкать бичом летела в тартарары. В нормалях предполагался большой объем текстовых документов. А в приложениях должны быть примеры – в полном объеме - инструкций по обслуживанию, расчетно-пояснительные записки и много всякой всячины. Получалось, что я должен буду как Саша Мекк сидеть за рабочим столом не поднимая головы...

Я стал искать выход. И без особой надежды обратился по старшинству к начальнику сектора уже упомянутой Азиме. Она была молода для этой должности, всего четыре года тому назад окончила институт, наверно у неё был солидный родственник. Но выхода не

было, и я решил лучше ей помогать, чем делать самому. Я для начала поручил ей образец записки к техническому заданию, достаточно короткий документ. Нужно было взять готовое задание, и переоформить его по новым требованиям, кое что добавить, кое что убрать, согласовать с главными конструкторами проектов и ведущими конструкторами. Дело не простое. Дал месяц срока и постарался пока больше об этом не думать и не расстраиваться заранее.

Дорогие мои, через месяц она мне принесла отлично выполненную, с четкими рисунками записку, со всеми согласованную. Все в соответствии с ЕСКД. Я, честно признаюсь, не стал её проверять, зачем копать, когда есть бюрократ Саша. Замначальника отдела Мекк вернул мне её через неделю, и похоронным голосом сказал, что все хорошо и замечаний у него нет. Видно было, чего это ему стоило. Помню, я тогда подумал, что не так уж он безобиден...

Так я понял, что Азима не только симпатичная, но и толковая девица, простите женщина. Оказалось, она окончила какой-то факультет по профилю нашего СКБ, кажется шахтное оборудование, разбиралась в названиях типа штрек, горизонт, скважина и прочих загадочных вещах, которые я даже не пытался освоить. Это позволяло ей в описаниях чувствовать себя уверенно. И слог у неё был неплохой, уверяю вас. Словом, мне повезло, я немедленно взвалил на неё всю эту работу и вздохнул с облегчением.

Но упорный Саша Мекк мне все-таки скучать не давал. Он очень дипломатично, тактично, незаметно не давал Азиме развернуться. Не тормозил, а легонько... притормаживал. То в копировке отложит её материалы, то в архиве заберет то, что ей нужно, то девочку из её же сектора не даст. А проверять её работы я должен был сам, потому что иначе они у него зависали надолго. Он ревновал, но делал это так тихо и ненавязчиво, что я понял – Саша бюрократ намного более высокого ранга, чем я, самоучка.

Словом, с Азимой мне пришлось общаться больше, чем с другими. Проверять её документы, урезонивать Сашу.

А как же насчет сигнала? Он, я считаю, все-таки поступил.

Однажды я понял, что сведения о моем предполагаемом разрыве с предполагаемой невестой все-таки до Азимы дошли. Заинтересованные лица об этом как-то узнали, кто-то проболтался. Скорей всего это был я, причем сознательно, в соответствии с планом. Эти сведения распространились не потому, что был большой интерес у общественности к моей особе, а потому, что общественности просто не фиг было делать.

И трудно было не заметить, что Азима время от времени стала проявлять сочувствие моим бедам. Она могла совершенно не к месту вдруг уверять, что у меня все будет хорошо, не объясняя, о чем идет речь. Казалось бы ничего странного, почему такой добрый и чуткий человек, как Азима не должен сочувствовать сотруднику, у которого случилась беда? Но зачем при этом краснеть как маков цвет? Зачем вспыхивать, когда я случайно касаюсь её руки?

В свою защиту в данном случае у меня – как говорят в Одессе - есть вам что сказать. Я сделал все, чтобы сигнал был неявным. Я помнил Мусю, а Людочка была совсем недавно, и не хотел втягивать хорошего – очень хорошего – человека в историю, пока я сам точно не решу, чего хочу. Я держал нас строго на деловом расстоянии. Да, я незаметно наблюдал за ней, присматривался, и не скрою, мне это доставляло удовольствие. Я присматривался к ней и прислушивался к себе. Она была умной девочкой, ладно, женщиной, и читала намного больше, чем я – помните мой пунктик? Как к человеку меня к ней тянуло, а как женщина она меня совершенно... не беспокоила.

Вполне естественно может возникнуть вопрос – смущало ли меня то, что она казашка? Отвечаю как на духу - абсолютно не смущало, может даже немного добавляло экзотики. Это был обычный рядовой случай. Много моих знакомых было женато на казашках, немках, татарках. Это отмечалось в уме просто как факт, чтобы отличать человека, ничего больше. Как, скажем, блондинка или брюнетка. А креолки местного разлива были, как правило, очень хороши, и все это знали.

Столица и её окрестности в те времена представляла собой настоящий интернационал. Кроме коренных народов там были представлены едва ли не все национальности нашей необъятной страны, во всяком случае, её европейской части. «Все флаги в гости». Флаги-то все, но большинство в свое время приехало не в гости и не по своей воле. Евреи в основном появились во время войны, эвакуированные. В свое время сюда прибывали депортированные, высланные, перемещенные, отправленные на поселения, отсидевшие без права возвращения в родные края, сбежавшие от карающего меча революции и так далее. Много немцев, колониями и в розницу, татар крымских и из Татарстана, целые колонии корейцев (откуда?). После сталинской депортации появилось немало кавказцев, жили они компактной группой, национальность их никто не знал, так и называли - «кавказцы». Кстати, их все боялись, наверно не меньше, чем сейчас – стойкая ментальность. Бабка-хозяйка была с Украины, из раскулаченных, попала в Столицу через Сибирь, и на этом тернистом пути потеряла всех близких молодых и старых. Она ходила в большую общину раскулаченных в сталинские времена. Только в двадцатые годы по статистике в Республику выслали 160 тысяч раскулаченных! По тем временам это масштаб. А потом? После Мюнхенского сговора? Всех не перечислишь. В республике они и прижились. Такая у нас была страна...

Но зато в этом интернационале не очень разбирались, у кого какие корни.

Правда, нужно не забывать, что мое увлечение было на стадии романтических отношений. Если бы я принял решение жениться, то меня, наверно, кое-что бы тревожило. Нет, конечно не она, с ней было бы все в порядке, я имею в виду её родителей. Как они примут зятя не мусульманина, может у них какие-то особые традиции – бывало и такое, особенно со старшим поколением, которое относительно недавно переселились из аула. Но что касается антисемитизма – могу с уверенностью сказать, от русских или украинских родителей и родственников можно было ждать намного больше неприятностей. Если вы читали первую часть воспоминаний, то знаете, что это я уже проходил. Я не намекаю, а прямо говорю, что даже здесь, в далеком Столичном интернационале, женившись на русской, я скорей мог нарваться на скрытый или явный антисемитизм. К сожалению это так. Хотя, повторю, национальные и расовые различия в том месте и в то время особой роли не играли.

Конечно были и националисты – как же без них, они называли казахов «звери». Но это было исключением из правил, и такие люди вызывали отторжение. Наверняка было что-то подобное и со стороны отдельных казахов, но тоже погоды не делало.

2.19. Париж стоит мессы.

К концу лета уже можно было сделать определенные выводы. Первый тайм на работе я в общем выиграл. Отдел работал не плохо, а главное на автопилоте. Мое участие могло быть минимальным, чего – вы знаете - я добивался. За пару дней до конца месяца мы собирались с Мекком, Жетес Садатовичем, гидравликом и электриком и проверяли выполнение планов исполнителями. Потом корректировали их планы на следующий месяц. Затем я щелкал бичом - в одиночестве – то есть составлял список

проштрафившихся, тех кому премия была не положена. Мы с моими помощниками по этому поводу не советовались, я все решал единолично, и их это вполне устраивало. Таким образом они не ссорились с подчиненными и всегда могли свалить вину на меня. Мне как-то даже пришла в голову мысль, что при желании они имели возможность натравить людей на меня, выставив таким самодуром. Мол я его убеждал, но вы знаете, он никого не слушает. Мы тут вкальваем, а он сидит у себя в кабинете и в ус не дует... Но кому это может понадобиться? Мысль из головы ушла и долго не возвращалась.

Хотя доля правды в том, что я целыми днями в ус не дул была. Большая доля. Действительно, у меня появилась масса свободного времени, что – как вы знаете – мне принципиально противопоказано. Вначале я держался, с деловым видом ходил в массы, смотрел «как идут дела», по существу отвлекал всех от работы. Еще на какое-то время ходил в гости к Генриху и Жетес Садатовичу, или принимал их у себя. Я даже стал общаться с одним главным инженером проекта, – ГИПом - который разговаривал со мной охотно и миролюбиво. Правда у него был псориаз, но я узнал, что это не заразное и его расцветка не мешала нашим отношениям.

Я интересовался конструкцией манипулятора с перфоратором, довольно сложным сооружением, и с трудом удерживался от замечаний, видя серьезные ляпы. Я не был горняком, но общие правила знал, знал, когда узел не будет работать. Но молчал, как партизан. И все равно Саша Мекк добросовестно сообщил, что этот ГИП потом плохо обо мне отозвался. Но, увы, сотрудников – как родителей – не выбирают, и я продолжал с ним поддерживать отношения, как ни в чем не бывало.

Иногда меня развлекал директор, но когда дело пошло на поток, он постепенно стал терять ко мне интерес.

Непосредственным моим начальником был Главный конструктор СКБ некто Аркадьев.

Он был по иерархии третьим лицом в организации. С директором и главным инженером вы знакомы, поэтому по лесенке «дружбы народов» Аркадьев был русским, во всяком случае не казахом.

«Лесенка дружбы народов» была придумана для верхних эшелонов, внизу была «кадровая политика». В Республике она была чем-то похожа на кадровую политику в Украине, но с одним - значительным - отличием. В Украине остро стоял вопрос «почему в организации так много евреев?», а здесь этот вопрос звучал иначе: «Почему в организации так мало казахов?». Но тоже звучал со всей силой и остротой. И в результате прием на работу лицам титульной нации был тоже льготным, как и высшее образование. Кстати, так же как переезд из села в город, как получение квартиры и так далее. Партийные органы контролировали национальный состав на предприятиях, а это - сами понимаете - обязывало! За национальными кадрами охотились, приманивали их и прикармливали... И не забудьте что титульная нация была тогда в меньшинстве.

Вроде бы с точки зрения создания национальных кадров это было разумно. И в принципе казахи люди толковые, доброжелательные и не заносчивые. Как работники, они, безусловно, не хуже и не лучше всех остальных. Но облегченное обучение, облегченный поиск работы и облегченное получение солидных должностей в сумме не могло не сыграть свою роль. То есть слишком часто, скажем, ведущий конструктор-казак был бы отличным конструктором второй категории. А в моем отделе было пять секторов, и три их начальницы были казашки. Смягчало ситуацию то, что многие национальные кадры не стремились в производство, а оседали в кабинетах, где такие глупости как знания и

умение роли не играли. Вот вам обратная сторона вроде бы справедливой советской национальной политики.

Народ к этому привык и считал это естественным. Тоже странность психологии, потому что на дискриминацию при приеме в институты реагировали очень бурно. А на рабочих местах – нет, зла не таили, даже если отпетый двоечник становился главным инженером. Я опять об Исабаеве, но об этом рассказ еще предстоит...

Мои личные впечатления конечно статистикой нельзя назвать, тем более что часто бывали исключения, причем в обе стороны. Например, в моем отделе казашка по имени Элеонора(!), симпатичная женщина лет тридцати и одновременно начальник сектора нормирования, где кроме неё была только одна еще более бестолковая украинка... Хотя нет, все-таки Элеонора была вне конкуренции.

А с другой стороны дорогие мне Жетес Садатович и Азима?

Кажется, я оправдываюсь? Конечно, оправдываюсь, потому что оценивать способности народа, нации, даже если ты безудержно хвалишь её таланты (вы понимаете, о каком народе и о какой нации я сейчас говорю?) – дело неприличное и бесплодное. Тем более, если высказываешь какие-то сомнения. Поэтому лучше вернуться к рассказу о своих делах. Так будет спокойнее.

Простите за длинное отступление. Я говорил о моем начальнике, Главном конструкторе СКБ Аркадьеве.

Лет пятидесяти, в очках, полуседая волнистая шевелюра. Вроде бы все в порядке. Это был неплохой, неглупый и все-таки никакой человек. А ко всему прочему он был из той же серии, что Черномырдин и Лукашенко. Речь ему не подчинялась, она была сама по себе, отсюда появлялись такие афоризмы, что хоть стой, хоть падай. Раз в неделю были планерки, интерес к ним поддерживали его красочные выступления. Особенно хорошо они работали в паре с уже известной вам Элеонорой, которая кроме нормирования чертежей вела протоколы совещаний. Аркадьев был немного педантом, поэтому требовал подробных записей. Элеонора старалась на совесть. Она далеко не всегда понимала, о чем идет речь, поэтому записывала сказанное почти дословно.

Коронной была интермедия, которая повторялась довольно часто.

Аркадьев. Я с вас, Элеонора, не слезу, пока не проверю последний протокол.

Элеонора. Напугали! Я к этому готова и свое дело знаю.

И вариации на эту тему.

Удивительно, но они не замечали, как искажаются лица слушателей.

Аркадьев мне неприятностей не доставлял, хотя как человек опытный понимал, что я такой же бездельник, как и все в СКБ, а может еще похлеще. Как-то Саша Мекк мне доложил, что Аркадьев сказал: «Не пойму, почему у лентяя Полякова отдел работает лучше всех?». Я по наивности принял это как комплимент, считая, что моя задача в этом и заключается. Сам Аркадьев целый день был при деле и вечно затурканный. А я в свою очередь не понимал, где он находит столько занятий.

У меня деловой вид плохо получался. Боюсь, видно было, что я тоскую. Иногда вместе с Генрихом шел в цех, чтобы постоять возле неподвижной бурильной установки. Генрих торжественно склонял голову, подмигивал мне и говорил:

- Траурный митинг разрешите считать открытым. Предлагаю минуту молчания...

Мы бы сняли головные уборы, но их не было.

Установка даже отдаленно не была похожа на технику будущего, появления которой с нетерпением ждет промышленность. Краска кое-где начала облезать, трубопроводы и фитинги местами были обмотаны изолентой, как перевязки на ранах, -

наверно там подтекала гидравлика. И под машиной были масляные пятна. В этом не было ничего удивительного – нам всем было известно, что в Советском союзе гидравлика протекает. В других странах она не текла, а у нас даже на стоянках под каждой машиной обязательно было масляное пятно. Это тоже были родимые пятна социализма.

Я не открою Америки, если скажу, что все – или почти все - наши новые изделия рождались старичками, они уже при появлении на свет были в лучшем случае несовременными, а в худшем просто допотопными. От машин и до бритвы. Может быть кроме ракет и авиации, хотя и в этом последние годы советской власти появились сомнения. Это кажется просто необъяснимым – неужели все хотели работать плохо? Ведь были же хорошие и добросовестные конструкторы? А тем не менее объяснение есть. Как бывший конструктор ответственно говорю – на обычных советских предприятиях – не оборонке - при всем желании мало что можно было сделать, уж слишком разработчики зависели от общего уровня производства в стране. Любое изделие состоит из материалов, комплектующих, зависит от оборудования, на котором оно делается. У нас по сравнению «с ними» все было хуже. Даже по нормам качество любого материала было ниже, чем «у них», стенки литья толще, шланги грубые и жесткие, наши подшипники были менее точными, об электрике и электронике и говорить нечего. Да что там электроника, резинки нормальной для уплотнения нельзя было найти. Это была борьба с ветряными мельницами, и, в конце концов, каждый приходил к мысли – мне что, больше всех надо? Мы тогда восхищались Оруэллом «1984», считали этот роман блестящей пародией нашего будущего, хотя в действительности уже давно жили в стране всего устаревшего, вечно ремонтируемого и... морально ущербного.

Пример проектора для Останкинского телецентра, о котором я вам рассказывал, является исключением, которое только подтверждает правило. Это на общем фоне даже неплохого завода было нечто вроде подвига, уж слишком велика была мотивация для нас и наших поставщиков – решение правительства, престиж, деньги, международная общественность с нетерпением ждала. А в чем заключался «подвиг»? Мы просто изготовили аппарат такого уровня, как принято там, за бугром, «у них». И то – скажу по секрету – кое-что прикупили за границей, иначе не получалось.

Установка, возле которой мы с Генрихом скорбно стояли, была иллюстрацией к Оруэллу – куда более грубая и нескладная, чем американский прототип на красивой картинке проспекта. Не говоря уже о том, что оживить её пока не удавалось.

Я снова поймал себя на том, что опасаюсь вашей реакции. Возможно, вы посчитаете, что это скорее злой шарж, чем правдивые воспоминания. Но вероятней другое – мне, пожалуй, не хватает мастерства, чтобы изобразить прошлое так, как оно этого заслуживает. Там и плохого и хорошего было гораздо больше, чем мне удалось показать. Во всяком случае, я стараюсь изо всех сил не преувеличивать ни то, ни другое...

Но сколько можно было стоять в цехе? Развлечений на заводе было немного, и все равно приходилось возвращаться на свое рабочее место. Большую часть времени я сидел в своем кабинетике, тупо глядя на какой-то лист нормалей и предаваясь бесплодным сожалениям. Первый тайм в СКБ УГШО я действительно выиграл, а всю партию собирался проиграть. Я осознал, насколько самонадеянными и авантюрными были мои надежды в короткие сроки обзавестись более менее подходящей семьей. Хотя бы сносной. Конечно, Азима... возможно... а все-таки... Но когда дошло до дела, оказалось, что я не настолько циничен, а может просто боюсь взять на себя ответственность. Да и кто сказал, что она всерьез? А проверять пока не стоило.

Пора было принимать хоть какое-то решение. Я морально готовился к тому, чтобы рассказать Сан Санычу очередную легенду о принцессе, на этот раз о ссоре с ней. Пока

мысленно репетировал вариант – я еще сохраняю надежды, и поэтому прошу перевести меня в очередь на второй дом. Но эта фантазия – не хочу говорить ложь – тоже была очень опасна. Прежде всего тем, что директора могли снять, а во-вторых, что обман раскроется – уж очень Сан Саныч и Генрих хотели повидать принцессу. Но все-таки что-то решать нужно.

Я в то время впервые по-настоящему задумался – почему люди вокруг меня в своем большинстве живут кто лучше, кто хуже, но достаточно стабильно, без бесконечных напряжений и перемен? Так складываются обстоятельства или в моем характере это заложено? Проблемы находят меня, или я нахожу проблемы? Может я действительно в какой-то степени экстремал и мазохист и не могу спокойно жить без неприятностей и стресса? Такие мысли и раньше приходили мне в голову, но сейчас уже накопилось столько негативных фактов, что было самое время всерьез задуматься.

Было начало августа, жара тоже не способствовала улучшению настроения. Наш отдел размещался на верхнем этаже, под крышей, помещения СКБ проектировали так, чтобы в конструкторских залах было как можно больше света. Им это удалось, света хватало, тепла тоже. Да и вечером, как я уже упоминал, намного легче не становилось. Единственное движение воздуха в Столице мог создать только вентилятор. На работе было просто невыносимо.

Я с тоской вспоминал возможности, которые у меня были на станкозаводе. Библиотека, командировки. Что имеем не храним... Правда, чуть позже я все-таки нашел лазейку, и раз в две недели ездил в отдел-управление то ли для отчета, то ли для получения инструкций. Были, грешным делом случаи, когда я туда не доезжал... Я не хотел «браться за старое», но не всегда мог справиться с собой. Слаб человек, и я не исключение... Я понимал, что все происходящее это только присказка, и упорно работал над собой. Расслабляться было очень опасно.

Однажды в пятницу мы с Генрихом после работы поехали в магазин покупать легкие футболки. Жара допекала.

Мы обливались потом в автобусе, который в будние дни был просто переполнен, а в час пик в пятницу вообще битком набит. Меня спрессовали в одном месте, Генриха в другом. Общаться было невозможно. Я стал размышлять о ближайших переменах, которые ожидали меня «в личной жизни», то есть после работы. Я надолго лишился общения, которое так украшало мою жизнь.

Завтра, в субботу должен состояться траурный шашлык у бабки в огороде. Последний с Ниной Чижевской, которая переезжает к Хвалову. Но это еще не все. Я в воскресенье почти на месяц перебираюсь к Илье на правах сторожа и сельхозработника. Они всей семьей едут в отпуск в Одессу, а у них на участке помидоры, огурцы, персики, яблони, трава. Все нужно охранять, поливать, убирать и так далее. Но и это еще не все – на следующей неделе Анна Ванна вместе с Людмилой Михайловной отправляются в санаторий, то есть не скоро встретимся. Я определенно по Анне Ванне буду скучать, а Нину Чижевскую вообще вряд ли увижу, разве что случайно. Но не все так плохо, зато у Ильи отличные условия, ванна с горячей водой, а этого достижения цивилизации я еще в своей жизни не опробовал. Впрочем, какие наши годы, всего-то тридцать три (это ирония, обращаю внимание!). И у них в квартире есть стиральная машина, это вообще верх мечтаний.

Вы знаете, что в той жизни было самым трудным, невыносимым? Стирка. Да, я уже говорил об этом, но она до сих пор является кошмаром моих воспоминаний. А вечная дилемма – ходить в не слишком свежей (мягко говоря) одежде или каждые два-три дня

тереть руками белье, носить воду, опять тереть, опять выливать и наливать... Ужас! Мы – и вы тоже – избирали промежуточный вариант, признаемся себе в этом. Этот стиль вьелся надолго, даже спустя годы после массового появления стиральных машин мы с трудом избавлялись от него. Не согласны – привожу убедительное доказательство, из жизни. Спустя много лет в Израиле можно было определить, не поворачиваясь, когда в автобус входил новоиспеченный репатриант из СНГ. Даже если он прибыл из центра.

На этот раз мое отступление не случайно, это то, что называется ассоциацией.

Итак продолжаю. Вымышленные мы выбрались из автобуса и с облегчением вошли в относительно прохладное помещение большого универмага. Мы были потные, помятые. Я посмотрел на Генриха, он на меня. Товарного вида не было. Впрочем, все покупатели и даже продавцы выглядели не слишком свежими.

Но в холле было исключение. Этим исключением являлась Нина Чижевская. На этот раз она была только с Андрюшкой, без Хвалова, поэтому я подошел поздороваться. Генрих за мной. Не знаю каким образом, но она была чистенькая, как обычно в белой кофточке, не помятой, как будто только свежевыглаженной, юбочка миди голубоватая, под цвет глаз, с каким-то легким рисунком, тоже не замята. Я подумал, что после автобуса это не возможно, но Андрюшка выглядел так же как мы с Генрихом. Нет, просто это её уникальное свойство. И её светлые волнистые волосы тоже словно только что вымыты, расчесаны и уложены.

- Привет, хорошо выглядишь, – и это была истинная правда, она выглядела отлично.

- Спасибо, - Нина довольно тепло мне улыбнулась, а для неё это было даже необычайно тепло, комплимент подействовал.

- Борис! – Андрюшка схватил меня за руку, - мы пришли покупать мне школьную форму!

- Познакомьтесь, это Генрих, я тебе о нем рассказывал.

- Очень приятно.

- Очень приятно.

Мы перекинулись несколькими словами, она сказала, что купит торт – имелось в виду на шашлык. Я ехидно сказал, что очень удивлен, она всегда сама готовит что-то вкусненькое. На эти остроты Нина уже не реагировала и мы попрощались. Они с Андрюшкой пошли в одну сторону, я в другую. Генрих остался на месте.

- Ты чего застыл?

- Да, - очень прочувствовано изрек Генрих, - Париж стоит мессы.

- Не понял?

- Брось темнить, - он смотрел вслед Нине с сыном, - я сразу догадался, что это она.

Это она?

С удивлением я услышал свой голос.

- Да, это она.

Сказал я так, потому что еще раз осознал, то что знал давно. Она действительно принцесса. А может королева, правда, снежная королева. Но мы с ней из разных коллекций.

2.20. Три дня августа.

Эти дни – пятница суббота и воскресенье - заслуживают того, чтобы о них написать подробнее.

Вы, разумеется, помните переходящую из сказки в сказку загадку: «Что быстрее всех на свете?». И отгадка – мысль. Я убедился, что это не просто красивая метафора, а самая настоящая правда. Пока Генрих сделал по направлению ко мне два шага, меня как

молния озарила мысль, нет гроздя, целые созвездия мыслей! Чтобы изложить их на бумаге потребовалось бы много страниц, а может даже получилась бы толстая книга. Просто эти мысли были спрессованы, архивированы, как говорят компьютерщики. Но там было все по нужной теме, все подробности, все «за» и все «против». Прежде всего предисловие, крупными буквами – **Нина не хочет переезжать к Хвалову**. Или боится этого, что в сущности одно и то же. Была затем первая глава – почему я об этом не подумал раньше? - с подробным разбором причин. Была и вторая – что теперь можно и нужно сделать, различные варианты и подходы. И наконец, вывод – я должен предложить Нине Чижевской выйти за меня замуж. А в качестве послесловия – уверенность, что ничего из этого у меня не выйдет, уверенность которая, тем не менее, не отменяла вывод.

Я довольно прилично для такой психологической нагрузки поддерживал разговор с Генрихом, купил футболку всего на пару размеров больше, сел в правильный автобус и почти благополучно доехал домой. Почему почти? Забыл в автобусе футболку, которую, впрочем, все равно не смог бы носить.

Дома я в соответствии с давней традицией немедленно улегся спать – так я обычно поступал в тяжелых ситуациях. Но на этот раз помогло не надолго, я проснулся часов в десять вечера, и, не смыкая глаз, до утра расшифровывал заархивированную в моем мозгу информацию. Причем интересно, что я это делал в оригинальной форме. Я не себе разъяснял, что к чему и почему, а обращался к Нине Чижевской. Наверно искал доводы, которые могли бы её убедить. Учитывая практичную, а может даже расчетливую специфику мышления Нины, я старался убрать из моих рассуждений любые романтические составляющие, а их в принципе и было-то не слишком много.

Начал я с конца, то есть с предложения руки и сердца. Сердца в настоящем времени условно, но с перспективой на прекрасное будущее. Это было для меня не очень сложно, ведь я уже думал о возможности фиктивного брака.

- То, что я тебе предлагаю – напоминаю, я все время мысленно обращался к Нине Чижевской, - намного лучше фиктивного брака. Я предлагаю брак по расчету. Да, не по любви, это нужно признать, но в нашем возрасте и в нашем положении многие женятся по расчету. Я подозреваю, что таких большинство, просто они не признаются в этом себе, а тем более другим.

Как это большинство думает? Я не имею в виду молодых, которые действительно чаще женятся по любви, или потому что квартиры нет, а секса хочется. Прости, звучит пошловато... Ну ладно... Они, то есть большинство, о котором я говорил, думают примерно так - время уходит, утекает как вода сквозь пальцы, он или она неплохой человек, нам будет хорошо. Отношусь я к нему или к ней в принципе с симпатией. Сколько можно ждать принца...

У нас с тобой в этом смысле отличный вариант, один из лучших. Мы уважаем друг друга, считаем, что мы неглупые, порядочные, надежные люди, я, во всяком случае, на это надеюсь. Наши отношения вполне можно назвать дружескими и теплыми. И, между нами говоря, интеллектуально мы ближе друг другу, чем ты с Хваловым. Думаю, нам есть о чем поговорить, а это имеет ой какое большое значение, когда много времени проводишь вместе. Я думаю, что нам легче понять друг друга не только на кухне или в магазине, но и в театре.

Эта мысль мне понравилась, и я занес её в число важных.

- Но если хочешь знать, это был бы в то же время брак из соображений выгоды. Тоже разновидность брака по расчету, но есть своя специфика. Ничего зазорного в этом нет, так часто бывает. Известны варианты намного более циничные, когда молоденькая выходит за богатого старика. И никто этому не ужасается. Житейское благополучие после

брака является аргументом, не хуже всех прочих. У нас будет хорошая, новая квартира, отличной планировки. А две зарплаты, плюс сэкономленные деньги за съём двух квартир – господи, нам этого за глаза хватит! Ты знаешь, я прикинул, мы за один год, максимум за полтора, сможем полностью обставить квартиру.

Тут я соврал ей и себе. Я ничего не прикидывал, это не мой профиль, планировать свои расходы я не умел и не умею.

- И потом мы могли бы сообразить – от этой мысли мне стало жарко – какую-нибудь недорогую машину. Для начала «Запорожец» в рассрочку. И довольно скоро. А знаешь ли ты, что твой Хвалов получает не намного больше меня? И моя будущая квартира не хуже, чем у него?

Признаюсь, я ошибся. Не насчет квартиры, насчет доходов. Впоследствии Нина Чижевская меня поправила, она успела войти в курс дела. Номинально Хвалов получал действительно не так уж много, но он стал номенклатурой, а они даже в то время находили возможности, которые широкой публике еще долго не были известны.

Вслед за этим я решил прекратить меркантильные доводы и перешел к темам житейским и более человечным.

- Нина Чижевская, я хочу немного поговорить о другом...

Тут я заметил, что, как правило, мысленно называю свою виртуальную жену странным сочетанием – имя и фамилия. Как будто представляю автора или артиста зрителям. Это был признак уважения и даже в какой-то мере боязни. Во всяком случае, говорило о дистанции, которую я сам мысленно признавал. Пора с этим заканчивать.

- Нина, Андрюшка ко мне хорошо относится, так же как и я к нему, ты понимаешь насколько это важно. И у меня нет ни полковника, ни полковницы, ни избалованной дочки. Ты будешь хозяйкой в моей квартире. То есть в нашей. И я на это хочу особо обратить твое внимание.

Я сделал паузу и едва ли не вслух проговорил:

- А вот главное отличие. Если наша жизнь не сложится – все может быть, характеры у нас все-таки очень разные - ты на улицу не пойдешь, и мы квартиру менять на две в разных районах не будем. Ты, надеюсь, в этом смысле меня хорошо знаешь. И веришь мне. Если мы разойдемся, никакая комната в «разных районах» мне не нужна. Если не будет семьи, если не получится, я возьму свой чемодан и уеду из этой Тмутаракани. Тогда пусть эта Столица и эта работа - я вспомнил свои одесские корни - говорит ко мне стихами. Ты, Нина Чиж... прости, ты, Нина, в этом смысле ничем не рискуешь, чего нельзя сказать о твоём браке с Хваловым.

И все-таки я старался быть объективным.

- Какой-то риск есть, мне могут не дать квартиру, но, согласись, это мало вероятно. Ну, еще Хвалов на заводе, как он это воспримет. Но он ничего тебе сделать не сможет, заменить тебя некем. И в крайнем случае – ты уже будешь не одна. Я рискую гораздо большим. Рискую потерять все.

И тут – мне кажется очень во время - я решил признаться ей в очень важном.

- Но знаешь, Нина, мой риск вполне оправдан. Я думаю, что не полюбить такую женщину как ты, живя с ней вместе, просто не возможно. А ради надежды жить с тобой в любви и согласии можно рискнуть и большим. Я надеюсь, что у нас с тобой все-таки есть шанс жить со временем не только в согласии, но и в любви.

Мне очень понравилась последняя мысль, я тоже занес её в число важных и решил обязательно дословно и с чувством передать адресату. Должно было сработать!

И все-таки несмотря на пафос последнего заявления, моё описание ночи накануне субботы, когда очень многое в моей жизни могло решиться, возможно, вам показалось

легкомысленным и даже ерническим. Нет, это просто форма изложения, на самом деле я был встревожен, напряжен и... пожалуй напуган. Ничего удивительного, даже обычных нормальных людей в обычных условиях пугают мысли о браке, а в моем случае...

Вы знаете, что меня успокаивало и помогало не впадать в панику? Уверенность, что ничего из этого не выйдет, Нина посмотрит на меня холодно и добавит что-нибудь вроде «амикошонства». Я скажу больше, возможно я даже надеялся на такой вариант. К сожалению, такого рода «решительность» соответствовала моему характеру, поэтому вы можете поставить еще один жирный минус в моей характеристике. И добавлю – я с облегчением подумал, что в таком случае мы с ней больше практически не увидимся, то есть краснеть за свое отвергнутое предложение не придется.

Но все-таки не торопитесь меня обвинять. Оснований для волнений и даже страхов у меня хватало. Я не все свои опасения даже в мыслях докладывал Нине, этого делать не стоило. Но они были.

Нина, красивая женщина, женщина с головы до пят, внутри была мало эмоциональной, пожалуй даже суховатой. И очень прямолинейной. Её мнение всегда звучало как четкая формула - так и никак иначе. Я вам это уже докладывал. Математический склад ума, а возможно и души. Для неё дважды два в любых условиях было четыре. Сомнений и колебаний, казалось, она не знала, в то время как у меня этого добра было в избытке. На десятерых. Говорят, что противоположности сходятся и отлично уживаются, но это уже были не противоположности, а серьезные противоречия. Возможно из серии непреодолимых.

Но я хотел надеяться, что это все у Нины наносное. Неимоверно тяжелое начало жизни, когда она вынуждена была взвалить все на себя, не позволяло ей проявлять любые слабости, которые и делают человека человеком. Она постепенно зацементировалась, стала гранитом, а может точнее ледяной глыбой, торосом. Мой шанс и одновременно долг был растопить лед в её душе. Да, конечно тепло, конечно забота. Но главное – я это прекрасно понимал - она должна почувствовать себя со мной, как за каменной стеной, тогда можно будет, наконец, расслабиться. Расслабиться - вот что для неё самое важное. А получится ли из меня надежная каменная стена? На этот вопрос опыт моей предыдущей жизни положительного ответа пока не давал. Может именно в этом был момент истины, центр кристаллизации нашей предполагаемой семьи? Еще одного слабака она на себе тащить не будет, в этом можно не сомневаться.

Свои опасения я решил в будущем разговоре не обнародовать, а как можно убедительней доказывать очевидные преимущества нашего союза. Я так долго и так старательно мысленно уговаривал Нину, что под утро мне удалось убедить и себя. Остановка была за малым – где с ней поговорить наедине, в обстановке, располагающей к задушевной беседе. Но это было нетрудно. Переезд к будущему – пока еще будущему – мужу намечен на следующую субботу прямо с утра, потому что Хвалов в Москве в командировке. Нина - так и тянет добавить Чижевская – об этом рассказала на прошлом нашем субботнике. О свадьбе речь пока не идет. Отлично. Завтра я заявлюсь к ней с утра пораньше, чтобы она не успела куда-нибудь уйти. А уютное место в округе на несколько километров только одно – кафе, он же ресторан в аэропорту. Утром там пусто.

Все-таки когда начало светать я забылся в коротком тревожном сне, как пишут в детективах. Но сон, хоть и тревожный, оказался не таким уж коротким – я чуть не проспал. Вскочил как ошпаренный в полдевятого, молниеносно побрился, надел последнюю чистую рубашку – проклятье, опять сегодня нужно стирать – и быстрым шагом

направился к Нине, благо идти было всего-ничего, метров сто, сто пятьдесят. Я торопился не зря – встретил их с Андрюшкой уже на выходе из калитки.

- Привет, что стряслось? Ты же по субботам спишь до обеда.

- Стряслось. «Чуть свет уж на ногах, и я у ваших ног!». Для меня в субботу это действительно чуть свет! Значит дело не шуточное.

- А что случилось? – волнения в голосе Нины не было заметно.

- Я должен посоветоваться с тобой. Прямо сейчас.

- Так срочно? Мы с Андрюшей хотели пойти...

- Срочнее не бывает.

Нина с удивлением – легким – посмотрела на меня.

- Почему со мной?

- Лучше всех в этом деле можешь дать совет именно ты.

Удивление её усилилось, стало явным. Я испугался, что она может догадаться и стал замечать следы.

- Видишь ли, Илья сегодня уезжает. А дело срочное и очень важное. Нет, только с тобой. Без компьютера, который у тебя в голове, мне в этом не разобраться. И завтра будет поздно. Разговора, думаю, на час-полтора, но в спокойной обстановке, не на ходу.

- Но мы хотели...

- Нина, для меня это очень важно.

Последняя фраза прозвучала очень убедительно.

- Ладно. Андрюша, пойдем с Борисом...

- Нет, Андрей, детям до шестнадцати такие разговоры слушать запрещается.

- Заинтриговал. Хорошо. Но хозяйка уехала, с кем его оставить?

Парень собирался надуться.

- Это даже лучше. Моя бабка дома, в огороде редиска, лук, помидоры. Есть еще огурцы. Только молодого хозяина не хватает.

Проблема ко всеобщему удовольствию была решена. Через полчаса мы с Ниной сидели в кафе-ресторане, в дальнем уголке у окна, чтоб никто не мешал. Впрочем, никого и не было, даже официантов. По дороге я нервничал, Нина тоже разговор не поддерживала, все-таки подозрения у неё, скорей всего появились...

Когда нам, наконец, принесли бутерброды с семгой – на икру я не решился, чтобы окончательно себя не разоблачить - кофе и по рюмочке коньяка (с утра!), я набрался решимости и начал объяснение.

- Нина, я тебя хочу попросить. Пожалуйста. Наберись терпения, дай до конца сказать то, что я хочу, хоть это может быть длинный монолог. Не перебивай. Пожалуйста, дай высказаться. И только потом ответы и советы. Когда я закончу.

- Ясно. Ответы и советы нельзя, а вопросы?

Я махнул рукой.

- Вопросы можно. Но лучше без них.

Я отпил немного коньяка и посмотрел Нине прямо в глаза. Она была спокойна и как обычно непроницаема. Это мне храбрости не добавило. Я хотел повторить тщательно продуманную ночью заготовку, но - как это часто бывает - в действительности все пошло наперекосяк. И я неожиданно начал с самого неприятного обстоятельства, о котором вовсе не собирался говорить.

- Нина, ты знаешь, меня сейчас обстоятельства загнали в угол. Насчет квартиры. Чтобы её получить, нужны жена и ребенок. А тебя, прости, мне кажется, в угол загоняет жизнь. Я имею в виду ваш переезд к Хвалову. Но мы можем с тобой совместно решить эти две проблемы. Я предлагаю тебе, Нина, выйти за меня замуж.

Выражение лица её не изменилось, но она сделала попытку что-то сказать. Я поднял руку.

- Ты обещала дать мне высказаться.

Она согласно кивнула головой и неопределённо пожала плечами. Это не выглядело обнадеживающе. Но я допил коньяк и стал по порядку пересказывать текст, утверждённый ночью. О фиктивном браке, браке по расчету, о наших отношениях. На лице Нины не был написан интерес к моим доводам, только когда я сказал, что если что не так, то эта Тмутаракань будет говорить ко мне стихами, она улыбнулась. Я понял, что и этим доводом её не удивил. Может я был слишком мнительным, но мне показалось, что она заскучала. Очевидно, ответ был давно готов.

Она подняла руку, как в школе.

- Ты сказал, что вопрос можно?

Я кивнул. Настроение падало.

- А почему ты мне это сказал только сейчас? Почему не раньше?

Заготовленного текста не было, и я стал барахтаться. И даже чуть было не ляпнул, что до вчерашнего дня мне такое даже в голову не приходило. Тогда получалось, что если бы не квартира... Нет, это и так понятно, но говорить не стоит.

- Понимаешь, может мы не с того начали... Ты встречалась с Хваловым... Мы быстро перешли на дружеские рельсы... А знаешь, - вдруг решил я, терять было нечего, - давай на чистоту! У меня за душой ничего не было. Я был гол, как сокол. Такой разговор вообще не мог бы состояться. И с твоей стороны тоже. Как говорят – «плодить нищету». А сейчас у меня есть приличная зарплата и хорошая квартира. Почти есть. Теперь у меня хорошая партия. Да еще без родичей по соседству. Хоть это и звучит очень уж... практично.

Нина улыбнулась. Мне показалось, горько улыбнулась.

- Дай все-таки докончить.

У меня в запасе осталось еще пару мыслей и патетическое выражение о шансе, о согласии и о любви. Несмотря на то, что ответ мне уже был очевиден, это прозвучало искренне и от души.

Нина с явным нетерпением ожидала окончания моего монолога.

- Ладно, теперь можешь давать советы и ответы, - мрачно сказал я, взял её рюмку и допил коньяк, к которому она почти не притронулась. – Извини, если утомил.

- Не обижайся, - голос Нины был как всегда спокоен и уравновешен. - Я просто не понимаю, зачем так долго говорить о вещах, которые и так нам обоим понятны.

- Просто я серьезно подумал, что мы оба в тупике, и хотел объяснить ...

- Я тоже думала. И согласна с тобой.

- В чем, - я растерялся, - в том, что мы в тупике?

- Нет, в том, что мы должны пожениться.

Без преувеличения я еле удержался на стуле. То ли от удивления, то ли от радости, то ли от испуга... Гремучая смесь.

Я был настолько потрясен, что тут же её поцеловал. Потянулся через стол. Это был короткий дружеский поцелуй, но в губы. По дороге я зацепил и уронил со стола рюмку, она разбилась вдребезги.

- К счастью, - сказал кто-то из нас.

Кто – уже не помню.

Заключительную часть моего предложения руки и сердца мы провели слаженно и очень быстро. Разногласий у нас не было ни в одном пункте – многообещающее начало!

В ближайшее воскресенье мы идем в ЗАГС, еще полагается месяц на обдумывание – с этим тогда было строго, - а у секретаря нашей парторганизации при виде меня глаз уже закрывался автоматически, нечто вроде тика.

До того, как распишемся, ничего никому не говорим, даже Андрюшке.

Тоже принято единогласно. Наверно оба боялись сглазить. Впрочем, Нина может быть еще хотела «проверить алгеброй гармонию». Она только скажет всем, и Хвалову в том числе, что передумала.

До новой квартиры – а значит ориентировочно до майских праздников - будем жить, как жили. Не стоит начинать совместную жизнь с неудобств. Бытовые трудности только в советских фильмах сплачивают, в жизни чаще бывает наоборот. У нас и без того проблем хватает.

- Меньше шансов поругаться до новоселья, - Нина сказала, а я с ней согласился.

Еще одно предложение выдвинул я.

- Как главный признак семейной жизни - а других у нас, кажется, так скоро не будет, – мне показалось, что Нина покраснела, наверно показалось, - деньги должны быть общими, и находиться у тебя.

- Хорошо, иначе с твоими замашками мы к переезду придем с одними долгами.

Единогласно.

Я рассказал, что Раухвергеры в воскресенье утром в полном составе уезжают на месяц. На всякий случай, напоминаю, что фамилия Ильи – Раухвергер. Я предложил Нине рано утром вместе с Андрюшкой поехать со мной.

Принято единогласно.

Вот собственно и все.

Я заказал еще по рюмочке коньяку, по бутерброду с икрой и кофе. Предупредил, что из семейного бюджета – шутка была понята и благосклонно принята. Выпили, снова по-дружески, но в губы поцеловались. Все. Можно было ехать.

Когда я проводил Нину с Андрюшкой к ним домой, то на прощание снова поцеловал её, тем самым подчеркнув, что положил начало традиции. Возражений не было, хотя и особой поддержки тоже. Но лиха беда начало.

А когда пришел к себе и лег, то почувствовал страшную усталость. Это была вполне понятная реакция. Страшно хотелось спать, но эта проклятая стирка... Стоп-стоп! Завтра я еду к Илье, а там - о господи! – стиральная машина. Я быстро сложил в чемодан грязное белье, прежде всего простыни, полотенца, с утра постираю – жена едет, мало ли что!..

И лег спать с одной мыслью – боже, как все чудесно складывается, какой замечательный день. И как хорошо, что он еще не кончился. Еще будет шашлык...

Не знаю почему, но тревожные мысли меня больше не беспокоили.

В быту я человек обязательный – это на работе не всегда - поэтому, несмотря на мой внеплановый сон, у меня для шашлыков было все готово, и начали мы вовремя. Обычно – я уже рассказывал – мы с Анной Ванной вели парный конференс, две остальные участницы были довольно молчаливыми, но благодарными слушательницами. Анна Ванна нашу пару называла Миронова и Менакер и считала это очень удачной шуткой. Миронова была женщиной, а Менакер евреем. По её мнению полное совпадение.

Но сегодня Менакер был на удивление молчалив. Я выпивал, закусывал, следил за шашлыком, но в беседе почти не участвовал. В основном пялил глаза за сидящую, как

обычно, напротив меня Нину и старался делать это незаметно. Зато Нина на этот раз была более раскована, чем обычно и даже какое-то время была в центре внимания.

Сегодня на ней вместо обычной белой кофточки была голубая. Естественно чистенькая, но видно, что из старых запасов. Она ей очень шла.

- Ты, Чижевская, у нас сегодня как Мальвина, - Анна Ванна тоже иногда называла Нину по фамилии, есть люди, которым это идет. Выходит, я был не один.

- Кто такая Мальвина? – удивилась Лариса Михайловна.

- Девочка-кукла с голубыми волосами из сказки Алексея Толстого «Золотой ключик», - квалифицированно и интеллигентно объяснила Анна Ванна.

- Почему с голубыми?..

- Наши волосы ничуть не хуже, - оборвала её подруга, – Хорошая кофточка, ты в ней посвежела и помолодела.

Я про себя понадеялся, что она посвежела и помолодела по другой причине.

- Готовишься к переезду? Хочешь там всех поразить?

- Нет, Анна Ванна. Переезд отменяется. Совсем.

С этой минуты обо мне забыли надолго.

- Как? Когда? Почему? Насовсем? Да что случилось?

Нина отвечала необычно охотно. Сказала, что это была ошибка и больше к этому возвращаться не стоит.

- Опять будешь одна-одинешенька горе мыкать? Лямку одна тянуть?– Анна Ванна снова пошла в народ. Наверно огорчилась.

- Почему одна, вы же мне помогаете, если что... Вот когда мы оба с Андрюшкой болели...

- Оно конечно, но не о том речь...

Лариса Михайловна пошла в другом направлении.

- А как же Хвалов. Ведь он тебе житья на заводе не даст.

- Если не даст, значить я правильно от него ушла, - обрезала Нина и этим восстановила пошатнувшуюся было дисциплину.

Мне она казалась сегодня менее бронированной чем обычно. И с каждой рюмкой – моей и ее – становилась мне все более и более понятной. Я читал её как открытую книгу. Что я вычитал?

Она радовалась в основном тому, что отменился переезд к Хвалову. Как-то постепенно, не очень этого желая, она с ним зашла слишком далеко, и казалось отступление было уже невозможно. И вдруг все решилось как бы само собой. А брак со мной пока носил формальный характер – еще почти год до получения квартиры.

И словно в ответ на мои мысли прозвучал диалог.

- Что же дальше будет? – Анна Ванна.

- Поживем увидим! – мне показалось, что в голосе Нины все же прозвучала надежда.

Я даже немного огорчился, она испытывала только облегчение. Моя роль пока заключалась в одном – я её избавил...

Добавил еще рюмочку и почувствовал, прочитал в открытой для меня сегодня книге, что там все-таки есть и для меня место. Что кофточка была в мою честь. Нине приятно сознавать - теперь есть человек, который должен будет ей помогать. Анна Ванна, Лариса Михайловна помогали по дружбе. Но появился человек, который не по доброте душевной, а просто обязан заботиться о ней и Андрюшке, хоть он и живет на расстоянии. Это совсем другое дело.

Моя неожиданная проницательность сегодня помогала разобраться в сложных вопросах.

Теперь, когда на меня не обращали внимания, я во все глаза смотрел на Нину. Неужели эта красивая и умная женщина будет моей женой? Я понимал, что пока моей заслуги в этом почти нет, жизнь толкнула нас друг к другу. И нам обоим будет очень непросто доказать, что на этот раз жизнь не ошиблась.

На завтра я в восемь часов утра – как было договорено – зашел к Нине. Они с Андрюшкой были готовы. Я сказал, что никаких продуктов брать не нужно, у меня с собой была бутылка коньяка КВВК, вина для Зины и конфеты для дочки. Нина была как обычно в свежей белой кофточке, но я попросил надеть что-нибудь голубое. Она была явно польщена и даже чуть-чуть порозовела. Вчерашнюю кофточку она естественно не одела – второй раз подряд, ужас! – но у не была еще одна подобная в запасе. Я пока был на верном пути – женщине всегда приятно сознавать, что она нравится. Впрочем, через минуту она была по-прежнему хладнокровна.

Илья должен был уезжать до обеда, поэтому мы договорились, что я приеду к общему прощальному завтраку. Естественно один. Кто же знал, кроме господ бога, что нас будет трое?

Когда я представил Нину, как свою невесту, сказал, что мы завтра подаем заявление в ЗАГС, то немногословный Илья на какое-то время вообще потерял дар речи. Но жесты, которыми он изъяснялся, говорили о том, что Нина ему понравилась (еще бы!) и он рад за меня. Теперь на его лице вместо обычного легкого недовольства отражалось сомнение, относящееся ко мне. Он не был уверен, потяну ли я все то добро, которое на меня свалилось.

К обеду они уехали. В холодильнике всего хватало. Андрей, который ни словом не выдал, что понял все произошедшее (тем не мене он все понял), помчался наводить порядок в огороде. Мы с Ниной дружно принялись стирать. Посидели умиротворенно на лавочке. Я немного нервничал, Нина вела себя так, как будто мы с ней уже много лет сживали на этой скамейке. Она действительно была проста в общении, не капризна, хотя немного суховата. Повторяю это определение, оно подходит лучше всего. В общем, я успокоился и взял разговорную часть на себя. Слушатель был хороший.

Вечером мы все по очереди приняли ванну – я еще неделю тому предусмотрительно купил «бодусан», так называлась пена для ванны, кто помнит? Райское наслаждение, для одного этого стоило жить и дожидаться своей квартиры. Потом мы вкусно поужинали, Зина оставила нам рыбу-фиш – так одесситы называли еврейское блюдо гефилте фиш, – она была специалистом кулинарии. Немного КВВК тоже не помешало. Белье к тому времени уже высохло. Нина постелила Андрею в детской, нам на хозяйской кровати. Я искренне надеюсь, что не выглядел при этом полным идиотом. Нина была спокойна и доброжелательна.

Занавес.

2.21. Дела семейные.

Мы, как и собирались, подали заявление в понедельник, на следующий день после отъезда Ильи с семьей. Никому ничего не сказали, были одни. Нина взяла отгул, я поехал «на консультацию» в то ли отдел, то ли управление. Невеста одела голубую кофточку, но на Мальвину на этот раз похожа не была. Слишком серьезна. Я тоже нервничал. Почему-то праздничной атмосферы не получилось, а перепуг был виден невооруженным глазом. Для смягчения обстановки после загса мы зашли в центральный, очень хороший ресторан

и к концу вкусного с шампанским обеда заметно потеплели, а у Нины даже слегка просветлели глаза. Первый тост у меня получился рискованный:

- Не так страшен черт, как его малюют!

- Ты меня имеешь в виду? - спросила Нина. И неожиданно весело рассмеялась. Напряжение сразу же исчезло. Дальше все было, я бы даже сказал, по-домашнему. Мы оба очень жалели, что нельзя взять с собой Андрюшку, но это было рискованно. Парень мог проболтаться. После ресторана довольно тепло поцеловались и разъехались – я на работу, Нина домой.

С Хваловым были проблемы еще до обнародования наших планов. Нина и Анна Ванна разработали целую комбинацию, чтобы решение о разрыве с ним не вызвало грандиозного скандала. На заводе ему объявить об этом было опасно, выдержкой бывший жених не отличался, могло произойти все, что угодно. Нина заманила Хвалова после работы в то же кафе в аэропорту, где объяснялась со мной. Они сели – так получилось – за тот же столик и своей беспокойной беседой доставили удовольствие тому же официанту, который нас с Ниной обслуживал и у которого мы разбили рюмку на счастье. Анна Ванна забрала Андрюшу из садика и готовилась к худшему. И действительно, Хвалов чуть было Нину не побил, во всяком случае, пару раз замахивался. Опозорила на весь завод... Все в курсе дела... Заказали машину для перевозки... В ресторане оплатили банкет... Пригласили...

Официант выдвигался на боевую позицию, однако вмешиваться не решался – габариты Хвалова производили впечатление. Но Нина проявила выдержку и точный расчет, в самый критический момент она спокойно посмотрела Хвалову прямо в глаза и сказала:

- Зато твои родители теперь будут счастливы! Ведь так? И дочка.

Хвалов дипломатиям не обучался, он смешался и покраснел.

- Ты видишь, разве могло что-нибудь хорошее из этого выйти?

Кризис был преодолен, хотя разговоры и уговоры так быстро не закончились. Я тогда еще находился для всех в подполье, поэтому мог только выглядывать из-за бабкиного забора в ожидании возвращения своей невесты. «Победа» наконец появилась, и Нина вышла. Но если бы Хвалов узнал, что она выходит замуж за «этого носатого засранца», то – не сомневаюсь – миром бы дело не кончилось. Подтверждение этого предположения вас еще ожидает.

Какое впечатление этот разрыв произвел на заводе, не знаю, я не спрашивал, а Нина не говорила. Впрочем, мне своих забот хватало.

Через месяц мы расписались. Нине я накануне свадьбы рассказал о своем романтическом обмане, попросил меня не выдавать сотрудникам СКБ и вовремя добавил, что она именно тот человек, ради которого можно поехать хоть к черту на рога. Что глядя на неё все поверят любой сказке. После такого дифирамба она не могла не согласиться. Легенда такая – мы познакомились в Одессе, где она была в отпуске и все таком духе...

- Ты, Боря, все-таки авантюрист.

- Только с некоторых пор.

На работе я, само собой, рассказал о событиях – а ради чего собственно все делалось? Сан Саныч лично меня поздравил и даже передал невесте какие-то французские духи. Мы были польщены. Генрих и Жетес Садатович с удовольствием приняли предложение быть свидетелями со стороны жениха. Со стороны невесты была Анна

Ванна. Что меня удивило – она хорошо относилась ко мне, Нину очень любила, но известие о грядущих переменах встретила, мне показалось, настороженно.

Мы вынуждены были рассказать все и Ларисе Михайловне, при этом Нина и Анна Ванна взяли с неё слово молчать об этом на заводе. Они её так запугали, бедную, что она какое-то время действительно держалась, никому ни слова..

Свадьбу праздновали в узком кругу в ресторане, где мы кутили после подачи заявления. Собственно для нас с Ниной круг был одновременно и широким, других близких людей у нас не было. Была Анна Ванна с Ларисой Михайловной, Илья с Зиной и дочкой, Генрих и Жетес Садатович с женами. Жена Генриха Ирина Борисовна была крупной женщиной, на первый взгляд довольно суровой. И на второй тоже. А жена Жетеса Садатовича, спокойная и молчаливая, выглядела старше своего молоджавого мужа, наверно и была чуть постарше. Я не спрашивал, но скорей всего между ними во время войны был военно-полевой роман, тем более, что она и сейчас работала медсестрой в больнице. Правда, старшей медсестрой. Кстати, наши жены встречались еще только один раз, на нашем новоселье. Генрих как-то проговорился, что Нина им показалась неконтактной. Странно, на заводе к ней относились неплохо и с уважением... Ну да бог с ними.

Так началась наша официальная семейная жизнь.

Я обратил внимание, что сказал «расписались», а не поженились. Ну, во-первых в те годы так часто говорили, особенно когда было похоже на брак по расчету, а примерно так и произошло. Но последующий за этим год показал, что наши опасения – а они были – не оправдались. Я бы даже сказал, что наша семейная жизнь оказалась намного лучше, чем можно было ожидать. Мы оба, я и Нина, проявили себя с самой лучшей стороны. Мы ни разу не поссорились, не повысили голос. Были, разумеется, случаи, когда мы были друг с другом не согласны, но не становились в позу, не настаивали на своем. Я не настаивал потому... честно говоря, подозревал, что это не поможет. А почему не упиралась Нина? Не знаю, не спорила, и все. Правда были случаи, когда она не спорила, а делала по-своему, но такое – наверно – случалось и со мной. Может это действительно лучше, чем копыя ломать?

Она была спокойна, сдержано-доброжелательна, очень обязательна, никогда не хитрила и не скрывала своего мнения. Жили мы на два дома, и мои мечты о вкусной и здоровой пище пока не сбылись. Нинина хозяйка была скуповата и замкнута, она категорически возражала, чтобы я у неё в доме столовался, это лишние расходы на воду, газ, электричество. И вообще была недовольна, когда я у них в доме околачивался. Так что я питался у себя. Но зато от своего проклятья – стирки – был избавлен. С тех пор я всегда был чист, наглажен и почти так же опрятен, как Нина. Я теперь всегда внимательно смотрел к чему прислоняюсь, на что сажусь, чтобы быть достойным своей лучшей половины. Половина оценивала мои старания и даже хвалила иной раз. Не часто, часто у неё не получалось.

Но я в благородстве ей не уступал. Насчет еды смирился, успокаивал себя тем, что я терпел долго, потерплю еще годик. И взял в какой-то мере инициативу на себя. Моя бабка была не вредная, к Нине и Андрею относилась хорошо. Поэтому я кроме субботних шашлыков посреди недели давал обед членам моей семьи, и готовил то, что раньше мне даже в голову не приходило – плов, рагу и еще более сложные блюда. Нина приносила с собой бульон с куриной шейкой и покупной торт.

Она сама время от времени предлагала у меня заночевать – делала это раз или два в неделю. Заночевать условно, потому что к часам двенадцати ей нужно было идти домой.

Я не думаю, что ей «ночевать» очень хотелось, но она понимала, что без этого нам, мужчинам, трудно считать семью семьей. И все у нас было в этом смысле тоже хорошо, с первого раза – помните у Раухвергеров? Но все же кое-что меня в ту ночь удивило – было впечатление, что мы с ней женаты уже лет двадцать. И не только в том смысле, на который я сейчас тактично намекаю. Вообще. Все с самого начала было очень спокойно и надежно. До этого мне казалось, что с её твердым характером, не зная привычек, я буду чувствовать себя, как на минном поле. Ничего подобного, я даже перестал Нину побаиваться. И это, конечно, её заслуга. Я было пытался – особенно в том, что тогда называлось интимными отношениями - обострить ситуацию, но меня незаметно опускали на «семейный уровень». И я стал думать, что в семье так и нужно. А воспоминаниям об Але запретил появляться даже во сне...

Я в свою очередь вел себя на удивление положительно. Даже я бы сказал прекрасно, не побоюсь этого слова. Пожалуйста, рассказываю.

Андрею нужно было с первого сентября идти в первый класс. Я сам – сам! - предложил устроить его в школу, которая была близко от завода УГШО, одна автобусная остановка, пятнадцать минут хода. Не стоило парню сразу же менять школу после года обучения, особенно первоклашке. Я отвозил его в школу целый учебный год, на обратном пути заходил за ним, мы ехали назад мимо большого универмага и покупали продукты для всей семьи, часть я завозил Нине, часть брал домой. Как вам такой муж?

С Андреем мы ладили. Может вы заметили, что я перестал называть его Андрюшкой? Ему нравилось быть Андреем, он тогда чувствовал себя мужиком. Он по характеру и был таким, спокойным, рассудительным, сильным и крупным для своего возраста. Конечно, его обзывали и кабаном, и жиртрестом, но не очень активно. Он не был агрессивным, но сдачу мог дать. Хороший парень. Почему он был толстым, я понял попозже.

Постепенно я стал говорить и думать, что мы поженились, а не расписались. Без своей семьи я скучал. Когда мне по настоянию то ли отдела, то ли управления отправили в командировку в Москву, на трехнедельные курсы по ЕСКД, я, разумеется, очень обрадовался, но через неделю уже скучал. И по Андрею не меньше, чем по Нине. Наверно потому, что общался с ним больше. Час дороги в школу и на работу, обратно почти полтора. А с Ниной мы были вместе мало, зато не было времени спорить или скучать в её присутствии. Мне кажется, мы оба ценили эти минуты. Когда я вернулся из Москвы, то она сказала, что ей все время меня не хватало. Я просто ответил ей тем же, хотя мог усилить впечатление, рассказав, что на курсе была одна молодая женщина очень даже ничего, и она удивлялась, почему я её пропускаю. Но я не поддался соблазну, который, между нами говоря, имел место. Уж очень хорош собой был этот соблазн...

Я стал замечать, что при моем появлении глаза Нины, обычно серые, а иногда даже с каким-то металлическим отблеском, если она чем-то была недовольна, становились почти голубыми. Хороший признак. Я об этом Нине рассказал, с целью поощрения потепления, и с тех пор у нас появилось выражение, понятное только нам двоим. «Скажи мне это на голубом глазу». «На голубом глазу» обычно означает, что слишком нагло врут, но у нас это был просто эвфемизм, который переводился так: «Скажи мне это с любовью».

О любви в открытую мы не говорили, и собственно ее еще не было.

Я по-прежнему считаю – об этом упоминал в первой книге, - что настоящая проверка на совместимость в семье может быть только тогда, когда муж и жена вместе спят, вместе встают, а утром все недостатки видны, не скроешь. И тогда, когда быт вторгается в их жизнь. А если после встречи – даже страстной – они расходятся по своим

домам, то это праздник, но не реальная жизнь. У нас с Ниной этот праздник продолжался год. Короткие встречи, поцелуи, взаимное уважение, тепло и забота, но мы знали, что настоящие испытания на прочность впереди. Впереди нас ожидал быт. И кто-то из нас может споткнуться...

Перед тем, как перейти к другим темам, я хотел бы покончить с Хваловым, разумеется, не физически, в переносном смысле. Лариса Михайловна довольно долго боролась с искушением, но наконец, не выдержала и по секрету поделилась тайной с подругой, которая была надежная, кремень, могила... Она потом сама нам в этом призналась, правда под пытками. Короче говоря, по заводу поползли слухи, и в конце концов доползли до Хвалова. В этих слухах все по существу было верно – Нина вышла замуж за Полякова, потому что он в таком случае вот-вот должен получить хорошую трехкомнатную квартиру. И у Полякова нет ни родных, ни дочери.

Общественность обиделась за Хвалова, и женской половине было что обсуждать какое-то время. Эти события оказались приурочены к октябрьским праздникам. Шестого ноября коллектив отмечал после работы годовщину революции во главе с Хваловым, уже информированным о победе «носатого засранца». Лицо главного инженера даже и не пыталось скрыть его настроения. Ситуация была тревожной, чтобы на вечере выпить ему много не нужно было – чуть больше пятидесяти грамм и пошло-поехало.

Я теперь нес ответственность за семью, поэтому договорился с Ниной, что буду поджидать её на скамеечке недалеко от входа на завод. Мало ли что... Мобильных телефонов еще не было (господи, и как мы тогда жили!..), пришлось ждать долго. Погода в ноябре даже в Столице уже неласковая, что-то моросило, что сыпалось сверху. Я был зол – на кого? Естественно на Хвалова.

Наконец появилась Нина, что-то начала рассказывать, но не успела. Снова мимо нас промчалась «Победа», снова закрипели тормоза, задний ход и опять, качаясь так же как в предыдущий раз, вывалился Хвалов. Но теперь он был злее и энергичнее. Без всякой преамбулы он подскочил и успел крепко ухватить меня за шиворот. Я почувствовал, как буквально захрустело мое ухо. Но это пол беды. Главное, он начал дискуссию с национального вопроса. И тут же её, эту дискуссию, закончил. Через пару секунд он был в состоянии, которое у боксеров называется «гrogги». В прошлом моим главным оружием были не нырки и уклоны – я их просто любил – а сильный акцентированный удар. Я даже особенно и не выкладывался, старался быть осторожным. Хвалов очумело смотрел по сторонам, наверно искал скамейку. Не нашел и сначала сел на мокрый асфальт, потом лег поудобнее. Нина перепугалась, я признаюсь, тоже встревожился. Наклонился, посмотрел в глаза – нет, ничего страшного. Вышел из машины шофер Петя и спокойно проговорил:

- Все-таки нарвался.

Мы втроем не без труда упаковали его на заднее сидение.

Нина взяла меня под руку, сказала:

- Пошли, боец...

Это прозвучало как поддержка.

К сожалению, так просто дело не закончилось. В игру вступил отец-полковник.

После праздников Хвалов по телефону вызвал к себе Нину и, явно испытывая смешанные чувства злости и неловкости, сказал, что его отец обещал сделать из меня отбивную. Он постарается меня посадить в тюрьму, а скандал на работе просто гарантирует, так что о квартире можно не мечтать. А тогда – впрочем как и теперь – для сильных мира сего преград не было. Что говорить, мы переволновались. Но в бой

вступила Анна Ванна. Она зашла к Хвалову и от имени завкома по-матерински посоветовала дело закрыть. Не хорошо будет, если на заводе заговорят, что он, мужик не слабый, побежал жаловаться папе и в суд, когда его ударил, причём за дело, парень, вдвое меньше габаритом. И завком за Нину может вступить... Словом, Хвалов понял скрытую в заботливости угрозу. Он и сам понимал, что выглядит некрасиво. Если бы не отец... И к тому же от моих ударов следов не было (я знал, что делаю, навыки остались), а мое ухо еще долго пламенело, как октябрьские знамена.

В конце концов, все рассосалось.

Но один вывод я для себя сделал. И он подтвердился в дальнейшем. Нина меня поддержала безоговорочно. Ведь могла сказать – зачем было рисковать, квартира важнее и прочее, и прочее, все что в таком случае говорит большинство жен. И позже еще не раз у меня была возможность убедиться в такой её позиции. Если она считала, что я поступаю... не знаю, как лучше это определить... пожалуй, как мужик, уверен, именно так она про себя это формулировала, то была со мной. То есть если я не пасовал, не поступался правотой, не склонял головы и все в таком же романтическом духе – она была мне поддержкой, даже если это нам обоим шло во вред. И в том числе когда мои авантюры могли привести к опасным последствиям, физически опасным – было и такое. Как все сочеталось с её здравым практицизмом – до сих пор не пойму. Возможно, это был своего рода комплекс, результат её нелегкого опыта с предыдущим мужем. Она искала не только каменную стену, но в одном лице и лидера. Поэтому и за Хвалова не хотела идти, не только из-за его семьи. Лидером в семье он не мог быть ни с какого боку. Просто нужда толкала...

Позже я выяснил - Нина с самого моего появления на заводе решила, что в этом отношении я не так безнадежен, как Хвалов. Ей нравилось, что я себя вел независимо не только с Гольдштейном, но и с Иванченко, вообще ни перед кем не заискивал. Не побоялся взять на себя решение сложной технической проблемы, которая требовала уверенности и знаний. И на первом этапе добился отличного результата. Все это – по ее мнению - говорило о чувстве собственного достоинства, и встречалось в её жизни не часто. То есть то, что я считал фанфаронством и безответственностью, в лучшем случае интриганством, она считала достоинством. А почему я этого не почувствовал? Почему видел только в лучшем случае дружеское расположение? Объяснение простое, и об этом напрямик сказал Нине во время нашего объяснения в аэропорту: моя нищета не позволяла ей даже мысленно рассматривать меня как кандидата, в этом её практицизм не подвел. Но когда я стал почти завидным женихом, она внесла меня в список, раньше, чем я сообразил, что к чему. Так что приходится признать, список был не только у меня. Се ля ви. Она с самого начала этого ни от меня, ни от себя не скрывала. Смотрела правде в глаза. Можно назвать это циничной расчетливостью? Да, сидя в мягком кресле, лениво перелистывая страницы этих воспоминаний и попивая сладкий кофе. Или не сладкий, как кто любит. Но в реальной жизни, особенно в то время – я считал и сейчас считаю - с её стороны это был не цинизм, а сознание ответственности перед собой, перед ребенком.

Лестная, но тяжкая ноша. Была ли по Сеньке шапка?..

О том, что Поляков женился, в СКБ узнали, естественно, раньше, чем на станкозаводе. Общественность за меня не порадовалась, скорее многие огорчились. До сих пор я официально не был претендентом на квартиру, и шансы мои в качестве одиночки были невелики. Но теперь собравшаяся сразу после октябрьских праздников комиссия включила меня в список и даже указала, на какую квартиру я могу рассчитывать - второй этаж, как и было обещано, причем из одного окна действительно видны горы.

Правда сначала мне предложили на первом этаже, и я согласился. Но в то время я был в фаворе у директора, заключил соглашение с отделом-управлением, выбил премиальные, и Сан Саныч предпочел сдержать слово. Нине квартира даже в незаконченном виде очень понравилась. Она сказала, что и в самом деле будет ничуть не хуже, чем у Хвалова.

Комиссия не только утверждала список, но и заранее распределяла квартиры, потому что наше передовое СКБ под руководством директора шагало в ногу с новыми веяниями. По знаменитому в те годы методу Горьковских рабочих мы принимали участие в отделочных работах своей квартиры. Были подсобными рабочими – принеси, подай. Особенно - вымой и убери. Нина, кстати сказать, делала это безропотно, а в покраске и даже шпаклевке ей не было равных, во всяком случае, в нашей семье.

Субботы, воскресенья, иногда и после работы... С нами тогда не очень церемонились. Но зато этот «Горький метод» - так все его называли - добавлял нам уверенности, что квартиру, в которую мы вложили свой труд, теперь будет неловко нам не дать. Разумеется, мы переоценивали деликатность советской власти.

Народ смирился с новым будущим владельцем будущей квартиры – а что было делать? – и перестал интересоваться моей особой. Но мне показалось, что был один человек, точнее одна, которая расстраивалась не из каких-то соображений выгоды или зависти. И продолжала огорчаться, сама того не желая. Я имею в виду Азиму. Она определенно переживала, хотя изо всех сил старалась демонстрировать радость от того, что у меня так прекрасно все устроилось. Даже пару раз пыталась сказать что-то вроде – я говорила, что у вас будет все хорошо, ведь говорила? Но у неё плохо получалось. Теперь Азима редко обращалась ко мне, даже если это нужно было по работе. А когда подходила, то смотрела куда-то в сторону и при первой возможности испарялась. Мне иногда казалось, что у неё утром были красные глаза, то ли плакала, то ли не высыпалась. Я пытался оправдаться перед собой - может дома неприятности, ребенок болеет, мало ли что... Как-то спросил у её подруги, тоже из сектора нормализации, все ли у Азими дома в порядке, она мне, мол, кажется усталой... Но подруга на меня так посмотрела, что я осекся.

А Жетес Садатович, который не только все запоминал, но и все замечал, как-то задумчиво сказал мне:

- Не знаю... Не знаю... Может ты, Борис, имел бы любящего и верного друга, который всегда был бы рядом. Тебе такой нужен. Ты Боря, так устроен, найдешь проблемы на свою голову.

Он невольно взглянул в угол, где сидела Азима. Но я и без этого понял, кого и что он имеет в виду. Жетес Садатович к национализму никакого отношения не имел, но за своих болел. Хотя в данном случае он скорей болел за меня.

Я только вздохнул. Где-то в тайниках души и у меня бродили сомнения. Но главное – я очень расстраивался от того, что огорчил Азиму, хотя слово «огорчил» не подходит к данному случаю. Не слишком я, судя по всему, старался, чтобы сигнал, о котором вам уже говорил, был неявным, не очень усердно держал нас с Азимой на рабочем расстоянии... Боюсь, я все-таки эгоистично приберегал её на всякий случай.

Довольно долго между нами были напряженные отношения, хотя, надеюсь, со стороны это было не заметно. Примерно через полгода она даже перешла в конструкторский отдел, и я не возражал. Но все течет, все меняется, и постепенно, со временем мы с ней по-настоящему подружились. У нас действительно было много общего. И взгляды, и вкусы – особенно в области литературы и политики - были, я бы сказал, удивительно тождественны. Хотя признаю – она была куда более самообразована и начитана, чем я. Азиму я числю среди своих самых близких друзей. Какое-то время,

жена даже немного ревновала меня к ней, был у нас с Ниной и такой период в жизни. В мыслях я Нину называл снежной королевой, а Азиму Чио-Чио-сан. Звучит достаточно претенциозно (поэтому вслух никогда не произносилось), но все-таки в этом что-то есть.

Ну, пока все о «делах семейных».

2.22 Испытания.

Тем временем СКБ и завод УГШО продолжали жить своей жизнью, то есть ни шатко, ни валко. Наш отдел был исключением - результаты в виде пачек разных инструкций, форм и прочего уже можно было сдавать на вес. Народ возвращался из отпусков, и все постепенно втягивались в рабочий режим. Кроме меня, я постепенно из него выпадал. Причем не только по своей воле. Дело в том, что я так отлично отладил систему работы, что не мог в ней участвовать даже при всем желании. Все руководители работ – гидравлик, электрик, Жетес Садатович и недавно примкнувший к нам технолог, по странной случайности фамилия его была Шепилов, - все разбирались в своем деле лучше меня. Они обижались, когда я пытался во что-то вмешиваться. Прямо не говорили – субординация, - но обижались.

- Все по плану, все сделаем в лучшем виде. Не волнуйтесь.

Я не стал их успокаивать и говорить, что делаю это не от волнения, а от скуки. И уходил либо в кабинет, либо в гости, либо посплетничать с сослуживцами из других отделов. А что делать, если нечего делать? Поэтому в «сидячих» организациях, где мало работы, природа, которая не терпит пустоты, заменяет дело сплетнями. И что интересно, когда я в этом «спорте» принял участие, ко мне стали относиться гораздо лучше. «Оказывается он нормальный человек, а мы думали, что индюк надутый».

Словом народ привыкал к нашему странному занятию, и наш отдел стали именовать «группа Полякова и примкнувший к ним Шепилов» - по аналогии с некогда разоблаченной антипартийной группой. Это мне напоминало куда более счастливые дни, когда нас называли «бригада Ский». А сейчас подразумевалось, что все-таки группа, то есть антипартийная, то есть чужеродная. Но я к этому тоже в свою очередь стал привыкать.

Зато параллельно со сплетнями, я стал гораздо лучше, не только понимать, но и ощущать, как идут дела. А дела потихоньку шли, только пока не ясно было куда.

Для того, чтобы машины задвигались все время чего-то не хватало. Без полной сборки гидравлики и пневматики они даже шевельнуться не могли, не говоря уже о работе. То какой-то поставщик запаздывал, то кто-то присылал негодные детали или комплектующие. Впрочем, в Советском союзе негодных деталей не было, они были, как говорил Жванецкий, «второй свежести». Что-то на нашем участке пытались подправить, или, махнув рукой, ставили то, что есть. И результат тоже должен был быть «второй свежести». А между прочим американцы не напрасно столько лет осваивали эту продукцию. Дело действительно было очень сложное, и – как потом убедились даже наверху – в принципе нужное.

Вы возможно где-то в журнале или рекламе видели то, что я назвал марсианской машиной. Похоже на довольно солидный трактор на больших резиновых колесах, а впереди как гигантский гарпун, или рыцарское копьё перфоратор с буровой штангой на направляющих, или два, а бывает и три. Перфоратор это такая штука, которая с оглушительным грохотом и визгом бурит шпур (отверстия в породе, объясню для ещё менее грамотных, чем я) длиной до четырех-пяти метров и диаметром около 6-8 сантиметров! В эти шпур потом закладывают взрывчатку. Удары, пыль, грязь, вода, там

ад кромешный! Когда начинается бурение, манипулятор должен стоять, как вкопанный. Причем все шпурсы должны быть параллельны, а значит перфоратор на манипуляторе по всему сечению выработки (знай наших, запомнил!) должен перемещаться параллельно самому себе. Это очень непростая кинематическая и гидравлическая схема, и вас от подробного её описания спасает только то, что я уже ни черта не помню. Но сознание сложности задачи мне, надеюсь, удалось внушить, хотя я намекнул – только намекнул - на небольшую часть проблем.

Конструкторы что-то рисовали – в свободное от разговоров время - рабочие с перекурами что-то собирали, потом разбирали, куда-то отвозили и опять собирали. Но постепенно беспокойство нарастало, все понимали, что если нет никакого движения, то должна быть хотя бы его имитация. Самое простое было снять директора, но даже в верхах сознавали, что это ничего не изменит. Впрочем, для того чтобы жизнь мне не казалась медом, время от времени слухи о его увольнении усиливались, особенно когда Сан .Саныч долго был на больничном. А болел он часто, что-то серьезное с почками. Он и выпить с начальством не мог, хотя бы те пятьдесят грамм, которые позволял себе Хвалов. Вот бедалага...

Даже кандидат на эту должность Исабаев смены не хотел, пока хоть что-то не прояснится, и, как говорили знающие люди, давал отмашку наверх своим – пока не трогайте, пусть что-то с этими машинами произойдет.

И все же к концу года – а у нас все делалось или к празднику или к концу года - почти все заказы были, наконец, выполнены. Создавалось впечатление, что многие из них делались в ночь под Новый год, уже после бокала шампанского. Какое-то время их нам доставляли, потом все ставили на место, потом исправляли, потом... Словом, обычный рабочий цикл. Но в марте одна из двух машин – марсианская – выехала! Сама! Во двор! Ковш для второй пока не сделали. Но всем и одной было достаточно. Это был народный праздник, а после работы происходило нелегальное народное гуляние.

Ездил установка как раз нормально, потому что там было много покупного, начиная от двигателя и кончая колесами. Так что Генрих, отвечающий за шасси, был именинником. Правда иногда она падала набок, если круто поворачивали. Шасси состояло из двух частей, соединенных мощной шарнирной муфтой, известная конструкция, но эту муфту сначала поставили задом наперед. Потом переставили, и она падать почти перестала.

А вот манипулятор и вообще все остальное... Воздух в пневматике свистел – бог с ним, масло капало - дело привычное. Но перфоратор - тоже покупной – перемещался рывками, манипулятор весь дрожал, не хотел стоять, как вкопанный, а все время сползал куда-то. Останавливался со стуком. И все это происходило на чистом воздухе, а что будет в кромешном аду?

Я не хочу изгиляться по этому поводу, иначе и быть не могло. Но все, наконец, начали осознавать сложность проблемы. И понимать, что даже такой не очень веселый результат принесет пользу, и будет жаль, если труды вообще пойдут прахом. Конечно, проще всего перечеркнуть и забыть, это так по-советски. Так произошло с зарытыми в территорию тысячами, и то же произойдет с трудами целого СКБ, какими ни на есть? Нет, неожиданно оказалось, что все не так просто.

Сан Саныч как раз вышел после больничного, посмотрел на машину, на вращающуюся буровую штангу и сказал историческую фразу:

- А все-таки она вертится!

Ему на радостях простили, что раньше эту фразу уже сказал кто-то другой.

Словом Сан Саныч заметно приободрился. Отдал распоряжение готовить установку к концу мая для проведения испытаний в рабочих условиях. В этот период он проявил себя во всем блеске. Самый главный подвиг – получил в министерстве разрешение, оно же распоряжение, провести опробование (!) в шахте с целью выяснения направления дальнейшей доработки... То есть не приемку готовой продукции, что было нереально, а проверку в рабочих условиях.

Доставка машины в забой было делом хлопотным, на шахте оно кроме лишней головной боли никому ничего не давало. Но Сан Саныч еще имел, судя по всему, какой-то ресурс в верхах и связи по горизонтали. Он договорился об испытаниях с начальником шахты возле какого-то города, кажется это был Чимкент, точно не помню.

Я до сих пор не знаю, был ли Сан Саныч в курсе сюрприза, который нас поджидал на этой шахте. Он впоследствии говорил, что все именно так и было задумано, но честно говоря я скорее поставил бы на совпадение. Вне зависимости от этого наш директор был на коне.

Я тоже заметно приободрился вместе с ним - значит до сдачи жилого дома босс у меня будет все тот же . Я почему-то панически боялся Исабаева, хотя никаких серьезных оснований у меня не было. Постепенно я стал вхож к нему, в связи со слабым здоровьем директора иной раз приходилось по работе общаться с главным инженером, другого начальства не было. Исабаев на меня так же реагировал, точнее не реагировал, как на большинство других.

Нину мой комплекс Исабаева всерьез беспокоил. Она советовала не давать волю таким мыслям, они могут создавать вполне реальную и осязаемую ауру. Ведь чувствуют же собаки, когда люди испытывают страх перед ними, значит, могут чувствовать это и главные инженеры. Я долго пытался понять, это остроумие, или сказано на полном серьезе. У неё не разберешь.

Придётся, наконец, поговорить о Исабаеве, сколько можно избегать этой темы. Звали его Абай, отчество не помню. Кстати, Абай в переводе означает мыслитель. Мыслителем он не был, но был человеком неглупым и довольно-таки практичным.

Прежде всего, нужно сказать, что Абай происходил из знатного рода, из самых настоящих баев, причем не из каких-то там второстепенных, а первого ряда. Генрих говорил, что какой-то предок Исабаева даже был ханом. Его род – не знаю точно, как это называлось у казахов - пострадал от раскулачивания, но родственные связи все-таки оказались прочными. После прекращения репрессий они дружно стали пробиваться наверх, подтягивая за собой отстающих. Причем избрали для себя в основном партийную стезю, что говорит о предусмотрительности.

В ментальности Исабаева осталось заложенное предками подсознательное сознание (может быть такое определение?) превосходства, которое дает порода вне зависимости от личных качеств. Это было заметно со стороны, хотя сам Абай пытался работать под легкомысленного баловня судьбы, который ничего всерьез не воспринимает. На устах у него часто появлялась улыбка, которая – на мой взгляд – была больше похожа на насмешку. А когда я говорил, что начальник должен сидеть откинувшись, тогда даже сидя он будет смотреть на всех сверху вниз, то имел в виду именно Абая.

У меня есть привычка – я нередко для описание внешности пользуюсь сравнением с каким-то прототипом, известным многим, часто актером. Так я описал Олю с помощью Одри Хепберн. В данном случае я на такой прием имею полное право – Абай Исабаев был очень похож на известного в мое время трехкратного олимпийского чемпиона по боксу венгра Ласло Папа, легенду спорта. Его знали не только боксеры, потому что он снимался

в фильме «Тяжелые перчатки». А в качестве доказательства добавлю, что в институте у Исабаева была кличка «Ласло», имелось в виду это сходство. Все, что я знаю об Исабаеве, кроме очень небольших, но тем не менее запоминающихся личных впечатлений, мне рассказал Генрих. Он считал своего нынешнего начальника, а в прошлом подопечного неплохим парнем, просто немного шалопаем. И по-прежнему относился в глубине души к нему покровительственно, естественно стараясь, что бы это было незаметно для окружающих. Соблюдал политес.

Исабаев был небольшого роста так же, как его прототип, плотный крепкий, тоже фатоватые усики, но на смуглом лице Паппа были черные, как все говорили, цыганские глаза, а на смуглом лице Абая тоже черные, но немного удлиненные к вискам. Вот собственно и все отличие.

Он был холемым, ухоженным, всегда опрятно одетым, любил в одежде светлые тона. Правда, когда я пришел на завод, он уже заметно отяжелел, хотя и старался поддерживать форму. Для этого он принял на работу на какую-то липовую должность своего спарринг-партнера, фамилия его была то ли Грушицкий, то ли... Не важно, просто фамилия давала повод называть его фамильярно Грушей. Он и был «грушей» для своего босса, и частенько появлялся на работе с синяками на лице – после совместных тренировок. Говорил, что синяки украшают мужчину. Почему-то таких украшений на лице Исабаева никогда не было.

Что еще о Исабаеве рассказать? Он был довольно симпатичным, и хоть ему было далеко до Иванченко, но все-таки тоже имел успех у женщин и с успехом этим успехом пользовался. Вот такой каламбур у меня получился, у кого есть желание, можете в нем разбираться. Вроде бы простодушно он эти успехи не очень скрывал, хотя был женат и имел ребенка. Он иногда в узком кругу говорил, что у казахов такое поведение не слишком строго осуждается, так как в их традиции есть многоженство.

Не знаю, это результат его породистости и поведения, а может понимание того, что рано или поздно Исабаев будет директором, но у него определенно был «двор» и приближенные. В его кабинете всегда сидела пара-другая ярких сторонников, беседовали, в жару пили вино из кумыса. Считалось, что это не алкогольный напиток.

Кстати, чтобы не забыть – насколько сам кумыс по моему мнению ужасен и по цвету, и по запаху, а его вкус я так и не решился опробовать, настолько приятно вино из него. Шипучее, сладковатое, нектар. Но его достать простому смертному невозможно. Я пробовал это вино всего два раза, и один из этих раз удостоился чаши из рук самого Исабаева.

Так о приближенных. В их число, хоть и не очень открыто, входил и главный конструктор Аркадьев, который бывал в кабинете по «делу», хотя все знали, что Исабаев мало что решал. Не потому, что боялся – он ничего не боялся – просто все эти проблемы его не интересовали. И скрывать свое отношение к работе наш главный инженер даже не пытался. В ответ на какой-нибудь вопрос Аркадьева он стандартно отвечал:

- Не морочь голову. Вот сам и решай. Буду я за тебя заниматься всякой ерундой.

Но если нужно было помочь какому-нибудь солидному знакомому человеку наверху, Исабаев был очень обязателен. При мне он как-то вызвал начальника транспорта, человека из своего близкого круга, и распорядился – тоже с улыбочкой, мягко, почти попросил - на следующий день с утра отправить машину с двумя грузчиками по такому-то адресу. Нужно помочь человеку перевезти вещи. Тот было начал объяснять, что уже намечено прямо с утра...

Закончить объяснение он не смог – Исабаев так на него посмотрел, что бедняга слегка побледнев, немедленно кинулся исполнять.

Исабаев не очень церемонился. Но в отношении себя никакого панибратства не допускал, впрочем, даже таких попыток не было. Скорее можно было заметить некоторое подобострашие, что, согласитесь, в наше время не так часто бывает. На меня это производило впечатление.

И все-таки мой антагонизм имел и более существенное основание, хотя довольно бездоказательное. Вскоре после моего поступления на работу, я был на планерке Аркадьева, на которой присутствовал – с отсутствующим видом – Исабаев. Было жарко, а на столе воды не было. Когда планерка закончилась и все стали расходиться, Исабаев как обычно с улыбочкой и мягко попросил ведущего гидравлика сказать шоферу, который сидит во дворе в машине, чтобы тот съездил в магазин за водой.

Ведущий гидравлик, человек лет под пятьдесят, сухой, прямой, подтянутый, был неординарной личностью. Он слыл неплохим специалистом, а сам себя считал просто превосходным, из ряда вон выходящим. Но впрочем, от него действительно много зависело, я говорил – в наших машинах гидравлика была основой. Так вот гидравлик выпрямился еще больше, чем обычно, и гордо сказал:

- Ты Абай, не строй из себя бая. Это время давно прошло. Я не мальчик на побегушках, - повернулся и ушел, очень довольный собой.

На лице Исабаева было только удивление.

- Что с ним? Стоял ближе всех к дверям, все равно спускался, ну подошел бы к машине...

Груша сказал:

- Я сбегаяю, - и инцидент был исчерпан.

Но через неделю подошел ко мне мой знакомый ГИП с псориазом, и сказал, что забирает у меня гидравлика. Оказалось, что ведущий гидравлик уволился по собственному желанию.

- Чего вдруг?

- Не знаю. Может, обиделся на Исабаева...

- Что за чушь... Такие деньги, где он найдет...

- Говорил, что вроде нашел...

Завод и СКБ остались без ведущего специалиста. В ответ на жалобы Аркадьева, я сам не слышал, но говорили, Исабаев беспечно сказал:

- Он попросил, я подписал. Уговаривать? Незаменимых нет.

Все это ничего не значило бы, если бы я не встретил этого гидравлика месяц спустя, и вид у него был такой, как будто он не только ничего не нашел, но уже и не надеется. А в ответ на вопросы только мекал и бекал.

Генрих, как и Нина, тоже считал, что я на Исабаеве просто заиклился. Да, ленивый, да, не сильно любит эту работу, как и любую другую. А мало ли бездельников вокруг? И самокритично добавлял:

- Да и мы не лучше.

Я был вынужден с ним согласиться.

Но чувствовал, что мне от нашего главного инженера лучше держаться подальше, что и старался делать, насколько было возможно.

А заговорил я об Исабаеве, потому что, совершив все революционные преобразования, сказав, что цели ясны и задачи определены, съездив в город, который, кажется, назывался Чимкентом, договорившись подробно об испытаниях, директор снова ушел на больничный. Но до этого собрал группу во главе, которой поставил Жетеса

Садатовича и ГИПа с псориазом, и наказал составить программу этих испытаний. Я в эту группу попал, думаю, по ошибке. Но это мелочи, я подключил Мекка.

После ухода директора на заводе возникла куда более существенная задача – что сделать, чтобы машину как можно лучше подготовить к будущим испытаниям. По этому поводу собрали в кабинете для заседаний совещание, которое продолжалось не один час. И вел его волей-неволей Исабаев. Вел своеобразно. Сел во главе стола и сказал сидящему рядом с ним Аркадьеву:

- Начинай!

Все вызванные приготовили листы, блокноты, ручки. Аркадьев повел совещание, как обычно. Для начала сказал, что ни с кого не слезет, пока мы все не обсудим...

- Это уже групповуха...- прошептал мне на ухо Генрих.

Рядом с Аркадьевым сидела Элеонора, которая выполняла обязанности секретаря. Аркадьев пообещал с неё не слезать, пока не будет оформлен полностью протокол...

- Это уже приличней..., - прошептал мне Генрих.

Исабаев уходил, возвращался. Откровенно скучал.

Я говорил, что возле каждого участника были листики и все что-то записывали. У меня никаких листков не было, мне нечего было записывать. Это заметил скучающий Исабаев.

- А у Полякова нет никаких замечаний по конструкции? Директор говорит, что вы хороший конструктор.

Я встал.

- Но я не горняк.

- А все-таки.

Я сказал то, что успел заметить.

- Надо бы пересмотреть устройства против самоотвинчивания. Там будут такие вибрации... Установка за несколько часов может рассыпаться.

Вскочил мой приятель с псориазом.

- Мы все продумали. Шплинты, фасонные шайбы, гайки и контргайки.

Я не удержался от дискуссии и сказал:

- Вот это я и имею в виду. Много гаек с контргайками. Если гайка и контргайка упрутся в жесткий буртик, то это не мешает самоотвинчиванию. Не работает. Как будто только одна гайка.

Станный факт, вещь элементарная, но почему-то малоизвестная. Даже конструкторам. Тем более малоопытным. Это продемонстрировал Исабаев. Он пренебрежительно махнул рукой:

- Контргайка есть контргайка. Поехали дальше.

Я сел и решил ничего ни Исабаеву, не остальным не доказывать. «Ты начальник, я дурак. Я начальник – ты дурак».

Постепенно все об этом забыли.

С этого времени жизнь на заводе и в СКБ оживилась. Люди стали двигаться побыстрее, у некоторых в глазах появился интерес. Конструкторы что-то обсуждали, что-то рисовали, у нормоконтролеров появилась работа. Вскоре вернулся на работу директор – он не мог позволить себе болеть, потому что нужно было на соседних заводах какие-то детали дорабатывать, изготавливать новые, за все платить. Отправлялись в командировку доставали за комплектующими, вместо негодных. А главным доставалой был, конечно, сам Сан Саныч. От Исабаева даже никто ничего и не требовал. Он неплохо устроился...

Машина время от времени выезжала из цеха почти под крики ура, и каждый раз вела себя более достойно. Конечно, члены её тряслись, манипулятор все ещё перемещался рывками, не всегда двигался туда, куда нужно, но уже стоял как вкопанный, когда перфоратор долбил специально построенную во дворе стенку. Да, свистел воздух, капало масло, но на эти мелочи уже не обращали внимание. Сдвиги, безусловно, были.

Как-то незаметно прошло время и почти в намеченный срок, к концу мая машина выехала свежескрашенная в желтый цвет, на суставах её были чехольчики из плотной материи для защиты от пыли и грязи, как нарукавники бухгалтеров и кассиров в старых фильмах. Но эти нарукавники были веселого зеленого цвета – такие достали. Все выглядело жизнерадостно, а для постороннего глаза даже угрожающе. Марсианская военная техника. Машину не упаковывали в ящики, погрузили на железнодорожную платформу и прикрыли брезентом, так возили в войну бронетехнику. А спустя неделю, вслед за ней выехал десант конструкторов. Почему целый десант?

Оказалось, что на шахте возле вроде бы Чимкента получили американскую бурильную установку, наш прототип, нелегально купленную через дружественную страну черного континента. В этом и был сюрприз, на который я выше намекал. Конструкторы должны были содрать – в смысле срисовать – все, что возможно.

За этими событиями оказались не очень заметны неожиданные успехи нашего отдела. Все началось с того, что я повадился, как только была готова очередная папка, лично доставлять два экземпляра в отдел-управление. Это давало мне возможность погулять в городе, людей посмотреть и себя показать. А когда там набиралось несколько пачек, отдел-управление отсылало их куда-то выше. И работу продемонстрировать, а главное – я думаю - освободить от папок интерьер. И вдруг где-то наверху вышел какой-то приказ, где в числе передовиков ЕСКД были отдел-управление Республики и завод УГШО, директор А.А. Яблонский. Слава богу, денег не было, иначе бы я еще нажил себе врагов. Вы сами знаете, как ни распределяй, все будут недовольны.

Сан Саныч, который стал обо мне забывать – рано, еще квартиру я не получил - был очень польщен и повесил этот приказ на доске объявлений. Через несколько дней он мне сказал, что видел Жанат и поблагодарил её за рекомендацию ценного работника – я понял, что речь идет обо мне. А еще чуть позже наверно в качестве награды включил меня в состав десанта на шахту. Но этому я не очень обрадовался – вскоре должна была появиться комиссия по приемке дома, и лучше было на всякий случай вертеться где-то поблизости. Но с начальством не поспоришь.

Десант возглавил лично директор, в состав вошли Исабаев, Аркадьев с неизменной Элеонорой, все ГИПы, в том числе Генрих и мой приятель с псориазом, ведущие гидравлик и электрик, три-четыре конструктора, для эскизирования американской машины. Это не считая рабочих. Большой праздничный выезд.

Поездка на шахту мне запомнилась, все было безусловно интересно. Но я правильно сделал, что не стал шахтером, уж слишком много экзотики. Никого не хочу обидеть. Комбинезоны, обувь, шлем с очень симпатичной лампочкой, респиратор – все это смотрится, но потом жутковатый быстрый спуск, почти падение, не очень освещенные тоннели, нависает потолок и, кажется, ощущаешь тысячи тонн земли над тобой. Дорога оставляет желать лучшего, откуда-то капает вода, куда-то утекает ручеек – куда? Но потом, когда начинается бурение, никакие заглушки в ушах не помогают, пыль столбом, дышать нечем, в глаза все время что-то попадает. Вы не один раз видели симпатичные вымазанные лица шахтеров в журналах и фильмах – эти симпатичные лица дышат тем, чем они вымазаны, хоть и время от времени через респиратор. Конечно, эта поездка была

интересной и полезной для жизненного опыта, но я не огорчился, когда пришло время возвращаться...

Американская машина была по сравнению с нашей, как Аполлон Бельведерский рядом с питекантропом. У них было все аккуратно, нигде не текло, не свистело, все что можно было спрятано, приторочено, защищено. У нас было все намного грубее и даже, я бы сказал, пещернее. Везде что-то торчало. Но питекантроп наверно в физической силе не уступал Аполлону, и наша машина, когда не ломалась, свою работу делала. Но увы, внешний вид это визитная карточка надежности...

Не буду задерживаться. К нашей радости и удивлению четыре дня машина работала, как миленькая, делала все, что ей было положено, не хуже или не намного хуже американской. Были небольшие остановки, какие-то мелочи быстренько налаживали или что-то заменяли, но это вполне естественно. А один шахтер глядя на неё поощрительно сказал – ну что ж, с лица воду не пить. За эти четыре дня машина сделала больше, чем целая бригада с обычными перфораторами за месяц. По плану она должна была работать неделю. Все стали надеяться, что экзамен будет сдан на отлично. Но сказка в жизни бывает редко. К концу четвертой смены машина неожиданно рассыпалась. Что-то отвалилось, что-то повисло, буровая штанга хрустнула. Хорошо, что никто не пострадал. Когда сняли нарукавники, то увидели, что на сочленении одна пара гайки с контргайкой совсем сползла, сорвало резьбу, покалечило все по соседству, две другие под другими нарукавниками были на пути к этому. Вот такая история...

Директор, который уже собирался уезжать, был в ярости. Собрали совещание, на котором присутствовал начальник шахты, довольно молодой узбек, толковый, интеллигентный и прогрессивно настроенный. Он даже начал с утешения. Сказал, что за четыре дня работы конструкция доказала свою работоспособность. Нужно дорабатывать надежность и внешний вид. Для горизонтальных шахт малого сечения (прошу горняков пропускать мои опусы) такие машины очень нужны. До зарезу. С этим ушел, а мы остались для разбора полетов.

Давайте я начну с конца этих разборок. Элеонора как всегда вела протокол совещания. У нее кроме прочих талантов была еще удивительная способность вспоминать и сообщать то, о чем следовало молчать и в самый неподходящий момент. Услышав сочетание «гайка и контргайка», она задумалась, порылась в протоколах и громко сказала: «Вспомнила». А вспомнила она то, что уже все присутствующие давно осознали, но в отличие от Элеоноры понимали, что лучше об этом не говорить.

- Вот, в протоколе совещания от такого-то. Поляков сказал, что нужно проверить, - она с трудом прочитала, - самоотвинчивание. Гайки и контргайки. Он сказал, что они работать не будут. Почему – я не поняла.

- И что дальше? – замогильным голосом спросил директор.

Элеонора продолжала читать.

- Контргайка есть контргайка. Поехали дальше, сказал..., - тут она прочитала, кто сказал, и наконец-то память ей отшибло, – сказал, не помню кто.

Хватит подробностей, то что говорил директор не свидетельствует о его интеллигентности. Он не думал, что это сказал Исабаев, не подозревал нашего главного инженера в решении технических проблем. В противном случае Сан Саныч был бы куда сдержаннее. Виновным считался Аркадьев. Но все знали, что было на самом деле. Я старался на Исабаева не смотреть, и проклинал себя за то, что все-таки полез не в свое дело, хотя давал себе наказания... И главное, все равно не помогло.

Директор выдохся, немного успокоился, распорядился, чтобы машину, насколько можно, отремонтировали, начальник шахты обещал помочь. Он оставил Исабаева и

Аркадьева с группой товарищей, чтобы «хоть на соплях» отработать на нашей машине еще два дня, как было положено. Объяснил, что сам бы остался, но ... Сан Саныч действительно был желтым, как лимон. Сказалась нагрузка.

Он уехал болеть, три-четыре конструктора и я вернулись на работу. Я молил бога, чтобы он поскорее отдал мне квартиру, пока наш главный еще на шахте. Вряд ли Исабаев станет мстить, должен же человек понимать, что я ни в чем не виноват. Но лучше, чтобы дом приняли побыстрее.

Я рассказал Нине о происшествии, и она, по-моему впервые на моей памяти, изменилась в лице.

- Сон в руку, - сказала она, видимо имея в виду мои предчувствия.

Я не ручаюсь, что буквально воспроизвел, кто что говорил, но в принципе именно так все и было. Буду помнить до конца моих дней...

2.23 Испытания 2

Я вернулся из кажется Чимкента как раз вовремя. Комиссия по приемке дома словно ждала моего приезда, мы с ней приступили к работе в одно и то же утро. Дом принимал город, а сдавало министерство строительства. Наше начальство ублажало – по возможности – и тех, и других. Секретарь парторганизации и председатель месткома исполняли при комиссии роль почетного караула, но не забывали и про обязательные при встрече «хлеб-соль». В обеденный перерыв, иногда немного позже они уезжали всем составом в город «перекусить», после чего редко возвращались.

Приемка шла хорошо. Квартиры выглядели вполне прилично - наши «горьковские рабочие», то есть будущие хозяева квартир, сил не жалели, и не только сил. Мы все в меру своих возможностей «поощряли» обычных, не «горьковских» рабочих, чтобы те поменьше халтурили. Все-таки помогало.

Сдача проходила гладко, мы, естественно были в курсе всего. Отмеченные комиссией недостатки в электрике и сантехнике устранялись на ходу. К моему удовольствию, дела на шахте продвигались не с такой скоростью, и у меня возникала надежда, что первой на финише окажется официальная приемка дома. Иначе говоря, что мы успеем въехать в свои квартиры раньше, чем наш десант появится в Столице. Несмотря на кажущуюся абсурдность моего страха перед мстью Исабаева, я от него избавиться полностью не мог. Правда, Нина говорила, что я дурью маюсь – её любимая формулировка, но обычного металла в ее голосе при этом не чувствовалось.

Уже намечен был день подписания протокола, в пятницу, учитывалась возможность посетить «кабак», гульнуть на широкую ногу перед выходными - подмигнул мне секретарь парторганизации.

Как вдруг в четверг...

Вдруг! Я вас уже подготовил, но никто на заводе и СКБ - кроме меня и вас – никакого «вдруг» не ожидал. Как гром среди ясного неба - еще слабое сравнение.

Прямо с утра в четверг меня вызвал к себе секретарь парторганизации – напоминаю, он был из «наших», из клана директора – и сказал, что банкет пока отменяется. Он был очень расстроен, смотрел куда угодно, только не на меня. Пока, сказал он, комиссия ничего не подпишет. Причину прямым текстом ему объяснил с глазу на глаз её председатель, он попросил неофициально передать все начальству и заинтересованным лицам. Я понял, что являюсь заинтересованным лицом.

В чем суть.

Как было в то время положено, определенный процент строящегося организацией жилья отходил в пользу городских властей. Наша организация выделила две квартиры в крайней, противоположной от моей парадной. Дома строились лесенкой, они были сдвинуты друг относительно друга, и предыдущий дом немного заслонял последнюю парадную. Но кому могло прийти в голову, что нужно отдавать чужому дяде лучшие квартиры? И вот, по словам председателя комиссии, неожиданно появился у них очень важный кандидат, настолько важный, что диктовал условия. Его квартира должна быть на втором или третьем этаже, не крайняя, и предыдущий дом не должен её заслонять. Таких оказалось всего четыре. Надо мной сын начальника главка, пока еще считается начальником ОТК – отпадает. Еще две подходящие квартиры – в одной начальник цеха, близкий круг Исабаева, в другой родная сестра председателя месткома. Оба работают в УГШО с первого дня. Квартиры четыре, а кандидат на удаление один – это я. Они – то есть могучие и неизвестные нам силы – предлагают поменять одну из этих четырех квартир на принадлежащую городу квартиру в дальней парадной на первом этаже. Без балконов и с решётками на окнах от воров.

Выслушав эту новость я в обморок не упал, хотя такое желание было, а относительно спокойно, почти без мата сказал, что кроме всего прочего, кроме документов на квартиру, полученных мною, я вложил в неё силы и между прочим, средства, и это похоже на грабеж. Самый обычный бандитский налет. Среди бела дня и при всем честном народе. Я на это не согласен. Я квартиру не отдам, пойду в суд и дойду до самого Брежнева. А у тех, кто имеет на меня зуб, я этот зуб вырву с корнем. Мысль о том, что «сон в руку» сразу посетила меня. Слишком много совпадений для случайности.

Хотя кто его знает... Все-таки одна из четырех. Не стоило мне оказываться в таком избранном обществе... Но почему все так совпало ?

Насчет зуба секретарь парторганизации не понял, но сочувственно выслушав мой поток эмоций, вздохнул и сказал, что жаловаться, тем более подавать в суд, не говоря уже о том, чтобы беспокоить лично Леонида Ильича, нет и не будет оснований. Никто у меня ничего не отбирает. Потом проворчал что-то вроде «сам отдашь», но очень неразборчиво.

- С какой радости?

Он опять вздохнул. Знал, как это делается. И уже не прямым текстом, а намеками сказал, что комиссия примет дом только тогда, когда я соглашусь поменять квартиру. А недостатки всегда найдутся. Бывает, что дома сдают по году. Так что официально мне жаловаться не на что.

- Подождем! Только и всего?..

- Ну, ну... Потом сообразишь...

Он снова расстроено вздохнул.

- А директор знает?

Молчание. Я понял, что знает.

- И что?

Молчание. Я понял, что ничего.

- Ты пока пару дней подумай, а потом я вынужден буду, конечно неофициально, рассказать об этом. Уж не обижайся на меня.

Секретарь еще сочувственно помолчал и отошел, вздыхая на ходу, как бычок у Агнии Барто. «Идет бычок качается, вздыхает на ходу». Я тоже пошел к себе наверх, вздыхая и даже покачиваясь. Целый день у меня в голове звучали эти строки, шок безусловно был. Я по виду секретаря осознал, что серьезная опасность есть, но еще не понял, в чем она заключается. Действительно, хотя документы у меня, для власти это не проблема. Но главный юридический казус – затрачена наша работа и наши деньги. Нет,

это звучит даже для советской власти вызывающе. Все-таки в конституции записано, что у нас власть народа. Но в тот момент о народе я не подумал...

Я вообще в тот момент думать ни о чем не мог. Только чувствовал. Чувствовал, что на меня вот-вот готова обрушиться лавина, и похоронить все планы и надежды.

Что делать? Куда бежать?

И куда побежишь с Ниной и Андрюшкой на руках?

Но может еще не все потеряно и паниковать раньше времени не стоит?

После работы я пришел к Нине с подобием улыбки на лице и с ещё более жалким подобием остроты:

- Ты еще не пожалела, что вышла за меня замуж.?

Нина даже не включала свой компьютер, а сразу спросила:

- Что с квартирой?

Я рассказал. Нина – в отличие от меня – сохраняла спокойствие и способность соображать. Несмотря на то, что подобный опыт уже был в моей жизни, я не догадывался, в чем будет заключаться механизм воздействия на меня. А Нина довольно быстро сообразила. Она была очень практичным и здравомыслящим человеком. И проницательным, чего не скажешь об её муже. А насчет Исабаева она сказала неопределенно:

- Многовато совпадений.

Дальше события стали разворачиваться относительно быстро. К концу следующей недели появились на работе участники десанта, все кроме Исабаева. Начальство не опаздывает, не прогуливает, а задерживается. Я сразу же рассказал обо всем Генриху. Тот не верил в участие Абая в такой киношно-криминальной истории да еще на расстоянии пятисот километров от места действия.

- Я, кстати, спрашивал Абая, не обиделся ли он на тебя. Он на меня посмотрел, как на идиота, и спросил – за что? И знаешь, между нами девочками говоря, это для него слишком сложно. Четыре квартиры, а кандидат один... И было бы просто лень.

Я говорил, Генрих все еще к своему другу относился покровительственно, а иногда по привычке чуть-чуть свысока.

- Он морду бил тем, кто обзывал меня фрицем. Знаешь, какое время тогда было?

- Я то знаю...

- Абай не всегда поступает идеально – а кто без греха? Но всегда говорит прямо и ничего не скрывает, не юлит.

И в доказательство Генрих привел институтскую историю.

Однажды у них была курсовая работа - рабочий чертеж тележки. Генрих его сделал, а Абай скопировал на стеклофоне – очень популярное в те годы достижение техники – под большое стекло ставили ламу и копировали. Потом делали дырочки якобы от циркуля.

Абаю было лень делать много дырочек. Потом они подписали каждый свой чертеж. А еще позже выяснилось, что Генрих подписал копию, а Абай оригинал. Они получили по тройке.

- Что же в этом хорошего?

- А то, что Абай мог мне сказать, что, мол, перепутал. Нет, он юлить не стал. Прямо сказал, что подсунул мне копию. Тебе, мол, ничего не сделают ты отличник, а меня оставят на второй год. Я говорю – как, такого спортсмена, почти мастера спорта? Он улыбнулся, знаешь как...

- Знаю.

- И сказал, что оставят с удовольствием. Буду на год больше выступать за институт.

Помню, меня эта сомнительная честность не очень убедила.

Объективно говоря, вины на мне не было, как ни верти. А почему тогда ГИП с псориазом со мной не поздоровался и смотрит косо? Это-то как раз понятно. Если бы я не вылез на том совещании, то что было бы после аварии? Ничего особенного, не все учли, не все предусмотрели, дело обычное. А теперь все выглядит иначе - не знали то, что должны были знать, да еще не слушали, когда их прямо носом ткнули.

Я все это высказал Генриху, он посомневался и решил, что поговорит с Абаем.

- Не вздумай сказать, что я его подозреваю.

- За кого ты меня принимаешь? Я попрошу помочь тебе. И будет все понятно.

Потом Генрих подумал и добавил:

- Я ручаюсь, что Абай тут не причем. Уж я-то его хорошо знаю...

А Жетес Садатович, который присутствовал при этом разговоре и которому я все рассказал раньше, привел довод, намного серьезнее эмоций Генриха.

- Я тоже думаю, что вряд ли. Ему нужно было бы обращаться довольно высоко. Помните, джин исполнял три желания? Абаю нужно было потратить одно желание у какого-то важного джина на такую мелкую месть.

Меня почти убедили.

Дело было в пятницу, и Генрих обещал зайти в Исабаеву домой, чтобы поговорить с ним в спокойной обстановке. Его пока еще на работе не было.

К концу рабочего дня пришел ко мне секретарь парторганизации и сказал что-то вроде «не могу молчать». Я пожал плечами и этим дал согласие на распространение неофициальной информации.

В субботу после работы ко мне домой пришел Генрих. Он был не весел, я бы даже сказал, головушку повесил.

- Абай парень прямой, я тебе говорил. Он об истории еще не знал, удивился. Но не очень. Он циник. А насчет помощи прямо сказал – Борис твой друг, не мой. И в тайны Мадридского двора я впутываться не буду. То есть насчет Мадридского двора моя формулировка, Абай в этих дворах не слишком разбирается. Он сказал проще – вмешаться, значит кому-то дорогу перебежать. С чего ради? Но сказал прямо и честно. Он такой. Кстати, он ушел в отпуск, устал после шахты, куда спускался всего один раз.

Я видел, что у Генриха есть еще в запасе неприятности. Он решил не отрезать хвост по кусочку, а сделать это сразу.

- А Сан Саныч сказал то же, но хуже. Лучше, говорит, иметь важную шишку у себя в доме, чем в противниках. А человек, который в наше время меньше, чем за год, получил трехкомнатную квартиру такой планировки, может согласиться на любой этаж.

- Ну, Сан Саныч! Передергивает! Когда мне предложили при распределении первый этаж я согласился, без единого слова. А сейчас совсем другое дело. Сейчас уже нужно отдать свою хорошую квартиру, с которой сжился, в которую вложена душа, руки и деньги. И перейти в чужую, плохую и неухоженную.

Только одно меня «утешало» - полная ясность. Мне теперь ничего не нужно предпринимать, никуда не нужно бежать, ни у кого не нужно ничего просить. Просто нет адресата.

Генрих меня понимал, но чем он мог помочь? Разве что выпить со мной. В шкафу у меня кое-что «было», сегодня вечером нас ожидал традиционный шашлык. Посидеть с «бражкой» Генрих отказался, ему пора домой. Ирина Борисовна!.. Но выпить со мной – нет вопросов... Правда, у меня на закуску ничего не было, только сырое мясо на шашлыки. Я предложил пойти к Нине, у неё должен быть покупной торт - для

сегодняшнего вечера. Он с удовольствием согласился, Генрих с Ниной благоволили друг к другу.

Торт действительно был и еще кусок фирменной куриной шейки. Мы чокнулись, посидели немного. Веселья не получалось.

После ухода Генриха нужно было готовиться к шашлыку. Я пошел мариновать мясо, а Нина покупать новый готовый торт. Но прежде мы единогласно решили ничего «сброду» не рассказывать – не хотелось сочувствия. Поэтому и в воскресенье к Илье не поехали. Нина с утра пришла ко мне, Андрея мы отправили наводить порядок в огороде.

В это воскресенье мы твердо решили ждать, ни на что не соглашаться, там видно будет. Решили окончательно и бесповоротно. Но и месяца не прошло, как я сказал Нине, что нужно или соглашаться или увольняться. Меня зарежут или в лучшем случае сделают темную. И я не очень преувеличивал. Это были не времена Бориса Годунова, народ не безмолвствовал. Неофициальные слухи распространились мгновенно – пока я не соглашусь отдать квартиру, дом комиссия не примет.

В принципе технология была примерно такая, как некогда в СКБ «Проектор». В первые буквально два-три дня ко мне подходили с сочувствием, возмущались беспределу. Но время шло, у получивших документы на квартиру были свои планы. Прежде всего люди надеялись перестать платить за съём, немалая сумма, серьезный повод для недовольства. У других уже куплена мебель, да мало ли что... Ну есть где-то там какие-то негодяи, неизвестно кто и неизвестно где, а я - вот он, здесь, на глазах. Наш советский и постсоветский народ в подобных случаях дружно решает – «он противопоставляет себя коллективу». Или даже народу – когда как. В данном случае «он» - это я. И с легкостью переносят вину на пострадавшего. Так было раньше, во многом это остается в нас и сейчас.

Когда Путин после демонстрации на Болотной площади ткнул пальцем и сказал: «Этих и этих посадить», то народ демонстрировать на площадях перестал. Это ментальность сегодняшней России. А когда в Киеве избили студентов, то вся западная Украина пришла на «майдан», увлекая за собой остальных. Вот разница в ментальности. Кстати, многие в восточной части Украины, так называемой русской, сказали – безнадежно, только хуже будет. Никто не думает, что следующим невинным может быть он. Поэтому Россия еще очень долго будет жить, как жила тысячи лет...

Слишком масштабное для моего случая сравнение? Может быть. Вернусь к своим мелочам.

Дни шли за дням. Незаметно пролетел месяц. Враждебные настроения в коллективе усиливались по законам резонанса. Я видел, что даже люди, не связанные с квартирами, с трудом сохраняли приветливое выражение на лицах при встрече со мной.

- Почему я должен платить деньги за твои принципы? - орал мне один здоровый слесарь из цеха, и хотел бить морду. Спасибо Жетесу Садатовичу, он его оттащил, и сказал тихонько, что я боксер. Помогло. Хотя все равно сотрудница моего отдела, правая рука Саши Мекка, вызывающе громко рассказывала, что я «обагрив руки нокаутом простого рабочего». Она тоже ждала квартиру. Да, только еще одного нокаута мне не хватало для полного счастья...

Я чувствовал себя невинно-виноватым в серьезных неприятностях других людей. Очень неприятное ощущение, доложу я вам. Однажды была сценка, как из старого советского фильма. Подошла ко мне пожилая уборщица, этакая тетя Маша или тетя Глаша, и без всякой злости, рассказала, как они с дочкой и внучкой надеялись переехать в новую квартиру, как рассчитывали, что больше не нужно будет платить за съём, и они на

сэкономленные деньги купят ей диван, и она сможет наконец убрать свои старые кости с жесткого топчана... М-да...

Нина мне ничего не говорила, но я видел, какую боль причиняет ей мысль потерять квартиру, которую уже давно считала своей. Вы знаете, для женщин это так много значит! Она из принципа советов не давала, считала это бестактным. Железный Феликс. Думаю, Нина была не права. Я однажды сказал, что у неё две трети решающих голосов, и не потому, что хотел переложить на неё ответственность. Да, я намекал на то, что она при всех вариантах останется владелицей квартиры, даже если мы не уживемся. Некрасиво, но, правда.

Наверно у меня в жизни ни до, ни после не было такого морально тяжелого периода. В добавление ко всему начал подавать сигналы мой желудочно-кишечный тракт, и трудно было в этом его обвинять. А Нина похудела и даже стала не такой красивой, как обычно. Но кофточки по-прежнему сверкали белизной.

Директор продолжал болеть. Вернулся из отпуска Исабаев. Я с ним пересекался пару раз и, вполне естественно, с пристрастием наблюдал за его поведением – нет, все как обычно. Здоровался. В квартирные дела не вмешивался. Правда, один раз мне почудилось удовольствие в его обычной улыбке, но это вряд ли. Неужели может человек получать удовлетворение от того, что люди – ну бог со мной – но много ни в чем не повинных людей страдает «по щучьему велению и по его хотению»? Я решил, что такое невозможно. Показалось.

Нужно было решать. И скорей всего уступать произволу, чему учила нас вся советская история.

Конечно, жаль квартиры. Но была еще одна проблема – сознание унижения буквально съедало меня изнутри. Неужели я должен это проглотить? Да, они все отлично продумали, нигде никаких официальных следов, вроде не на что жаловаться. И претензии комиссии к строителям законны – они всегда законны. Но все-таки это шантаж по отношению к целой организации. Нежели я промолчу? Чтобы не выглядеть нескромным, скажу так – до сих пор безответность и безропотность не входили в число моих достоинств.

Все-таки нужно бы что-то предпринять, хотя бы с риском потерять то, что есть. Куда-то выше нужно бы пожаловаться, ведь по существу ситуация скандальная. Но куда? О суде и прессе нормальные обычные люди тогда даже не вспоминали. Эти инстанции с нами ничего общего не имели. Жаловались в партию, в райком или горком. Но официальная жалоба дело очень опасное, в лучшем случае её похоронят, в худшем я стану официальным клеветником. На завод пойдут комиссии, и там мне уж точно житья не будет. А если к этому все-таки причастен Исабаев – хотя в такой вариант я вместе со всеми уже не верил – то тем более. Его сила в партии, это было известно всем.

Итак, пожаловаться надо устно, но человеку при власти, и который меня станет слушать. Такой ход рассуждений вывел меня на Жанат, уже сыгравшую однажды важную роль в моей биографии.

А натолкнул меня на эту идею секретарь парторганизации, который не только перестал подмигивать, но вообще последнее время старался не смотреть в мою сторону. Однажды он укоризненно сказал, что вместе со всеми пострадало и министерство строительства. Этот дом должен по плану быть принят еще в мае. А я к тому времени уже знал, что друг Жанат – надеюсь, вы его еще помните, зам министра строительства - пошел на повышение и стал министром. Мы с этим новым министром теперь оба заинтересованы в том, чтобы дом был принят.

Я записался к Жанат на прием. Она работала в той же должности на том же месте, и прием был по-прежнему по четвергам. Нине ничего не сказал, так как сознавал – шансов на успех нет, зато на неприятности хватает с избытком. Впрочем, их и так хватало.

Немалую роль сыграло и желание получить еще небольшую отсрочку. Этот план кроме всего прочего позволял – морально – еще потянуть время. Оправдывал. Но все-таки главной движущей силой были – назовем это так – остатки гордости.

Словом, я у себя выпросил еще неделю.

С трудом мне удалось записаться на прием, список на ближайших две недели был закрыт. Но личное обаяние – я не поленился зайти к секретарю, не стал звонить по телефону – взяло верх. Я был записан на самый конец приема, на пять часов.

В четверг начиная с четырех часов я уже сидел в унылой очереди. Сидел до шести. Плохо. Жанат будет усталой раздраженной. Содержание разговора было продумано заранее. Упор нужно сделать на то, что эта ситуация очень скандальная и для всех опасная. О министерстве строительства очень осторожно, как бы между прочим, она не должна заподозрить, что я знаю о её внебрачных связях с сильными мира сего. Обязательно нужно сделать ударение, на том, что мы с Ниной довольно долго работали в этой квартире, тратили свои силы и деньги. И польстить ей насколько возможно.

От Жанат вышла старушка, на скамье ожидания остался я один. Вызывала секретарь, та самая молоденькая девочка, что вроде была замешана... Вы помните? Но на сей раз открылась дверь, выглянула Жанат и раздраженно спросила:

- Еще много?

- Только один, - вставая, ответил я.

- Входите.

Она оставила дверь открытой и пошла к себе за стол. Я за ней. Тяжелый рабочий день на достоинствах её фигуры и походки не отразился. Я понял, что льстить ей будет не трудно. И когда она повернулась и села в кресло, я даже не притворяясь стал молча и во все глаза ей льстить. Она по-прежнему этого заслуживала. Несмотря на усталость, Жанат мои эмоции отметила, но не слишком отреагировала. Устала. И привыкла.

Она посмотрела в список, кажется меня вспомнила.

- Поляков, Борис э...

- Можно просто Борис.

Вот теперь она меня точно вспомнила.

- Старый знакомый. Но у вас вроде все хорошо. Сан Саныч недавно хвалил, и сказал, что вы получаете квартиру...

- Нет, не все хорошо.

Я видел, что Жанат устала, решил не тянуть время и коротко, но – надеюсь, с нужными акцентами - рассказал то, что наметил. На слове «шантажируют» она поморщилась, не знаю, это была реакция на мое определение или на ситуацию. Министерство строительства все-таки отметила. Когда я сказал, что может быть скандал, она посмотрела вопросительно, наверно решала, способен ли я его затеять. Передо мной был мастер интриг, я это понимал. Но в общем она не слишком увлеклась моим рассказом.

- А причем тут я?

- Это в какой-то степени ваша епархия, вы распределяете квартиры и могли бы узнать...

Я остановился. Слишком давить не стоило... Она пока не знает, в чем там дело. А значит, ничего обещать не будет. Я почувствовал, что в любой момент разговор мог закончиться. Она действительно устала.

И решил, что одной логикой не обойдешься, нужно добавлять эмоции.

- Жанат, я знаю, что вы человек не равнодушный. Мы с женой полгода пахали в этой квартире, вложили туда уже немало денег. И теперь ...

Никогда не знаешь, как и в какой момент повернется разговор. Особенно с таким неординарным человеком, как Жанат.

- С женой... Пойдите, пойдите. Я припоминаю... Эта история... Вы ради неё уехали... Так вы с ней поженились?

- Да, поженились. – я изо всех сил старался, чтобы было как можно больше чувства, по-моему даже немного переборщил.

Но Жанат этого не заметила. На её хищно-красивом лице появилась улыбка, я бы сказал мечтательная улыбка. Романтическая. Я готов был поклясться, что эта сильная и властная женщина в глубине души тоже хотела, чтоб появился принц, который ради неё пожертвует чем-то очень важным. И чтобы этот принц не был похож на толстого, немолодого и в общем-то безликого члена правительства...

Жанат вернулась на землю.

- Я не думаю, что смогу помочь. Вмешиваться в дела комиссии нам запрещено. Словом так. Вы идите, работайте. Посмотрим.

Я растерялся.

- Но я могу записаться на прием, чтобы узнать?..

- Это уж точно ни к чему.

Я бы совсем потерял надежду, если бы она снова неожиданно мечтательно не улыбнулась.

- Передайте привет вашей жене.

Я обещал передать, поблагодарил за внимание и постарался, чтобы это прозвучало искренне.

Несмотря на привет по дороге домой я растерял последние остатки надежды. Нине ничего не рассказал, ничего ей не передавал. Но на всякий случай дал нам срок до следующего четверга. Потом нужно будет идти сдаваться.

Четверга дожидаться не пришлось. Во-вторник утром запыхавшись ко мне подошел – если не подбежал - секретарь парторганизации и сказал, что дом принят комиссией. Важное лицо передумало. На этот раз я только огромным усилием воли преодолел желание упасть в обморок. Свои чувства описывать не буду, хотя бы потому, что это мне не под силу.

Мне было очень интересно, какая реакция будет у Нины. Об обмороке и речи быть не могло, в противном случае я в ней до сих пор не разобрался.

Но на этот раз реакция была абсолютно непредсказуема. Представьте себе, она как самая обычная женщина повисла у меня на шее, стала целовать в ухо, в щеку, в шею – куда придется, сквозь слезы всхлипывала «миленький, дорогой мой, как все хорошо». Мне даже показалось, что где-то там было и «люблю», но в этом я не уверен. Кажется, все-таки было. С тех пор поразить её чем-нибудь до такой степени мне больше не удавалось.

Не стану интриговать вас дальше, не хочу «вызывать чрезмерные ожидания», как говорят политики, когда хотят, чтобы народ и в будущем не ждал ничего хорошего. Скажу сразу, что при всем нашем старании, так и не удалось узнать, что произошло на самом

деле. Мы с Ниной, Генрихом и Жетес Садатовичем не один раз обсуждали происшедшее, искали разгадку, но так ни к чему и не пришли.

Причем мнения разделились.

Мы с Ниной считали, что помогла Жанат, ведь перемены произошли вскоре после разговора с ней. То есть мое решение пойти на прием было правильным и «мужским», а выбор разумным. В этом случае «стена» не подвела. Я не сдался, испробовал все, что возможно. Даже рискнул. Иначе говоря, невольно на наше мнение повлияло обоюдное желание упрочить мой семейный авторитет. Но я до сих пор уверен, что так оно и было. А Нина на какое-то время размякла до такой степени, что однажды сказала, правда ночью, в постели:

- Я знала, что не ошибаюсь в тебе.

Днем повторить это, впрочем, она не решалась.

«Заказал» ли меня Исабаев? Во всяком случае, мы не удивились бы, если бы так и оказалось.

Генрих по-прежнему считал, что Абай такого сделать не мог. Он даже почти напрямую поговорил с ним. Тот возмутился, и сказал, что если бы не дружба, быть бы сейчас Генриху в нокауте.

Неожиданно изменил свое мнение Жетес Садатович. Он пришел к выводу, что скорей всего это дело рук Исабаева. В его варианте как обычно была логика в восточном орнаменте. Эту было не просто предположение, а «сюжет для небольшого рассказа», разумеется, детективного.

По его мнению, Жанат, движимая хотя бы любопытством, обязательно должна была поинтересоваться, какой такой могучий батыр так сильно зажелал нашу не слишком престижную квартиру, что даже пошел на шантаж. У неё такой заявки не было, она бы что-то знала. И это не почерк сильных мира сего. С другой стороны по наущению Жанат в комиссию поступил запрос султана-строителя - что такое, почему задержка? А заговорщикам много и не нужно было. Джин решил, что ради мелких интриг Исабаева не стоит продолжать глупую затею. Да и сам Абай не захотел дальше рисковать и дал отбой. Если бы это было всерьез, никто не отступил бы. Но если бы я не пошел к Жанат и сдался, они бы просто отдали мою квартиру какому-нибудь клиенту, все равно какому.

Мнение Жетес Садатовича совпало с нашим в главном – Жанат была героиней, а, следовательно, и я героем. Хотя бы в глазах Нины.

В ближайшее воскресенье мы начали переезд в новую, на этот раз уже настоящему нашу квартиру. Мы с Ниной успешно прошли то, что я в начале главы назвал испытаниями 2. И самое главное, все время поддерживали друг друга. Во всяком случае никто не высказывал сомнений и недовольства, а это ох как много значит, когда нервы напряжены до предела. Я все эти вещи оценил, когда бои отгремели. Все-таки согласитесь, мы для пока еще во многом формальной семьи держались молодцом.

2.24 На пути к будням и быту.

Мы Ниной не были наивными людьми – не тот возраст, не говоря уже обо всем прочем - и отлично понимали, что впереди нас ждет куда более длительное и важное испытание. Я имею в виду создание настоящей семьи. После года праздника должны начинаться будни. И быт.

Но еще примерно полгода никакое отрезвление, никакая обыденность нам не грозила. Начался затянувшийся трудовой медовый месяц. Обычно в известном по литературе и кино классическом медовом месяце молодожены только и делают, что

наслаждаются и узнают друг друга. Со всех сторон. Других дел у них нет. Но мы были так загружены, что особенно присматриваться, выискивать достоинства и недостатки ни сил, ни времени не оставалось.

Переезд на новую квартиру, покупка мебели, сборка её. Кстати, поиск этой мебели тоже был очень даже непростым делом. В выборе я приоритет безоговорочно отдал Нине. Она этот приоритет взяла, но любые свои решения начинала со слов: «Как ты думаешь...». Правда ответ дослушивала до конца не всегда.

Квартира была чистенькой, но абсолютно голой. Только радиаторы, которые кстати, нужно было как-то закрывать и облагораживать. Огромная работа. Больше всего мне запомнилась кухня, где нужны были нижние шкафчики, верхние шкафчики, облицовка раковины. Но Нине всего этого показалось мало, и пришлось начинать с исполнения её мечты – моющихся обоев, последнего писка моды. Иногда приглашали рабочих, многое делали сами. Нина что-то приносила с завода – что охраняешь, то имеешь. Я этим не занимался, то ли из-за лени, то ли из принципа. Нина работала с явным удовольствием – для себя стараемся. Признаюсь, мелькали у меня неприличные мысли – ты то для себя, а со мной еще не все ясно. Но я им ходу не давал.

Помогали, конечно, чем могли Генрих и Жетес Садатович, правда из Генриха был примерно такой же народный умелец, как из меня. А Илья дал инструмент, показывал, как надо им пользоваться – он был мастер на все руки.

Переезжали мы в середине июля, но в начале августа был вынужденный перерыв: мы взяли отпуск и поехали отдыхать на лоно природы – сторожить квартиру Ильи, и выполнять различные приусадебные работы, которых было немало. Андрей был счастлив. Но и там мы с Ниной не могли посвятить себя друг другу. Регулярно кто-то срывался в город, потому что там что-то нужное в магазинах «выбрасывали». Мы «выброшенное» подбирали, естественно за деньги. Кстати о деньгах – в долгах были с ног до головы. Ссуды на обоих предприятиях, рассрочки, брали у всех, кто что-то давал. Но не зря у меня в семье был экономист, и как говорили хороший. Мы практически за год – ну с небольшим – вылезли из долговой ямы. Я из скромности не говорю о том, что моя солидная зарплата с премиями за ЕСКД тоже сыграла не последнюю роль. Я в то время действительно оказался выгодным женихом, временами энергичным и пробивным, а в домашних условиях достаточно покладистым и почти ручным.

Это было нелегкое время, но не лишённое пионерской романтики – взвейтесь кострами синие ночи... И все-таки очень много лет после этого сама мысль о приобретении собственной квартиры приводила меня в ужас.

Огорчало меня и то, что мы не могли слетать в Одессу. Я хотел увидеть маму, а мама хотела увидеть мою семью. Но я с Ильей передал длинное письмо, где подробно объяснил наше финансовое положение, обещал как только – так сразу... И приложил пакет фотографий, где Нина была такой молодой и красивой – она была ко всему еще и фотогенична – что я сам себе позавидовал.

Илья мне потом рассказал, что когда мама просмотрела эти фотографии, то вздохнула и сказала – уж очень она молода и красива. И уверена в себе.

В сентябре работы по витью гнездышка продолжились, скорее по-настоящему начались. Не буду описывать, кто не проходил – все равно не поймет. Люстры, бра, в ванной зеркала, облицовка. Стены – не помню, то ли кирпичные, то ли блочные – но сверло туда не лезло. «Взвейтесь кострами...». К счастью в конце октября я получил передышку, меня отдел-управление командировал на две недели в Москву для чтения лекций на курсах по ЕСКД. Я поднимался по иерархической лестнице как специалист-стандартизатор, гори оно огнем. Надо было снова изучать недоученные материалы.

Впрочем, признаюсь, я немного кокетничал, говоря, что ничего в этом не понимаю. Ничего особо сложного в этом ЕСКД не было, квалификация у меня была неплохая, все время крутился вокруг этих нормалей, хочешь – не хочешь, разбираться начнешь. Когда я прилетел в Москву, поселился в хорошем номере, то понял, насколько устал. До такой степени, что кажется у меня не хватило сил отбиваться от соблазна, который я уже упоминал, и который опять приехал на курсы. Соблазн выглядел не хуже, чем раньше. Впрочем, говорю честно, я помню, что отбивался, а чем кончилось. уже не помню – сорок пять лет прошло. Действительно не помню. А почему вообще запомнился этот эпизод – я хотел понять, ревнует ли меня Нина и по возвращении вел себя специально подозрительно. Нет, не ревновала.

Отлично помню, что последний гвоздь был вбит в конце декабря. Мы сели – Нина с Андреем на диван, я на свое любимое кресло-качалку, которое было куплено специально для балкона, но пока не сезон качалось в гостиной. Мы почувствовали радость, облегчение и...чуть-чуть пустоту. Обменялись вопросительными взглядами - чего нам ждать друг от друга в новых, мирных условиях?

Правда были еще занятия – до нового года справили новоселье, в том же составе, что и свадьбу. А на новый год собрались «бражкой», тоже у нас, прилично выпили, разговаривали и смотрели новый телевизор. Отключились только Андрей и Лариса Михайловна, мы их отправили спать, а сами с Анной Ванной говорили и пили до утра. Она была рада, глядя на наше богатство и благополучие – квартира действительно выглядела, так же светло, аккуратно и привлекательно, как Нинины кофточки. И все-таки мне кажется, что-то её беспокоило, уж очень она любила свою, как я острил, внебрачную дочь.

После Нового года начались долгие зимние вечера и у нас стали потихоньку вырабатываться семейный образ жизни и семейные традиции.

Работа меня от семейной жизни не отвлекала. Я, разумеется, туда ходил, но как сторож на дежурство. На октябрьские праздники нас посетила долгожданная комиссия, мы с секретарем парторганизации были, пили и ели при ней, председатель завкома присоединялся только к приему пищи. Директор мог быть доволен, о работе нашего отдела отзывы были восторженные, как он и хотел, хотя после получения квартиры мне это было почти безразлично. Сам директор после квартирного скандала чувствовал себя виноватым и, в соответствии со своим характером, обижался на меня. Впрочем, это общечеловеческая реакция в подобных случаях.

Но более интересным, разумеется, является дальнейшая судьба СКБ и унифицированного горно-шахтного оборудования. Большое впечатление на вышестоящих произвело одобрительное письмо начальника шахты. Закрывать проект было неловко, а кроме неудобства возникала проблема - куда девать большое конструкторское бюро с его экспериментальным участком? Наверху чесали затылки, но не очень долго. Вынесли вполне ожидаемое соломоново решение. Конструкторы должны переработать машину, приблизить её к американскому образцу. Правительство выделило три завода, которые по плану, а не в качестве одолжения, поставят детали. Дали на все это три года, год на проектирование и два на изготовление и сдачу опытных образцов. Таким образом решение отложили и забыли о нас – за три года или шах умрет, или осел...

А в самом СКБ эйфория после относительного успеха в шахте продолжалась недолго. Когда закончились отпуска, собралось большое техническое совещание у Аркадьева, куда во избежание неприятностей пригласили и меня. Я само собой, туда не рвался. Рассматривался только один вопрос – как спроектировать новую машину на

уровне европейских (или американских) стандартов. Оказалось, что никак. Оказалось, что изменить толком ничего нельзя. Помните, я говорил, почему наши новые изделия рождаются старичками? Оборудование, комплектующие, материалы - все по-прежнему оставалось нашим, советским, низкого качества, ненадежным, а иногда и просто не работающим. Вариантов было очень мало. Поэтому и схема, сочетающая кинематику с гидравликой, громоздкая и уменьшавшая возможности машины была неизбежна. Ну, там что-то усилить, привязать, что б не болталось... И на этом все.

Я беру на себя смелость объявить во всеуслышание, что задолго до Черномырдина Аркадьев в конце совещания сказал знаменитую фразу – хотели как лучше, а получилось как всегда. Мало кто уже может это подтвердить, но тем не менее приоритет за Аркадьевым.

Оказалось, ничего ценного кроме этой фразы на совещании не родилось. Все конструкторы поняли, что в течение года придется просто делать копии старых чертежей. Для того, чтобы хоть как-то повысить интерес, решили оформлять их по ЕСКД. Нормоконтроль должны были осуществлять Саша Мекк и компания. «Группа Полякова и примкнувший к ним Шепилов» приказала долго жить. А я потерял даже остатки интереса к работе своего отдела.

Пока дома был трудовой энтузиазм переезда, я это абсолютное ежедневное восьмичасовое безделье, еще кое-как переносил. Но когда и дома все затихло, я почувствовал, что может произойти нервный срыв. Как в воду глядел, хотя об этом чуть позже... И тогда я решил (в очередной раз решил) преодолеть лень и отвращение и заняться нормализацией, если не для пользы дела, то хотя бы для сохранения здоровья. Чертежи наши были очень низкого качества, я имею в виду не содержание – в содержание я, наученный опытом, уже не совался – а оформление. Самоделки. Мои нормализаторы за последние полтора года, работая с нормами и ЕСКД, повысили квалификацию. Тогда я произвел реорганизацию, что меня тоже развлекло. К каждому отделу были прикреплены постоянные нормоконтролеры, которые не только проверяли уже готовые чертежи, но «ходили по доскам» - есть у конструкторов такое выражение, не поймите это дословно. Советовали, как лучше расположить деталь, сечение, как образмерить. Когда мне было невмозможу, то я «лично» выходил к чертежам литья, в оформлении которых был «полный караул». Сначала это не вызывало одобрения у ведущих и ГИПов, но потом они увидели, что в содержание никто не вникает, и махнули на нас рукой. Времени у разработчиков было даже с нашими претензиями больше, чем достаточно. Впрочем, моего личного энтузиазма на долго не хватило, но общий результат определенно был. К чему я заговорил об этом – все-таки меня считали полезным работником, хоть и не очень трудолюбивым. Запомним на дальнейшее...

К сожалению, ничего существенного за то время, что я продолжал работать в СКБ УГШО, так и не произошло, во всяком случае, я этого не припоминаю. Если что-то вспомнится, напишу. К цеху ни один строитель не подошел, нового оборудования не завозили. Стиль работы конструкторских бюро остался старый – да и куда было торопиться? Больше того, спустя немало лет, когда появился компьютер, который все знает и все помнит, я поинтересовался – выпустили ли там в конце концов машины, решили ли что-нибудь с заводом? Должен вас огорчить – все это самоходное унифицированное горно-шахтное оборудование на пневмошинном ходу, к которому я имел хоть и не прямое, но все-таки какое-то отношение, растворилось бесследно и безрезультатно. Вместе с заводом и СКБ УГШО. На этом о заводе пока все. Как я уже сказал, может еще что-то к слову придется.

Теперь о жизни и любви. Я действительно тогда не считал, что большая любовь обязательно нужна в браке людей нашего с Ниной возраста. Довольно часто она даже мешает, особенно когда только односторонняя, как флюс. Излишние требования, ненужное напряжение. Я видел это на примере знакомых и друзей. Гораздо важнее, считал я тогда, чтобы друг с другом было комфортно, пожалуй, это самое главное. И уверенность, что тебе в тяжёлую минуту, в минуту слабости простят и помогут. А кстати необходимо и желание поступить точно так же, когда это потребуется.

Но не только в тяжёлую минуту. Нужно быть способным прощать недостатки и слабости, которые партнер (простите за бюрократическое определение) не может преодолеть. И в то же время хотя бы пытаться изменить в себе то, что его раздражает. Знаете, как у врачей есть основной принцип - «не навреди», так в семье это - «не раздражай».

Но может быть именно для этого и нужна любовь? Я повторю, думал, что не обязательно.

Мы с Ниной, разумеется, предполагали, что будут серьезные проблемы. И главным - несходство характеров. В том числе её твердость и прямолинейность, временами переходящая в однолинейность, против моей - с её точки зрения – нестабильности и способности излишне поддаваться эмоциям. Но мы искренне готовы были приложить все усилия, чтобы эти проблемы решить. Все-таки за это была не только общая квартира – и кстати общая кровать. За это были и симпатии друг к другу и - надеюсь – обоюдное уважение, что тоже не каждый день встречается на жизненном пути. Но жизнь слишком часто переворачивает все с ног на голову, и важными могут стать вроде бы вещи не принципиальные, о которых даже не задумывались.

Поэтому рассказ о нашей семейной жизни я начну не с её описания. Начну с некоторых подводных течений, которые появились почти в самом начале «мирного семейного» периода, и о которых мы с Ниной почти не говорили. Считайте это немного затянувшейся преамбулой.

Начну с себя. Впрочем, своим мнением и закончу. Я далеко не всегда сознавал и даже замечал то, что раздражало Нину, тем более – и это было очень плохо – она никогда не высказывала недовольства. Такой характер. Железный Феликс. Мне иногда казалось – хотела высказаться, но не могла себя преодолеть. Поэтому я волей неволей больше могу рассказать только о моих ... ну скажем, чтобы никого не обидеть, огорчениях (это звучит лучше, чем претензии и недовольство). Можете не сомневаться, с другой стороны их тоже хватало.

Это была борьба, но не друг с другом, а в первую очередь с самим собой. Но все-таки борьба. А для борьбы нужно было иметь достаточно сил, оптимизма и терпения.

Оказалось, что я вступил в будни и был не в лучшей форме. К сожалению. Воспринимайте это, как очередную попытку оправдаться, но в начале «мирной» семейной жизни серьезно пострадали – сказал бы Владимир Ильич - «три источника и три составные части» моего душевного и физического здоровья.

Как ни странно, «первый источник» – это работа. Там, как я рассказал, после некоторого оживления все вернулось на круги своя, в полном соответствии с популярным в те годы изречением – они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем. Мне, во всяком случае, решительно нечем было заняться. Абсолютно. Все-таки прежде на работе что-то происходило. То проблемы с комиссией и ЕСКД, то организационные. Потом общее оживление, связанное с испытанием машин. А затем все вернулись к еще большей рутине, а я к абсолютному беспросветному безделью. Такое положение для меня было опасным во многих отношениях. Почему?

Я уже рассказывал, что не мог добросовестно относиться к работе, которая меня не увлекала. Но сейчас речь немного о другом - отсутствие интересного занятия всегда – всегда! – влияло на мою физическую и психологическую форму. Я в этом убеждался не один раз в течение своей довольно длинной и отнюдь не однообразной жизни. Проще говоря, я в таком случае не только хандрил, но даже явно или неявно болел. Вот вам элементарный пример. Я уже много лет – и по сей день – перед сном, лежа в постели привык решать какую-нибудь проблему моего интересного занятия. Если нет занятия, а, следовательно, нечего обдумывать, начинается бессонница. Даже снотворное не помогает. Казалось бы, медицина учит нас по возможности освобождаться от всех серьезных мыслей, чтобы легче уснуть. Но у меня все наоборот, еще раз говорю, проверено многократно и многолетно (есть такое слово?). Короче говоря, интересные занятия были необходимым условием моего общего состояния. А особенно учитывая проблемы желудочно-кишечного тракта. Не напрасно говорят – все болезни от нервов, а желудочные – в особенности. Если вы помните, я стал сознавать себя здоровым (несмотря на хронику внутри) в СКБ «Проектор», да и позже не один раз происходили подобные эволюции.

Но этого одного для моего не слишком здорового организма было не достаточно. Очень важен был «второй источник», еще одна «составная часть». Регулярные занятия спортом, пробежки, работа с мешком, скакалка – не просто банальная зарядка - были необходимы мне не меньше. Только таким образом мне удавалось сохранять относительно нормальный тонус. Для своего ослабленного нутра я должен был поддерживать достаточно крепкий каркас, на этом и держалось равновесие. Я дожил до своего возраста вопреки прогнозам условно-саратовских врачей только потому, что почти всегда (почти!) следовал этому правилу.

К сожалению такое «почти» произошло сразу после переезда на новую квартиру. С тех пор, как я перестал ходить в спортзал, у меня где-то в районе дома всегда висел боксерский мешок, изготовленный по рецептам «Сделай сам» и «Кружок умелые руки» - были в то время такие то ли издания, то ли приложения. Он красотой не блистал – брезентовый чехол, набит тряпками, а внутри еще мешок поменьше с песком – для веса.

На любимое место Нины – балкон меня не пустили, там был чудный инкрустированный столик, стулья, качалка, в углу электрошашлычница. Торшер. Там моему «уроду» - так его назвала Нина - было не место. Возможно, она была права. Со скакалкой на балконе тоже развернуться было не возможно. Хватало места в уголке в гостиной, но когда я начинал прыгать, немедленно прибежала живущая под нами помощница Мекка, та, что сказала «обагрил руки нокаутом». У неё наверно был чувствительный сейсмограф, не иначе. Она нас держала в страхе. Иногда ночью далеко не буйная (к большому сожалению) Нина каждый раз меня останавливала: «Тише, соседка прибежит». И ведь прибежала!

От пробежек на улице я отказался сам. Умный в гору не пойдет, а там и пятидесяти метров по горизонтали не было, все время вверх-вниз. Не мой стиль. Бросил. А втянуться в то, чтобы ничего не делать, не трудно, тем более, что на утреннюю зарядку у меня никогда времени не хватало. Через два-три месяца я почувствовал, что мой каркас стал трещать по всем швам.

А третья «составная часть» не должна была бы упоминаться в приличных и романтических мемуарах, но в жизни имеет очень большое значение – я имею в виду свою многолетнюю мечту о вкусной и здоровой пище. За почти десяток лет жизни в одиночестве я приноровился к своему желудку, он стал не очень капризен, а я не злоупотреблял тем, что ему было не по нутру. Чему он противился? Прежде всего, как и говорили врачи, не должно быть однообразия, желудок привыкает и ослабляется...

Готовил каши, особо гречку, варил иной раз овощные супы, покупал в кулинарии голубцы – обожал. Потом жаркое с тушёнкой – тушёнка в магазинах была. Обязательно по воскресеньям на завтрак селедочка с картошкой. Словом, выходил из положения.

Хотя, знаете что? Я найду с другой стороны этой темы. Нина не случайно приносила покупной торт и бульон с куриной шейкой. Это в основном то, что они с Андреем потребляли. Плюс еще буквально кое-какие мелочи. Я никого не собираюсь удивлять, знаю, что многие жены, особенно молодые, сейчас не любят и не умеют готовить. Нина среди них была бы не на последнем счету.

Не преувеличиваю:

Два раза в неделю она брала большую курицу и большую кастрюлю. Затем обдирала с неё (с курицы) шею с крылышками, набивала её манкой и куриными внутренностями, зашивала. Потом шейку вместе с остовом курицы целиком опускала в кастрюлю с водой, туда же морковку и луковицу (правда, очищенные). Варила. Бульон получался очень наваристым! Обед на три-четыре дня готов. У меня до сих пор перед глазами картина – торчит длинное куриное горлышко, а за ним бедная курица без крыльев... Были еще отдельно сваренные на три-четыре дня макароны, хочешь – бери из холодильника. В качестве гарнира их приходилось обжаривать. Картошка, даже жареная, появлялась не часто, подозреваю, потому что её нужно было чистить и перемешивать. В районе Ленинграда к свежим овощам – кроме капусты – приучены не были. В основном у Нины были только соленья. Иногда для разнообразия подавалась рыба, тоже крепко зажаренная. Почему-то селедки не было.

Нина не была ленивой, просто испытывала к кухне неподдельную ненависть. А к еде относилась только как к неизбежной необходимости. Исключение делалось для покупного торта.

Что это означало для меня? Самым страшным моим врагом были наваристые мясные бульоны. Врачи предупреждали – ни в коем случае! Категорически. Сейчас каждый ребенок знает, что это сплошной холестерин. А жареные макароны на гарнир были завершающим штрихом. Нина, я помню, искренне удивлялась – как, самое полезное для желудка - это крепкий, наваристый бульон! Больным дают! В глубине души она считала, что я капризничаю.

Её в этом трудно обвинять. Она видела, что я ем с удовольствием жареный шашлык с луком, запивая его водочкой. А я, каюсь, о своих болячках не очень распространялся. И с гордостью могу добавить, тогда мой внешний вид не вызывал никаких подозрений. Конечно, когда прекратился безумный хаос первых месяцев благоустройства, я рассказал обо всем Нине, и она посмотрела на меня с сочувствием. Но так как внешних признаков опасности не обнаружила, то до поры до времени выбросила все это из головы.

Я не хотел начинать совместную жизнь с претензий, поэтому пил бульон, нахваливал шейку, ел жареные макароны, а главное делал это изо дня в день. Иногда для разнообразия клевал жареную рыбу, прислуживаясь к протестующим воплям желудка и стараясь отковыривать жесткую корку. Но ловил на себе насмешливый взгляд Нины и проглатывал все. К счастью, рыбный день у нас был не часто.

Я начал описание семейной жизни не с духовного единства и высоких материй, а с житейских мелких неприятностей может быть потому, что «главное это здоровье» не только тост. Оно очень важно и в семейной жизни, особенно в его начальной стадии. Те пары, которые уже много лет вместе, продолжают тащить на себе то, что им выпадает на долю. Но молодожены, особенно не очень молодые молодожены, на этот фактор смотрят с подозрением. И чем молодожены старше, тем подозрений больше.

Но перехожу, наконец, к более возвышенным темам. Наша семейная жизнь в общем началась так же спокойно и уравновешено, как это было предыдущий год, когда мы жили на два дома. Я опасался – вы должны помнить – что когда люди вместе спят, просыпаются помятые, вздохмаченные... Особенно в сложном положении оказываются женщины, которые еще не успевают набросать что-нибудь на лицо. Но Нину миновала чаша сия. Я никогда не видел её не в полной боевой форме. Она была отчаянным жаворонком, а я безнадежной совой. На работу Нина уходила на час раньше, чем мы с Андреем, ей приходилось добираться до работы двумя автобусами. Перед уходом она будила меня уже во всем блеске и в очередной свежей наглаженной кофточке. А о выходных днях и говорить нечего – я раньше десяти часов – в лучшем случае – не просыпался.

Утром я пользовался её отсутствием и готовил овсяную кашу вместо макарон, приучил Андрея есть «королевский завтрак» - овсянку и яйцо всмятку. Ему льстило приобщение к аристократическим традициям, а я хоть как-то поддерживал таким образом угасающую на глазах форму.

Я отводил Андрея в школу и забирал после работы – он был на продленке. А Нина тоже возвращалась с работы часа на полтора позже нас, так как она – как я в прошлом году – заходила в большой продуктовый магазин.

Ужинали, чем бог послал, а что он нам посылал вы уже знаете, плюс по куску покупного торта. Посуду мыл я. А Нина - если не издевалась над новой курицей – начинала что-то подстирывать и гладить. У неё на это уходила уйма времени, несмотря на то, что основное проходило через стиральную машину. Мы втроем всегда были блестящими и образцово наглаженными. Но знаете, даже если хорошее качество приобретает гипертрофированные формы, это потихоньку начинает нервировать.

Я боялся, что она и квартиру будет вылизывать, так что придется по ней летать, чтобы не пачкать полы и мебель. Нет, пронесло. В квартире было нормально, чисто, но не шик-блеск. Уборку мы все втроем делали по субботам.

Что меня настораживало – у нас теперь было намного больше времени для общения, но количество этого общения не увеличивалось. Кажется, Нина действительно была не слишком контактной по характеру, кажется, жены Генриха и Жетес Садатовича были в чем-то правы. Я пытался её растормошить, но потом решил, что и так неплохо. Читала она не слишком много, я острил, что стирка и глажка отвлекают. Она не обижалась. Но главные вещи, которые обязаны были читать все – скажем Маркеса, Хемингуэя, Белля - читала. По-моему, чтобы не отставать.

Она, оказалось, была достаточно патриотична и считала Запад бесчеловечным и загнивающим. У нас недостатки есть, зато много и достоинств. Я был сформировавшимся антисоветчиком. Так что о политике мы не говорили, чтобы не спорить и не скандалить. Есть только один способ сохранить хорошие отношения при диаметрально противоположных взглядах – о политике вообще не говорить. Так мы и поступали, причем сознательно. Я иногда ей сообщал:

- Пойду к Генриху отвести душу и поговорить о политике.

Она поощрительно и понимающе улыбалась.

Постепенно я стал убежденным последователем Бисмарка и принял в качестве постулата, что не только политика, но и семейная жизнь – это тоже искусство возможного.

Но была одна проблема, которая всерьез меня беспокоила - её глаза все реже голубели. Она видела, что это меня расстраивает, и говорила, что просто привыкает ко мне. Мне привыкание в таком направлении не очень нравилось. И не слишком нравилось все более семейная форма наших личных, интимных отношений. Но в конце концов не

может же быть все хорошо? Я стал приходить к мысли, что наша жизнь не будет сплошным праздником, не будет фейерверком страстей, но, безусловно, становится все спокойнее и надежнее. Мы все друг к другу хорошо относились, заботились, как могли, может разве что в меру своих характеров. Но выше головы не прыгнешь, и мы с Бисмарком это понимали. Искусство возможного.

Так продолжалось до мая месяца, когда подводные течения, о которых я говорил в преамбуле, появились на поверхности. У меня началось весеннее обострение. В Столице я о болях в желудке стал забывать, а тут возбудился не только желудок, но и весь тракт сверху до низу. И появилось нечто новенькое – периодические и очень болезненные спазмы желудка. Все произошло довольно резко, не постепенно. Я понял, что нарушение трех основных частей моего здоровья бесследно не прошло. Нина не очень, судя по всему, поверила, что безвредный бульон и невинные макароны вместе с изредка заплывающей в наш дом рыбой тому причиной. Но вслух этого не говорила, а поддержала мое желание какое-то время питаться тем, что я считал для себя полезным. Она сказала, что конечно же, я могу готовить до выздоровления себе еду сам, даже предложила помочь, если её помощь понадобится. Я грешным делом думал, что она будет варить еду для всех по моему меню, которое было – я уверен – вкуснее и разнообразней долбанной курицы, хоть и более трудоемко. Увы, предложения не последовало. Я помрачнел, а это в состоянии обострения было лишнее. И... смирился. Я готовил себе, иногда угощал Андрея, Нина вела хозяйство по-старому.

Нужно было с этими настроениями бороться. Я собрался, взял себя в руки, решил не позволять обострению влиять на мое отношение к семье. Готовил обед и ужин себе сам, а завтрак – вы знаете – уже и до этого был за мной. Стал регулярно и вовремя принимать таблетки, следить за питанием, брать на работу баночки с перловым супом. Опыт у меня был. Нина мне по дороге с работы иногда покупала голубцы или фаршированные перцы, Андрей тоже отдавал им должное. Словом, к началу июня я купировал обострение. Возвращаться к Нининой кухне я не решался, но понимал: каждый готовит себе еду сам – это не семья. И тогда я совершил крутой поворот, такое – вы знаете – за мной водилось. Я решил хотя бы на время резко разнообразить если не еду, то хотя бы образ жизни. Внести почти исчезнувший интерес. И тут, должен признать, Нина меня поддержала, несмотря на кажущуюся абсурдность моего предложения. В ней была странная смесь сухости, понимания, надежности и ... непонимания. Она не спорила, не протестовала. Просто соглашалась или не соглашалась. Количество достоинств в ней с моей точки зрения было не меньше количества недостатков. Просто и то и другое было неизменяемым ни во времени, ни в пространстве. От ситуации не зависело. Но я опять опережаю события...

2.25. Безумство храбрых.

«Безумству храбрых поем мы песню». Мне кажется, что безумство, оно безумство и есть – храбрых, трусливых не так уж важно. Хорошим безумство не бывает. Так я думаю сейчас, но в те времена думал иначе.

Я Нине предложил авантюру. Слесарь, который мне в свое время на заводе собирался бить морду, купил новый «Москвич» - подошла его очередь. Он был мужик здоровый, по габаритам не уступал Хвалову, а ездил до сих пор – под смех всего завода – на старом, рассыпающемся «горбатом» (кто помнит?) «Запорожце». Он с трудом в него влезал. Машина «Запорожец 965» была уникальным произведением советского автомобилестроения, в ней, даже новой, все держалось на соплях. Двигатель как детский конструктор, Какие-то штанги на каких-то резиночках. Разбирался и собирался он за один

час, но тут же нужно было разбирать снова, потому что что-то где-то перекошилось, откуда-то текло, в лучшем случае капало масло. А в совершенно изношенном варианте это был ужас, верх ненадежности. Несмотря на автомобильный голод, только дурак мог купить эту рухлядь. Я купил. Правда за смешные деньги и с расчетом только на одно лето. К зиме решил выбросить её на свалку. К ней слесарь в качестве подарка приложил ремонтный комплект поршней, были в то время такие варианты. С большим удовольствием в нежилой части цеха я возился с машиной, плюнув на общественное мнение. Слесарь добровольно - плюс бутылка - мне помогал. Кроме нормального питания у меня появился интерес к жизни и результаты этих двух составляющих спустя какое-то время были налицо в прямом и переносном смысле.

Мы Андрея по просьбе бабушки отправили на каникулы в Колпино, а сами пустились во все тяжкие. Нина в этих тяжких меня самоотверженно, при любых даже опасных ситуациях не просто поддерживала – стояла плечом к плечу. Мы купили палатку и каждую пятницу выезжали на рыбную ловлю с ночевками. Сначала на ближний круг – километров двадцать-тридцать. Там наш драндулет время от времени ломался – в основном двигатель. Я учился его чинить в полевых условиях. Руки у меня по-прежнему росли не из того места, но желание и неожиданное усердие побеждали. Багажник, который был у этой машины спереди, постепенно стал напоминать склад запчастей. На реке возле палатки бегали каракурты, попадались скорпионы, не часто, но попадались. Змеи резвились в воде, не обращая (к счастью) на нас внимания. Что вы хотите, Азия! Нина вообще этого не замечала, а я делал вид, что в спокойствии ей не уступаю.

Наконец мы взяли отпуск и отправились в большое и абсолютно безголовое путешествие на озеро Алаколь. Я приобрел багажник на крышу, и на горбе «Запорожца» вырос еще один горб, не меньше главного – вода, бензин, масло, запчасти. Продукты – в основном консервы - были на заднем сидении. Спереди в багажнике – палатка, матрасик и прочее по мелочам. Экзотика! Если предположить, что нам живым и невредимым удастся вернуться домой, то мы по раскаленной пустыне, с редкими грязными селами, куда питьевую воду завозят в цистернах, на этом несчастье, называемом горбатый «Запорожец», должны были проехать туда и обратно почти полторы тысячи километров!!! Большую, правда, часть по трассе на Семипалатинск, где несколько раз в день все-таки проходят автомобили. Но потом было глухое ответвление на само озеро, километров около сотни, где за неделю проехало всего две машины. Одна из них наша.

По дороге на озеро было два китайских предупреждения – двигатель потек, в самую жару. Один раз в полдень, другой ближе к вечеру, но жара была не меньше. Безропотная Нина навесила тент, и я раза три разбирал-собирал двигатель. Потом я провел к масляному радиатору резиновую трубку, Нине дал заранее подготовленную для этой цели клизму, банку с водой, и она таким образом поливала раскаленный двигатель. Как мертвому припарки. Несмотря на китайские предупреждения, мы все-таки приехали на озеро. Там было сказочно.

Кто нам об этом оазисе рассказал, не помню. Но мы знали, что там есть колонка питьевой воды, чудное чистое озеро, прекрасный дикий пляж и рыба. Все это там было. На огромном берегу с изумительным песком в отдалении примерно около километра виднелась еще одна пара тоже на машине, но не на горбатой. На обычной. Через три дня и эта пара уехала. Мы остались одни. Тогда в те края ездили только на охоту, наверно был ещё не сезон.

Вспоминаю дикую, чистую красоту и – даже сейчас ощущаю странную смесь напряжения и радости. Мы, пустыня, минимум в радиусе ста километров ни души, и

горбатое несчастье, от которого нельзя ждать ничего хорошего. Я ощущал себя экстремалом, чувствовал, как в крови бурлит, буквально закипает адреналин.

Мы пробывали там девять счастливых дней. Купались, загорали. Послеобеденный сон. Я занимался снастями, собирал валежник для костра. Нина пыталась жарить и варить, нужно сказать не слишком удачно. Но кто обращал на это внимание? Скучно не было. Мы мало разговаривали, в основном перебрасывались словами. Наедине с красивой и все-таки таящей неизвестную угрозу природой не хотелось тратить силы на болтовню

У нас с собой была пара закидов для ловли рыбы. Рыбка в озере была небольшая, но очень нежная и вкусная, почти без костей, не помню, как она называется. А может и не знал. Она ловилась строго даже не по часам, а по минутам. Где-то с началом сумерек она налетала на закид, облепляла все крючки. Пропустишь время, десять – пятнадцать минут позже – ни одной до следующего вечера.

Озеро почти пресное, чистейшая вода. Вдали заросший деревьями остров, там водились, по-моему, кеглики, они так объедались, что не могли потом долететь до берега, плюхались по дороге в воду. У меня иной раз возникали аналогии – а мы долетим-доедем до дома? Если мы где-нибудь здесь плюхнемся, то никто об этом даже не узнает. Конечно, вида я не подавал. А Нина была спокойна и счастлива. Опять-таки, как это сочеталось с её знаменитым здравым смыслом? Объяснение одно и все то же – ей так хотелось на кого-то положиться, кому-то бездумно довериться! Она могла быть надежной и бесстрашной. Глаза её голубели не по дням, а по часам. За девять дней мы выполнили полугодовую норму любви.

Нам всех этих развлечений было мало, и мы продолжали искать приключения на свою голову. Спустя дней пять переехали на соседнее заболоченное озеро, по-моему, оно называлось Ойяколь. Там за час наловили штук двадцать здоровых сазанов. Все это пытались вялить на веревках. На том озере змей было не меньше чем рыбы. Поверхность лихо перечеркивали маленькие головки. Все же в конце концов на следующий день мы испугались и убрались по добру по здорову. Еще пару дней покайфовали возле крана на Алаколе.

Перелом наступил неожиданно. Я держал удочку, хотя знал, что еще рано, рыба ждала своего часа. За мной был обрыв метра два, не меньше почти вертикальный. И вдруг прямо у ног я увидел наполовину вылезшую из воды змейку. Спустя секунду я обнаружил себя над обрывом. Возможности человека поистине безграничны. Я отлично помню все это. И помню, тогда впервые всерьез осознал опасность - если со мной что-то случится, Нина водить машину не может, а значит до трассы она вряд ли доберется... И еще в этот момент я сказал себе – э, приятель, мне кажется ты по-настоящему намерен полюбить свою жену. А раз так, осознай ответственность, и тикайте, пока целы.

На следующее утро мы не сговариваясь – в эту поездку мы все делали вместе и не сговариваясь - стали загружать машину. После этого я попытался её завести – не заводится. И – самое страшное – нелады с аккумулятором. Оказалось, я забыл туда долить дистиллированной воды, которая у нас была с собой. Где-то была. Где? Мы опять сняли багаж в поисках драгоценной бутылки. Все перерыли. Потом перевернули все в машине.

- Может выпили по ошибке?

- Ты что, она же безвкусная, мы бы заметили...

Нашли. Все-таки нашли. Я её залил, пока оставил аккумулятор в покое, проверил бензин, масло – раньше нужно было это сделать! Но мы только два дня тому ездили на Ойяколь, кто мог подумать? Снова разобрал-собрал двигатель. Стартер не берет. Господи!.. Еще... Еще... Давлю на педаль стартера...Еще...Еще-е-е...Завелось! Чудом завелось! Может потому что я сказал Господи? Мы двигатель уже не выключали, набрали

во все емкости воды и намного более серьезные и менее храбрые, чем по приезде, двинулись в обратный путь.

Когда мы выехали на трассу, где хоть изредка ходят машины, были уже сумерки. Облечение не описать словами. Нина мне сказала «милый» по-моему, второй или третий раз за нашу совместную жизнь, а это говорит о многом. Задним числом мы испугались. Осознали – нам повезло, что вернулись целыми и невредимыми. А могло и не повезти...

Мы ехали по трассе всю ночь и до обеда следующего дня, потому что пришлось еще раз заняться ремонтными работами. Решили домой не возвращаться, и отправились на берег довольно большой реки вблизи Столицы. Это были уже обжитые нами места. Со всеми удобствами под тенью дерева установили палатку. Выпить и закусить у нас было с собой, и еще связка вяленой рыбы. По дороге успели купить несколько бутылок пива. Это был другой вариант отдыха. Уже были люди, берег грязноват, рыба не клюет, мы уже не чувствовали себя экстремалами. Но и без адреналина в крови по контрасту тоже было очень хорошо. А почему я запомнил эту часть отдыха? Нина доказала что она может быть не фригидной. В первую ночь на реке она проявила такую страсть, о которой я даже не мог мечтать. И подумал: «Ну, если так будет и дальше, то меня ждет счастливая и бурная жизнь».

А закончу рассказ о нашем отдыхе тем, во что вы не поверите. Скажете – это он придумал для полноты картины. Дело ваше, а я все-таки расскажу. Метров за пятьдесят до дома наш «горбатый» остановился. Навсегда.

Вечная ему память в моем сердце.

2.26 Короткий год.

Закончился наш отпуск, мы вернулись на работу. Закончился отпуск Андрея, он вернулся из Ленинграда. Закончилось лето, мы вошли снова в будни и быт. Но подобно нашим далеким предкам, которые в пещерах непрерывно поддерживали огонь, мы с Ниной изо всех сил старались сохранить те отношения, которые у нас появились за время отпуска. Нам – я думаю Нине тоже - показалось, что появилось новое качество. Во всяком случае, мне этого очень хотелось. Должен признаться, что во время весеннего обострения я почувствовал неуверенность, и сам стал замечать что-то заискивающее в манерах и голосе – я не знал, насколько сочувственно и терпеливо Нина ко мне отнесется. Все было вроде бы нормально, ну заболел человек, мог быть грипп, оказалось желудочное обострение. Все под богом ходим. Но я-то понимал, что это может вылиться в более сложную и длительную историю. Как оно тогда обернется? И потихоньку начал сознавать, что кроме уважения и взаимопомощи, даже кроме взаимного доверия должно быть что-то еще, скрепляющее эти отношения. Наверно, признался я себе, наверно должны быть чувства. После лета наши с Ниной отношения находились в стадии неустойчивого равновесия, мы могли вернуться к прежнему состоянию, которое я про себя называл «партнерство во имя мира» или пойти дальше - к чему-то более надежному и душевному.

Но дело не только в рассуждениях и опасениях. Я почувствовал, что созрел для того, чтобы полюбить Нину. Еще не любил, но уже был к этому готов. Немного странная формулировка, понимаю, но она соответствует моим тогдашним настроениям.

Продолжу странные формулировки. Я понимал, что она заслуживает любви. Красивая – это само по себе очень важно, когда я с ней куда-то выходил, то испытывал законное чувство гордости. И не только на выходе, часто дома я с удовольствием, а иногда – как пишут в романах – с замиранием сердца следил за ней. Она всегда была в аккуратном халатике, причесана, халат перетянут пояском и подчеркивал все хорошее,

что было в её фигуре. Когда что-то готовила, то надевала белый с кружевами передник, Что-то – это, как правило, была долбанная курица, которая не заслуживала ни передничка, ни всего остального.

Если продолжить эту тему, то Нина была умной, серьезной, ответственной, не капризной, не требовательной – список достоинств можно продолжать. А в чем странность формулировки вы уже поняли – любят не за дебит-кредит достоинств и недостатков, а потому что любят. Но может этот дебит-кредит тоже играет не последнюю роль?

Мне мешала её вечная сдержанность, неразговорчивость, даже её уравновешенность, уж слишком она была абсолютной. Иной раз доходило до крайностей - хотелось, чтобы она накричала, устроила хотя бы подобие скандала. Нередко мне подобно плохому актеру из плохого фильма хотелось завопить: «Хоть ударь меня, черт тебя побери, хоть грохни тарелку, обматери в конце концов!». Эта сдержанность заставляла и меня быть корректным и немногословным, как английский джентльмен, а это мне давалось нелегко, стоило усилий и даже нервов.

И все же с её малоэмоциональностью я в принципе смирился, что делать, такой характер. Знал, на что иду. Куда больше меня расстраивало другое. Я дома не чувствовал тепла. Оказывается, каждый человек в среднем выделяет в пространство восемьдесят больших калорий тепла в час. Эту цифру принимают при расчетах кондиционирования воздуха, то есть ей можно доверять. Мне кажется самый чувствительный прибор не определил бы исходящую от неё даже что ни на есть самую малую калорию. Это было еще одной её особенностью. Она, например, очень любила Андрея, но никаких «сыночков», «пуси-муси», «сладеньких» и поцелуйчиков не было. Анна Ванна ей иногда говорила:

- Мачеха, побалуй ребенка, приласкай, смотри, как он старается.

Конечно, эта была только форма, а не содержание. Андрей был хорошим, воспитанным мальчиком и Нину очень любил. К счастью – мне кажется, к счастью – он был куда мягче «железного Феликса». Я видел, что Нина тоже была не слишком довольна некоторыми особенностями своего характера, но каждому дано, то что дано. Я очень редко мог понять, что она думает и чего в данный момент хочет, спокойное выражение лица не было зеркалом её души – а может было? Но и она далеко не всегда понимала, что чувствует другой человек, я говорил – для неё дважды два всегда и при всех обстоятельствах было четыре. В математике это так, а в жизни не всегда.

Вы помните известную фразу из фильма «Доживем до понедельника»– «счастье, когда тебя понимают?». Конечно, это важно в жизни, кто спорит. Но как много значит, когда в каждом слове слышна ласка, когда всегда хочется обнять, даже просто прикоснуться, когда во взгляде ты читаешь «милый мой, дорогой мой». Это то, что я называю теплом и то, что обязательно нужно для счастья. Все о чем я говорил не должно быть слащаво и заметно окружающим, только для внутреннего потребления. Но оно должно быть. Я думаю – даже сейчас – недостаточно только добросовестно и даже от души делать в семье то, что ты должен. Нет, все-таки я бы сказал так: «счастье – это тепло, которое дарят друг другу». В моем представлении счастьем – даже его эталоном – были наши отношения с Алей. Я, естественно, не мог надеяться на нечто подобное с Ниной, мы другие, и годы уже не те... Но хоть какое продвижение в этом направлении должно быть заметно.

В это время я очень сдружился с Азимой, мы подолгу разговаривали с ней, отлично понимали друг друга, я об этом уже писал – мы читали одно и то же, думали одинаково, даже музыка была «одна на двоих». Мне с ней было очень интересно. Здесь в

строку была бы фраза из «Доживем до понедельника», которую я приводил чуть раньше. Такого взаимопонимания было достаточно и более чем достаточно для дружбы. Для настоящей дружбы. Но напрасно Жетес Садатович глядя на нас время от времени печально вздыхал, словно говорил – жаль, что ты меня тогда не послушал. Он ошибался. Любовь и дружба совершенно разные субстанции. На Нине я мог жениться, а на Азиме не смог бы. Это было бы как кровосмешительство. Я был уверен, что только в фильмах близкие друзья могут вдруг прозреть и неожиданно влюбиться друг в друга. Впрочем, бывает брак по дружбе, тоже разновидность – я уверен – брака по расчету. Но мы говорим, все-таки о чувствах другого рода и на другой основе. Я надеюсь, вы понимаете, о чем я немного путанно пытаюсь говорить...

В СКБ распространились сплетни, что у нас с Азимой роман. Мы жили в заводском доме, и, несмотря на то, что Нина мало с кем общалась, эти сведения дошли и до неё. А может быть она так подумала, потому, что Азима меня регулярно снабжала новыми книгами и журналами – у неё была отличная домашняя библиотека. Но так или иначе, на этот раз Нина все-таки немного, еле заметно отреагировала. Я однажды спросил, прочитала ли она книгу, которую мне дала Азима, кажется, это был «Наш человек в Гаване» Грина, дефицит. В ответ услышал довольно резкое «нет».

- Ты что? Я просто хотел сказать, мне она так понравилась...

- Скажешь это своей Азиме...

Ну знаете ли, для Нины это можно было считать вспышкой ярости!

На меня такая неожиданная реакция подействовала вдохновляюще, значит еще не все потеряно. И я решил не дожидаясь ответа с противоположного берега самому начать переправу.

Я и раньше был заботлив и внимателен, а сейчас старался даже предупреждать любое желание. Не мужчина, а облако в штанах. Я стал ласков, разумеется в пределах, отпущенных мне Ниной, стараясь не вызвать удивления или – не дай бог – насмешки. Мне удавалось не переходить черту. Поцеловать в шейку, обнять неожиданно сзади, приучить её к тому, что с некоторых пор она стала для меня не Ниной, а Ниночкой, иногда фамильярно и игриво хлопнуть её по ... ну понятно, по какому месту – словом, весь арсенал, накопленный мною, я пустил в ход. Но делал это не только потому, что так нужно было, а и потому, что мне этого хотелось. Такая комбинация делала мое наступление естественным.

Я сделал еще очень сильный ход и нашел, как мне казалось, удовлетворяющую всех – и мой желудок – проблему питания. Очень дипломатичный вариант. Так как Нина из-за транспорта бывает дома на два с лишним часа меньше, чем я, то сам бог велел ей помочь готовить еду. Это было принято благожелательно. И с тех пор я в добавление к долбанной курице и макаронам готовил довольно диетические и не менее вкусные блюда. Скажем картофельную запеканку с молотой курицей, или творожную запеканку, или чудные паровые котлетки с прекрасной гречневой кашей. На первое овощные супы или исключительно полезный перловый суп, который нужно варить минимум три часа! Правда это замечательное начинание полностью провести в жизнь не удалось, но все-таки польза, хоть частичная была. Дело в том, что мои блюда успехом не пользовались. Они – Нина с Андреем – не понимали, зачем делать, скажем, пюре, когда жареная картошка вкуснее, и пюре хорошо только свежее, а готовые макароны поджарил – быстро и с чудной корочкой. И далее в таком же духе. Все-таки получалось, что я готовлю себе, а они себе. Андрей иногда спрашивал, заглядывая в холодильник:

- Это твоя еда, или наша?

Звучало шокирующе. Твоя, моя, наша... Постепенно я стал сокращать свою инициативу, семейный очаг чем-то становился похож на коммунальную квартиру. Может быть рано сдался...

Теплота в доме пока не появилась, но движение к этому уже наметилось. Нина очень старалась добавить обертоны в свой немного металлический голос и синеву в пока еще как правило серые глаза. Не всегда это у неё органично получалось, но я верил в систему Станиславского и в то, что предлагаемые обстоятельства постепенно станут правдой жизни. Может это будет еще не скоро, и не так, как рисовалось, но надежды появились. Уже хорошо...

Первый сигнал к отбою дал я. Можно винить беспросветную тоску на работе, можно ругать себя за то, что так и не пытался вернуть спортивную форму, может питание не было идеальным для моего тракта, и слишком легко я вернулся к долбанной курице с долбанным бульоном. Или наиболее вероятно комбинация этих причин. Но подозреваю, что дело обстояло проще – внутри продолжались процессы, я их не гасил, не лечил до конца, и со временем они снова вышли на поверхность. А в чем-то и усилились. Короче, в начале ноября у меня началось обострение. Обычные признаки плюс дополнительные, то что прошло почти незамеченным прошлый раз – периодические болезненные спазмы где-то в районе желудка. На сей раз я не решился заниматься самолечением и пошел к врачу. Я сделал гастроскопию, и у меня кроме всех перечисленных в свое время болячек появилась новая. Звучала она зловеще – язвенная болезнь луковицы двенадцатиперстной кишки. Вот так. Мне предложили лечиться в больницу, но я её панически боялся после печальной истории в условном Саратове и отказался. Мне дали больничный, потом продлевали, так продолжалось почти месяц. Выписали гору лекарств, приказали кушать только уже кем-то жеванное-пережеванное (шутка) каждые два-три часа по чуть-чуть. Готовить и греть как раз работа для Нины (еще одна шутка, пошел черный юмор).

Это был рубеж. Все смешалось в доме Полякова.

Нина наконец полностью осознала, с чем ей предстоит быть связанной всерьез и надолго. И все-таки я не знаю, какой выбор она бы сделала, если бы я изо всех сил не старался ей помочь сделать этот выбор не в мою пользу. Я должен сразу и объективно предупредить всех, чтобы не было иллюзий на мой счет – на этот раз я болел некрасиво. Даже недостойно. Не могу объяснить почему. Раньше в подобных ситуациях я вел себя нормально, не скулил, не ныл, ни от кого с ножом к горлу не требовал сочувствия. Словом, как и положено. Почему все настолько изменилось? Конечно можно найти кое-что себе в оправдание, и для этого даже будут основания... Все равно это было ужасно. Наверно во многом из-за этого я изо всех сил старался забыть Республику.

Давайте я все-таки объективности ради приведу те самооправдания, которые все равно ничего не оправдывают.

Прежде всего повышенная раздражительность является одним из неизбежных спутников язвенной болезни, так говорит медицина. Но я с вами согласен, это не оправдание.

Еще одно: у меня возникло подозрение – я бы сказал втемяшилось в голову – что начинается рак, и от меня это просто скрывают. Я между прочим, не исключаю, что такие мысли посещали и Нину. Но даже такую опасность человек должен переносить с достоинством. Мне это не удавалось.

Если бы вы знали, как нелегко в этом признаваться...

Еще вариант - может прежде я целиком зависел от себя, и не на кого было пытаться возложить ответственность. Или хотя бы её разделить. Тоже мало убеждает? Согласен. Не убеждает.

А может это была своеобразная форма протеста, обиды – хотя бы в болезни я надеялся почувствовать тепло, а его не было. Ведь я попал в беду! Участие было, но в официальной, я бы сказал протокольной форме. Тоже оправдание одностороннее, потому что образовался замкнутый круг - я наверно стал слишком напоминать Нине её недавнюю семейную историю. Но ведь я с самого начала знал, что еще одного слабака и неудачника она на себе тащить не будет.

И с большим опозданием впервые подумал, что с Хваловым мы обошлись не очень красиво...

Но самое главное все-таки вывод – мы поняли, что все уже предопределено. Наше неустойчивое равновесие качнулось в другую сторону, амплитуда была на удивление большой. Поэтому воспользуюсь правом автора и не буду размазывать эту историю, постараюсь побыстрее довести её до финиша. Этот год мне казался бесконечным, но для вас он будет коротким. Как в оглавлении. Я приложу все усилия. А подробности... вы их можете представить себе сами – так и тянет добавить в меру своей испорченности. И все-таки мордобоя и грязных оскорблений в эти представления не включайте. Внешне все выглядело для такой ситуации относительно - относительно - прилично. Даже для соседки снизу с её встроенным сейсмографом финал был полной неожиданностью.

Вы помните, я когда-то после разговора с Генрихом придумал себе принцессу и тогда чувствовал, болезненно чувствовал, что мы с ней удаляемся друг от друга. Сейчас я стал ощущать нечто подобное. Только скорости были намного больше. И боль намного сильнее. А ведь я тогда даже не знал, кто будет эта принцесса. Может это было предвидение и предчувствие? С тех пор я поверил в предчувствия.

Несколько раз меня посещали Генрих и Жетесом Садатовичем. Один раз они пришли с Азимой. Нина её встретила очень приветливо, и я ехидно подумал: «Может она надеется, что Азима меня подберет?». Но тут же устыдился этих инсинуаций, Нина на подлые мыслишки была не способна. Впрочем, я уже не знал, чему верить, а в чем сомневаться...

К декабрю мы вместе с медициной прекратили обострение, и мне удалось взять себя в руки. Но на диете я еще оставался довольно долго. Готовил её, как вы понимаете сам. Отношения с Ниной внешне были ровными, сначала прохладными, потом даже подмороженными. Мы никому ничего не говорили, и все-таки близкие довольно быстро догадались, что между нами пробежала кошка. О величине этой кошки они могли только догадываться. Только Илье я все рассказал. После моего рассказа он установил рекорд мрачности...

Новый год отпраздновали у нас всей «бражкой», особого веселья не получилось.

Близость наша с Ниной таяла на глазах, а после Нового года соседка снизу могла спать спокойно, никто её не тревожил. Андрей очень меня поддерживал, понимал, что между мной и мамой происходит что-то серьезное. Мы все как будто выжидали, что будет дальше. Нина в соответствии со своим хваленым хладнокровием, а я изо всех сил старался выглядеть англичанином. На решительные шаги или объяснения пока никто не осмеливался.

Но как быстро все переменялось! Оказалось, что наш дом стоял на песке...

Ненадолго вернусь к рассказу о работе. Там продолжалось безделье, удивительное даже для СКБ УГШО. Летом новые-старые чертежи в соответствии с планом были готовы, директор вместе с ведущими стал согласовывать их с заводами изготовителями – сложная и напряженная работа, но в это время исполнителям вообще делать было нечего. Технический проект следующего габарита был сделан давным-давно, но его не утверждали, пока не принята головная машина. Было не положено, но главное – «они» действительно не помогали, а только мешали непопулярному в верхах Яблонскому. И тогда Сан Саныч решил запускать рабочие чертежи без утвержденного проекта. Смелое и повлекшее за собой ряд последствий решение. Но все-таки у людей появилась работа. И у меня тоже, какая ни на есть.

Может быть я стал немного дерганым, может недостаточно терпимым, но честно говоря я так не думаю. Просто вернувшись после болезни, постарался включить свой отдел в рабочий режим. Это меня отвлекало от болячек и не менее болезненных домашних проблем. Я тоже стал «ходить по доскам», особенно к тем, кто проектировал корпусное литье, в нем мало кто в СКБ разбирался.

Прошел февраль, март, начался апрель. Я уже стал надеяться, что весеннее обострение не наступит. Нашел небольшой спортивный клуб по соседству и стал его посещать, не слишком активничая. Каркас укреплялся, хотя внутри, как говорят медики, все еще чувствовался дискомфорт. Мне показалась, что и Нина иногда стала посматривать в мою сторону с некоторым интересом. А может я по своей застарелой привычке рано сдался? Может все как-то устаканится? Всегда есть надежда. Ведь у нас было много хорошего, и Нина не раз оказывалась верным и надежным товарищем. Плечом к плечу...

Что меня напрягало, не давало покоя – я чувствовал себя не то условно осужденным (с ударением на букве «у»), не то условно освобожденным. Еще какая-нибудь провинность и мне грозит срок. Или бессрочная ссылка...

На этот раз обострение произошло на работе. Вдруг заговорили, что в ближайшее время директора снимут. Что Исабаев дал отмашку наверх - снимать. И даже написал заявление, что в СКБ разрабатывают чертежи без утвержденного задания.

Я не очень впечатлился, квартира у меня уже была. И как-то без особого интереса спросил Генриха, зачем это Исабаеву нужно и почему сейчас.

- Для него самое время. Все заказы розданы, без Сан Саныча это было бы невозможно. Самое трудное прошло. Теперь долго будет продолжаться сборка. Пока придут детали, ну, ты знаешь. Потом испытания. Если все прилично – Исабаев на коне. Если плохо – прошлый директор виноват.

- Но он терпеть не может технику. И разбирается в ней как свинья в апельсинах. Зачем ему директорство?

- Ни к чему. Ему нужно пару лет отсидеть на этой должности, чтобы было основание забрать его в горком партии. И нужно, чтобы за эти два года он не был ни в чем виноват...

- Неужели нельзя было обойтись без кляузы? Все-таки твой Исабаев дурно пахнет.

Генрих промолчал, покраснел. Сомнения в «простодушном шалопае» у него появились.

Его неуверенность развеял неожиданным образом сам Исабаев. Он действительно через несколько дней был назначен директором вместо А.А. Яблонского, снятого за... (не помню, за что, но слова «грубое нарушение» в приказе были). Жалоба свою роль сыграла. Когда утром мы прочитали приказ, осталось неприятное послевкусие, но к вечеру у нас

появились более сильные ощущения. Мы как раз сидели втроем у меня в кабинете и поминали «не злым тихим словом» Исабаева. Но тут появилась секретарь нового директора и радостно сказала:

- Вы-то мне и нужны.

Она каждому дала приказ, где мы, все трое, были уволены по собственному желанию,

У нас с Генрихом была одна реакция:

– Жетеса Садатовича-то за что?

Это был шок. Огромной силы. До нас доходило с трудом. Это ж надо было столько времени улыбаться и копить... И не постыдиться. Не побояться людского суда и скандала.

Мы сразу втроем пошли к нему. В углу тихо сидел Груша и видно было чувствовал себя неловко. Наверно уже знал о приказе. Исабаев дал ему знак оставаться на месте и посмотрел на нас на этот раз с откровенной насмешкой.

- Нужно объяснять?

- Не помешает, - процедил сквозь зубы Генрих.

- Сначала о тебе, Геша, - я знал, что так Генриха звали в институте. - Детективы нужно читать. Свидетелей убирают. Зачем мне нужно, чтобы кто-то на меня смотрел сверху вниз? Помнил лишнее.

Он перевёл взгляд на меня.

- С Поляковым я просто поквитался. Есть за что. Со второго раза. И у меня на столе жалоба его сотрудников. Они просят назначить на его место Мекка, который и так все сам делает.

Он показал мне листик, там было, кажется, четыре фамилии, первой была соседка снизу. Неясно было только одно - сам Мекк почуял момент, или получил сигнал? Впрочем, это было все равно.

- А Жетес Садатович при чем? – в один голос спросили мы с Генрихом.

- За компанию, - и Исабаев засмеялся. – Вы же три мушкетера. Один пострадает за всех. Хотя и он тоже смотрит на меня... как Генрих.

Он подумал и важно добавил.

- Лучше пишите заявление по собственному желанию. Не устраивайте бузу. Вы же понимаете, что здесь вам не работать.

- Ну ты и мразь. А я не верил, - выдохнул Генрих.

Исабаев снял добродушную маску, заскрипел зубами, поднялся с места и подался к Генриху, на ходу подтягивая рукава свитера:

- Это я тоже давно хотел сделать...

Я вышел вперед.

- Слушай, Ласло недоделанный. Ты очень разжирел, а я тебе не Груша. Если не хочешь, чтобы тебя в первый день вынесли из кабинета на руках, сядь и не чирикай...

Он почувствовал, что я его приблюю. У спортсменов, особенно боксеров, даже бывших есть на это чутье. Сел. На лице было столько подлой злобы, что никакому Яго не снилось.

Генрих плюнул на пол, повернулся и пошел к дверям, я сделал то же самое. И краем глаза увидел, как в привычной широкой улыбке расплылось лицо Жетеса Садатовича, и он плюнул дальше всех.

Мы сразу получили отпускные, все что положено, чтобы сюда больше не заходить. Исабаев с утра, оказалось, распорядился все подготовить. Других забот у него не было. В Одессе говорят – дешевка...

Кстати, мы потом узнали, что через день был уволен по собственному желанию Груша. Не стоило ему быть свидетелем.

А чтобы вам интересней было читать, даю тожественную клятву перед богом и людьми – так все и было. Бывший Главный инженер в первый день директорства действительно свел счеты, выставил трех не последних людей организации в основном из-за того, что бывший ближайший друг самим своим присутствием напоминал ему бесславное прошлое. Я пошел по совместительству. Жетес Садатович приложением. И для всех это было полной неожиданностью.

Мы крепко напились в тот день. Я не думал о последствиях, о желудке.

Дома я сразу все рассказал. В этот раз на лице обычно непроницаемой Нины ясно можно было прочесть её мысли - язвенник, хроник и безработный, все сразу. И привычная корректность ей, наконец, изменила:

- В какое дерьмо я впуталась!

Не буду клеветать, она сказала именно «дерьмо», а не «говно». И скорей всего имела в виду ситуацию, а не меня лично. Но все равно, эта фраза звучит до сих пор у меня в ушах.

Все остальное было достаточно корректно и интеллигентно. Мы больше неприятными репликами не обменивались. Генрих обещал помочь с работой через Ирину Борисовну. Но через неделю у меня открылась язва (меня это не удивило), и я сразу без раздумий отправился в больницу. Почему-то язву зарубцевать никак не удавалось (тоже ничего удивительного). Я провел в больнице почти месяц без особых результатов. Из больницы я по телефону связался с товарищем в Москве, сдержанно описал ситуацию и попросил прежде всего устроить меня в приличную клинику. Дальше видно будет. Товарищ не удивился, сказал, что ожидал чего-то подобного – у него своеобразное чувство юмора. Но обещал помочь.

В больнице меня посещали Илья с Зиной и рыбой-фиш, Генрих с Жетесом Садатовичем. Нина приходила через день – через два, с печеными яблоками. Иногда с Андреем. Мы с ней ни о чем серьезном не говорили, темы житейские – как дела на заводе, как учится Андрей. Она даже целовала меня в щеку – при входе и на выходе. Обычные семейные разговоры, соседи по палате глядя на нас тихо радовались.

По своему характеру я бы стал разбираться, выяснять, что к чему и почему. Но у меня было ущербное положение больного, поэтому я считал, что разговор должна начать Нина. А она как обычно была спокойна и непроницаема. Так что мне оставалось брать с неё пример. Известие, что я еду в больницу в Москву она встретила вообще без какого-либо выражения лица.

Я объяснения начинать не рискнул еще по одной причине - помнил, когда делал ей в аэропорту предложение и подробно обосновывал это, она сказала, что не понимает, зачем долго говорить о вещах, которые и так понятны.

Вещи были понятны.

Она только один раз изменила правилу железного Феликса и неожиданно сказала:

- Может нам просто не хватило времени, год-два, чтобы кроме долга появилось еще что-то...

Вы знаете, я тоже так думал... раньше. А сейчас проворчал:

- Случилось бы что-нибудь другое...

Больше никаких разговоров по существу не припоминаю...

Два раза приходила и Азима в компании Генриха и Жетес Садатовича. Она понимала, что я уеду и однажды сказала:

- Жаль терять самого лучшего друга.

Самого лучшего. Так и сказала. Что удивительно – я болел, а она похудела. Но ей это шло. Жетес Садатович печально вздыхал.

После больницы дома я был одни сутки. Спали мы с Ниной спина к спине. Так друзья в фильмах отражают атаку. У нас был другой случай.

Когда я вставал, она просыпалась:

- Тебе что-нибудь принести?

- Нет, спасибо.

Но когда я возвращался, она уже спала.

Нина уложила мои вещи в чемодан, который я называл сиротским, впрочем, чемодан был довольно большим для сироты. Когда я его застегивал, она откуда-то из-за спины проговорила:

- Тебя никто не гонит.

- Но никто и не задерживает.

Я не поворачиваясь ожидал ответа. Его не было.

Все в чемодане было уложено аккуратно, выстирано, выглажено. В том числе и зимние вещи (был июль), даже альбом с фотографиями. Какие могли быть вопросы? Вопросов не было.

Вечером следующего дня я с тем же самым сиротским чемоданом отправился в Москву в спальном вагоне - тогда уже появились такие. Был у меня с собой полный набор лекарств, вагон ресторан немногим уступал больничной столовой, а полежать и подумать определенно стоило. С деньгами были сложности: последняя получка на билеты и дорогу, отпускные - на Москву. Формально считалось, что я еду лечиться, а там видно будет, хотя все близкие не хуже нас понимали, что семье Полякова пришел преждевременный конец. Но такая форма позволяла соблюсти внешние приличия. Нина с Андреем меня провожали, и даже при неверном свете вокзальных фонарей было видно, что они очень расстроены.

Приехали на вокзал Илья (без Зины, но с рыбой-фиш), Генрих и Жетес Садатович. В последнюю минуту, запыхавшись подошла Анна Ванна. Как она узнала? По-моему, Нина была удивлена этим появлением больше, чем я. Мы с Анной Ванной расцеловались.

Поезд тронулся, я не махал рукой, не выглядывал из окна. Знал, что уезжаю из Столицы навсегда.

Мне было очень тяжело. Невероятно тяжело. Оказалось, что я все-таки успел если не влюбиться, то очень серьезно увлечься Ниной, привыкнуть к ней, и вообще сроднился с новой семьей. И с Андреем в частности. Разрезали по живому, во всяком случае по уже сросшемуся. Когда от тебя хотят избавиться, это очень больно. Унизительно. Да, унижение – вот одно из самых болезненных воспоминаний того периода. И сколько раз можно терпеть фиаско? Можно ли надеяться ожить после всех этих катаклизмов? Вы видите, сколько печальных и тяжелых мыслей меня осаждало?

Некоторое облегчение временами – только временами – приносило одно странное рассуждение. Вот оно:

Там, откуда я уехал, было все не мое. И я был не я. Авантюры, интриги, «любой ценой», «брак по расчету»... А когда я представлял себе, что мог бы остаться навсегда вдали от родных мест, в городе, который не любил, на работе, где мне нечем было заняться и которая вызывала только раздражение, с женщиной ни хорошей, ни плохой, просто не моей - мы с ней, безусловно, были из разных коллекций - то меня охватывал страх.

А теперь все-таки впереди у меня было будущее. Может хорошее, может плохое, во всяком случае неизвестное. И у меня еще есть шанс найти себя. А может быть и найти свою алю. Вы заметили, я написал с маленькой буквы? Это имя нарицательное.

Конец.